

ВОЛОДИН ГРИГОРИЙ

ПИТОМЦЫ АПОКАЛИПСИСА

16+

Григорий Володин

Питомцы апокалипсиса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57127723

SelfPub; 2020

Аннотация

Он – шестнадцатилетний парень с суперсилой эмпата. Она – инопланетный гиперпилот. Их близость грозит миру гибелью. Их самоотречение погубит одного из них. В детстве Стаса похитили и отдали в рабство Юлирель, апатичной голубокожей девушке. Каждый день ему вкалывают «сыворотку любви». Каждый день он служит юной хозяйке как преданный щенок. Сердце Стаса промыто химией, настоящие его чувства – одна из великих тайн мироздания. Но наступает день, когда нужно выбрать, чья судьба Стасу дороже: Юлирель либо всего человечества.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	16
Глава 2	23
Глава 3	37
Глава 4	42
Глава 5	47
Глава 6	54
Глава 7	60
Глава 8	72
Глава 9	81
Глава 10	95
Глава 11	111
Глава 12	121
Глава 13	134
Глава 14	143
Глава 15	150
Глава 16	162
Глава 17	179
Глава 18	191
Глава 19	209
Глава 20	221
Глава 21	243
Глава 22	269

Глава 23	283
Глава 24	298
Глава 25	313
Глава 26	328
Глава 27	345
Глава 28	357
Глава 29	374
Глава 30	391
Глава 31	418
Эпилог	436
Благодарности	445

Пролог

От мамы и сестренки у Стаса не осталось ничего, кроме воспоминаний. Ни одной фотографии. Ни одной из дешевых пластиковых заколок-рыбок – их Лена разбрасывала по всей квартире, и даже в школьном портфеле Стаса всегда валялось штуки три-четыре. Ни одного из брелоков «Мстители», подарков мамы. Будто никогда и не было у Стаса семьи на Земле.

Он помнил, как сонным воскресным днем гулял во дворе с сестренкой. Лена рисовала мелками на асфальте кривую рожицу кролика, а сам Стас сидел на качелях, лениво отгаликиваясь ногой от земли, и не замечая носившихся вокруг детей.

Ему тогда было десять, его сестренке – шесть.

Ярко светило летнее солнце, обжигая детям макушки, в голове мальчика гудело от жара, но детскую площадку ему не хотелось покидать.

А идти надо было. Сначала домой – отвести Лену, – затем снова в больницу. Снова к маме.

Быстрое облако сползло с солнца, и Стас прикрыл глаза от освобожденного ослепительного света. Скрипела под рукой горячая веревка качелей.

Две девочки того же возраста что и Стас, со смехом покатались с горки «паровозиком». Девочка спереди пыталась

выпрямить белые коленки, чтобы не повалиться на бок, но вторая за них держалась и не отпускала. Почти у самой земли обе перевернулись и упали чуть ли не к самым ногам Стаса.

Мальчик протянул руку и помог девочкам подняться, а когда они, отряхиваясь, начали благодарить его, просто отошел в сторону.

– Грубиян! – крикнула одна из девочек в спину Стаса.

– Лиза, какой же он грубиян, раз помог нам?

– А кто еще помогает и сразу убегает?

– М-м... супергерои?

– Да нет же? Грубияны!

На крики сзади Стас так и не обернулся.

Нет, в юном возрасте наш герой не считал девочек вампирами, с которыми стоит только заговорить, как они тут же гипнозом заставят пригласить их домой и съедят всю твою семью. Казановой он, понятно, не был, но общался охотно со всеми сверстниками. Только в тот день – у Стаса нутро чужало – случилось что-то непоправимое. Что-то страшнее вампиров.

В любой другой день кроме воскресенья, Стас, возможно, подружился бы с теми девочками. Или играл бы с друзьями в футбол. Или завалился бы на диван перечитывать любимые потрепанные комиксы. Или смотрел бы боевик по ящику.

Но сегодня было воскресенье. А значит: снова через силу переступать порог забитой больными людьми раковой палаты. Снова считать третью от двери подушку и наткаться

взглядом на розовую лысую голову мамы. Снова ее дрожащая рука в пятнах экземы погладит его по лицу. Снова смотреть, как мамы под больничной рубашкой стало еще меньше по сравнению с прошлым визитом неделю назад.

А сегодня вдобавок точно нагрывает что-то новое неизбежное.

– Сегодня я пойду с тобой к маме, – заявила Лена.

– Ты еще мелкая, тебя не впустят в больницу, – отмахнулся мальчик.

Лена выпрямилась и уперла кулачки в бока.

– И когда же я стану не мелкой?

– Когда...когда все твои молочные зубы выпадут, – придумал на ходу Стас. Лена недоверчиво глянула на него.

– А твои что ли все выпали?

Стас ощерил рот в широкой улыбке:

– Конечно, смотри сама, – соврал мальчик. На самом деле, три задних «молочника» никак не хотели вываливаться, хоть Стас время от времени усердно шатал их языком.

Лена нахмурилась, совсем как взрослая, но все же сдалась.

– Ладно, но пообещай не выдавать маме, что я смотрела «Рыжую Принцессу» допоздна.

– Если только пообещаешь больше не смотреть свою «Принцессу» допоздна, – сказал мальчик, заглядывая сестренке за плечо.

На асфальте Лена нарисовала желтый выпуклый круг. Очень похоже на обручальное кольцо в маминой шкатулке.

Даже две пересекающиеся царапины на ободке такие же.

На памяти Стаса мама никогда не носила кольцо. Видимо, обручальные кольца – штуки очень неудобные. И, нося их, люди вынуждены блюсти некий тяжкий обет, как Зеленые Фонари в обмен на кольца силы клянутся защищать жизнь во Вселенной.

Раньше мальчику иногда грезилось, как однажды в дверь их квартиры громко постучат. Стас сразу бросится открывать дверь. Может, кто-то из одноклассников хочет поиграть в футбол или сгонять на велосипедах на озеро?

Стоявший за порогом высокий незнакомец посмотрит на Стаса сверху вниз. Глаженный синий мундир с серебряным шитьем, увешанный золотыми медалями, зазвенит на мужчине, когда тот молча войдет в прихожую.

– Вас не впускали! – возмутится Стас. Но мужчина только взъерошит ладонью ему волосы. На безымянном пальце поднятой руки сверкнет гладкое золотое кольцо. Лена из комнаты увидит мужчину и закричит:

– Ма-а-а-а-ам! Кто-то пришел.

Стас уже занесет ногу, чтобы пнуть по сверкающему черному сапогу наглого дядьку. Но тут выйдет из кухни мама, вытирая руки о фартук. Она будет уставшей после готовки мясного рулета, но все равно красивой и не больной раком. Увидев незваного гостя, мама побледнеет, спрячет левую руку в карман фартука и бросится в спальню.

– Вы ее напугали, – возмутится Стас, решая все же пнуть

чужака. Но мама уже вернется, и золотое кольцо с двумя царапинами сверкнет на ее пальце в тусклом свете прихожей. Мама бросится на грудь незнакомца и одновременно заплачет, и засмеется. Высунется на шум Лена. И глядя маму по никогда не выпадавшим в грезе мальчика волнистым волосам, незнакомец улыбнется Стасу и Лене. Старые обеты засияют с новой силой.

И тогда мальчик передумает пинать гостя за то, что тот вломился к ним. Ведь хозяин не должен спрашивать разрешения войти в собственный дом.

Стоило мальчику бросить взгляд на меловый желтый обод на раскаленном асфальте, как давняя греза снова вцепилась ему в глаза зубами. И не отпускала почти весь день, до самой больницы.

Когда перед запруженной больными палатой, словно свиньями загонем, уборщица, моя пол, сказала мальчику: «Твоя мама умерла, сынок, нечего тут топтать, иди домой», он решил, что ему померещилось. Но, увидев на третьей от двери подушке розовую голову незнакомой женщины, Стас сел прямо на порог, в горле его набухло нечто огромное, давящее, столь страшное, что он вдруг, не выдержав, расплакался. Кто-то из пациентов спросил его, в чем дело и, не дожидаясь ответа, отвернулся к стене. А Стас лишь мотал головой, и снова и снова пересчитывал подушки от двери. Первая, вторая, третья... первая, вторая, третья...

Когда мама умерла у Флеша, его любимейшего героя ко-

миксов, мета-человеку в красном трико ничего не стоило отмотать время вспять. Но сегодня мама умерла не у Флеша – у Стаса.

Врачи и медсестры, перешагивая через Стаса туда-сюда, громко возмущались: «Чей это ребенок? Чей это ребенок?», пока уборщица не согнала его с порога шваброй: «Блин, чего ты как маленький».

Он отбежал в угол коридора, туда, где уборщица еще не елозила шваброй, и смотрел через открытую дверь на десяток обреченных людей в раковой палате. Кто-то читал газету, кто-то копался в телефоне, кто-то сопел во сне. Никто не ныл.

«Чего же я как маленький?»

И он рванул прочь от палаты. Его дешевые кеды быстро топтали по зеленому наливному полу мимо медицинских каталок. На поворотах его маленькая голова и худые плечи едва не сшибали кадки с пальмами. Медсестры и пациенты в больничных рубашках с криками и руганью оглядывались на мальчика. А мальчик ни за что не хотел оглядываться. Ни за что, ни за что.

Он спешил домой к сестренке.

Стас уже видел, как в их дом врываются злые дядьки из службы опеки. Как его и сестренку увозят в разные детские приюты. Как их разлучают.

По телевизору иногда крутят фильмы о ребятах в детдомах: сиротам там очень несладко. Жесткая черствая пища,

жесткие железные кровати, жесткие кожаные ремни в руках надзирателей – жизнь не должна быть настолько жестокой!

Срочно домой – забрать Лену, скрыться с ней в лесу за городом. Они найдут чистую реку, наловят жирных зайцев и белок, наготовят из них вкусные бургеры, и вообще: заживут не хуже, чем в городе. Выдрессируют волков по утрам приносить тапки в их шалаш. Маугли разрыдается от зависти.

Мальчик домчался до лестницы, занес ногу над обколотой плиткой на ступеньке и...

И наступил на гладкий железный пол. Яркий свет брызнул в глаза. Мальчик заморгал, огляделся.

Его окружила толпа высоких взрослых в плотных костюмах цвета гранатовых зерен или свежей крови на скотобойне. Острые лица и длинные руки обтягивала странная синяя кожа – точь-в-точь как у смурфиков. Незнакомцы смотрели желтыми глазами лесных дымчатых рысей из «Дискавери».

Кислый прелый запах больницы исчез, повеяло свежестью и чистотой, как после дождя. Словно воздух процедили через десяток кондиционеров.

– Не бойся, – сказал один из взрослых, странно коверкая слова. К мальчику протянулась большая синяя ладонь. – Мы не обидим.

Ребенок медленно взялся за ладонь взрослого, и его куда-то повели. Перед глазами стелились обитые блестящим металлом узкие коридоры. Стальной пол тихо звенел под туфлями. В редких круглых окнах сияли звезды. Ни земли,

ни облаков: только звезды и чернота.

– Где мы? – спросил мальчик. – Как будто в небе над Землей.

Синий взрослый глядя в сторону покачал головой.

– Намного дальше, – сказал взрослый. – В небе над твоим новым домом.

Стена коридора вдруг отъехала в сторону, они вошли внутрь. В небольшой каморке неподвижно стояла странная девочка того же возраста, что и мальчик. Нитки на ее красной одежде торчали во все стороны. Короткие черные волосы взъерошились, бледно-голубое нежное лицо застыло, словно его выбили из холодного сапфира оттенка летнего неба.

– Юлирель, – сказал взрослый. Девочка повернулась.

Взрослый отпустил ладонь мальчика и слегка подтолкнул его:

– Иди к Юлирель.

Маленький пленник неуверенно шагнул вперед. Его будущая хозяйка смотрела на него желтыми глазами с жутковато-узкими зрачками.

– Привет, – сказал мальчик и попытался улыбнуться. Девочка молчала.

– У тебя нитка торчит, – сказал мальчик. Его рука сорвала с плеча девочки красную нитку, на ощупь гладкую и скользкую. Глаза Юлирель округлились. Маленький сирота коротко посмеялся.

– По правде, их много торчит, – сказал он. – Эта больше всех просто, вот и вырвал ее. А вообще, тебе не мешало бы переодеться.

Юлирель вдруг протянула руку, и щипнула футболку на плече мальчика.

– Нет, у меня нитки не торчат, – сказал мальчик и повернулся к синему взрослому. – Пожалуйста, верните меня в больницу. Мне нужно к сестренке. Она еще маленькая и неумеха совсем.

Рука Юлирель легла мальчику на плечо и крепко его сжала.

– Твой дом теперь здесь. На семь лет, – ответил синий взрослый. – Юлирель – теперь твоя семья.

Мальчик прикусил нижнюю губу.

– Хорошо, но мне нужны мои вещи. Там зубная щетка, одежда, любимая мочалка, – сказал маленький пленник. – Отпустите меня ненадолго домой, я мигом вернусь.

Взрослый молча отвернулся.

– Я ведь когда-нибудь вырасту, – закричал мальчик. – И тогда я уже не буду маленьким и слабым. Вы поднимите голову и увидите героя – героя для других! – но для вас я буду только мстителем. Если вы не отпустите меня, лично для вас я буду только злодеем.

Взрослый вышел из комнаты, стена сразу же задвинулась обратно, закрыв проход.

Маленький пленник скинул с плеча руку девочки, бросил-

ся к стене. Кулаки его забарабанили по твердому металлу.

– Откройте! – кричал мальчик. – Пожалуйста, поймите! У вас что, нет сестры?

Мальчик звал синего взрослого и бился о стену, пока его костяшки не разбились в кровь.

Упав на колени, и глядя на гладкий металл стены, закрывшей узкий коридор, закрывшей путь домой, мальчик плакал.

Горячие слезы затекли в рот. Горло ошпарили горькая щелочь, уксусная кислота, перец с солью. Трудно стало глотать.

Холодная рука коснулась мокрого лица мальчика, мягкие пальцы вытерли ему щеки. Пленник поднял голову.

Девочка с желтыми глазами нависла над ним, и прошептала незнакомые мелодичные слова. Бледно-голубые пальцы положили что-то в ладонь мальчика.

Это была длинная красная нитка. Ее растрепанные концы свисали до пола. Нить Ариадны, оборванная, ведущая в никуда.

В тот день до мальчика начало доходить, что надежда – просто этап детства, очередная фаза, из которой рано или поздно вырастают. Как из горшка. Как из глупых диснеевских мультиков. Как из сказки, что твой отец – посмертный герой войны, поймавший вражескую пулю в грудь. Светлое будущее поблекло, как пух чертополоха на солнце.

Мальчик сжал красную нитку в кулаке. Кровь капала с разбитых костяшек. Серая стена громоздилась над ним как могильная плита. Как крепость.

«И чего я весь день как маленький?»»

– Да, – прошептал мальчик. – Эта нитка намного длиннее.

В тот день – последний его день на Земле – Стас стал питомцем Юлирель.

Глава 1

Как обычно, я разбудил Юлю только с попытки дециллионной – мегаогромное число какое-то, больше, по-моему, нет. Ее странные желтые глаза со зрачками-полосками наконец раскрылись и сонно уставились на меня.

– Стас, – пробормотала Юля на певучем языке ананси, и опять закрыла глаза. Инопланетная девочка, с которой я нянчился уже шесть земных лет, перевернулась на бок. Одежда соскользнуло с ее нагого бледно-голубого плеча.

Моя голова будто сама собой отвернулась. Взгляд уперся в окно, за которым гигантский белый столб Света затмевал бледный лазоревый рассвет, пронзая утреннее небо с курчавыми барашками. Рядом по всей длине яркого столба парили в воздухе черные ящики сканирующих его зондов. Сколько здесь живу, столько вижу за окном этот Свет. Столько бужу по утрам Юлю.

– Нет, сколько можно меня доставать?! – закричал я на ее родном языке.

– Еще немного, – прошептала Юля и засопела. Я взвился:

– Это чертовски негуманно!

Сап Юли стал громче. Пора начинать операцию «Болтанка».

Я схватил изголовье кровати Юли и затряс изо всех сил так, что девочка-ананси покатила по постели туда-сюда.

Черные волосы с кроваво-алым блеском разметались по подушке. Одеяло окутало Юлю с головой, как гусеницу. Спрятало нагое плечо. И я смог снова смотреть на нее.

– Тебе еще нужно успеть помыть голову, – крикнул я.

– Ее Стас моет, – тихий шепот из-под одеяла. Стоявший в углу фабрикоид, робот-уборщик, вдруг включился и зашагал по комнате, подметая пол.

– Аксамит я тебе не наращу, – прорычал я, высоко поднимая правый бок кровати. Юля скатилась с постели и бухнулась на пол.

Фабрикоид пролез мимо меня под кровать. Механические руки заскрипели, шурша по полу щеткой.

– Эй, тебя никто туда не звал, – сказал я. – Кыш!

Мои предплечья задрожали. Тяжелая кровать грозила выскользнуть из пальцев и прихлопнуть железного болвана.

Юля поднялась с пола, взъерошенная и нагая. Много, слишком много гладкой, как нектарин, девичьей голубой кожи раскрылось передо мной. Я чуть не отпустил кровать.

– Чего стоишь? Одевайся, – прохрипел я, крепко зажмуриваясь и пытаясь не думать о безукоризненно изящной линии тела. Отвлекись на что-нибудь, приказал я себе, помедитируй. Интересно, как это вообще делается – медитация?

– Сначала волосы, – сказала Юля. – Новый аксамит растворяется от брызг воды.

Представляй что-нибудь нездешнее, сказал я себе, что-нибудь земное, представляй одуванчики. Легкие, пуши-

стые... в черных волосах голой Юли. Не-е-ет, не там. Представляй, как ветер разносит султанчики одуванчиков по сочно-зеленому лугу под летним небом, безоблачным и светло-голубым...голубым, как кожа на плече Юли. Черт!

– В ванную, – простонал я, не открывая глаз. Босые ноги Юли пошлепали в коридор.

Я выдохнул, вытер вспотевшие ладони о штаны.

И с ужасом услышал, как кровать грохнулась на пол.

– Истукан, ты как? – прошептал я, заглядывая под кровать. За моей спиной прожужжали:

– Ежедневная уборка номер две тысячи сто девяносто пять завершена.

Я обернулся. В углу, возле аквариума с рыбкой, робот пикнул, входя в режим ожидания.

Когда прозвучал номер уборки, у меня сдавило виски. Каждое мое утро начинается с цифр, и каждое утро мои виски словно сжимаются. Уборщика-фабрикоида привезли сюда одновременно со мной. Поэтому счет его уборок – заодно и счет дней моего заточения здесь, на планете Люмен, под надзором ее жителей-ананси. Уже две тысячи сто девяносто пять суток каждое утро мне вкалывают в вены инъекцию «сыворотки любви», чтобы я обожал Юлю и был предан ей как пес. Поклонялся ей. Молился на нее. Любил ее. Если это вообще возможно: заставить любить уколом химии.

Длина суток здесь – девятнадцать часов, час равен семидесяти земным минутам: почти как на Земле. Значит, мне

недавно исполнилось шестнадцать лет. А Лена проводит на Земле уже тринадцатый год жизни. Седьмой год без меня. И без мамы.

Я вооружился большим махровым полотенцем из шкафа. Едва мои ноги переступили порог ванной, сразу накинул полотенце на опасно-нагое тело Юли. Девушка даже не шелохнулась, бездвижно сидя на стуле у раковины.

Пока я мыл ее длинные черные волосы, Юля все это время смотрела в одну точку впереди.

Она так редко улыбается, подумалось вдруг. И, наверное, это к лучшему. Иначе я бы сошел с ума от восторга.

Привычным движением, не глядя, я протянул руку вбок и снял фен с крючка на стене. Щелкнул выключателем. Горячий воздух быстро испарил влагу с волос Юли.

Я бы поспорил на личный флаер со сверхсветовым движком и заправкой до Солнечной системы, что Юля сейчас не улыбнется. Проиграю – посадите на всю жизнь в карцер.

Ананси в десять лет впадают в глубокую депрессию. Вечная апатия, ночные крики, нервные срывы – я трачу все силы на борьбу с этим в Юле. И часто проигрываю. Ее постоянно клонит в сон, она никогда не хочет есть. Целыми днями моя хозяйка занимается гиперпилотированием. Крутит штурвал. Прокладывает курс в космической бездне. Настраивает навигационный компьютер. Размечает гиперпространственные координаты планет и звезд. А может и нет, но судя по «Звездным войнам» все так.

Юле физически не хватает сил все выдержать без срывов. У некоторых ананси, слышал, даже хуже: их подопечные люди постоянно ковыляют в синяках и кровоподтеках. Меня Юля хотя бы не колотит.

Так же не глядя я открыл шкафчик над раковиной, и выловил среди баночек с шампунями расческу.

Да, есть другие люди. Здесь, в Центре, их больше тысячи. Пару подростков ананси-человек называют земным словом «гешвистер». Я посмотрел на Юлю, на ее голые длинные ноги с тонкими чувственными пальцами, на едва прикрытую полотенцем грудь. Гешвистер, прошептал я. Брат и сестра.

Я расчесывал Юле волосы мягкими, неторопливыми движениями. Голова Юли закачалась в такт касаниям моих рук. Быстрый слабый ток пробежался по моим нервным окончаниям. Уверен, Юля сейчас наслаждалась хоть чуточку.

Мы, человеческие дети, наша близость, тепло наших рук, нашего дыхания, наших губ, звуки наших голосов – мощные антидепрессанты для пришельцев. Мы для них как домашние питомцы. Как золотистый лабрадор и его бодрящий мокрый розовый язык на твоём усталом после трудного рабочего дня лице. Как морская свинка – потискал пушистую малютку, сразу умилился и заулыбался. Так же, погладив любимую кошку за мягким шелковистым ушком, ты награждаешь себя покоем и гармонией.

Закончил со стимуляцией Юлиных нервов. Подложил под ее ноги новое сухое полотенце, старательно отводя взгляд от

тонких гладких лодыжек.

– Одевайся, – сказал я. – И чтобы в этот раз нитки не торчали.

Ступни Юли послушно стали покрываться красной пленкой. Пленка быстро расширялась, уплотнялась. Через минуту плотные ярко-красные сапожки обтянули худые голубые ноги. Все тело Юли под полотенцем сейчас обволакивали жидкие красные нити аксамита – клетки, внешне похожие на секрет типа паучьей паутины или кокона шелкопряда. Это естественное волокно ананси выделяли каждый день и заменяли им одежду и обувь.

Если ананси не выделяли аксамит, то могли заболеть. Практичные пришельцы не могли просто сваливать в угол горы красных выделений. Поэтому основной их гардероб собирался из собственной плоти. Но не только: в дальних поездках, например, некогда каждое утро шить костюм с иголочки.

– Все, – сказала Юля. Я снял с нее полотенце. Оглядел лоснящийся красный комбинезон на моей хозяйке. И крепко зажмурился. Сердце в груди завывало восторженные арии: Юля-я, Ю-ю-юл-я-я-я, Ю-юли-и-ире-е-ель. Дурацкая «сыворотка».

– Пропустила, – с трудом выдавил я. Представляй одуванчики. Без лужайки, без неба. Тупо только одуванчики.

– Где? – спросила девушка-ананси.

– А сама не видишь? – взревел я как обожженный. – Пря-

мо на... на груди.

Одуванчики, одуванчики, мягкие, круглые... круглые голубые груди. Черт.

– Все, – сказала Юля. Мои веки даже не дрогнули.

– Точно?

– Не знаю, – безразлично бросила девушка. Я закричал:

– А кто, по-твоему, должен знать?

– Стас, – был ответ. Боже, неужели уже через год Юля в самом деле станет самостоятельной? Скорее шимпанзе заговорит. Шимпанзе с Земли, а уж местный – тем более.

Все-таки открыл глаза. Грудь Юли спряталась под наращенной сверху заплаткой комбинезона. На ее талии и плечах торчали острые аксамитовые сгустки, словно шипы на средневековой булаве.

Со вздохом достал из шкафчика дремель с муслиновой насадкой. Полировка аксамитовых слоев на Юле заняла десять минут. Дольше бессмысленно: аксамит застыл волокном прочнее, чем нейлон. Жалко, ненадолго. К завтрашнему утру комбинезон и сапожки саморастворятся без следа – красные клетки живут не дольше подёнок. И я буду снова «одевать» Юлю. Эх.

Глава 2

Коридоры Научно-испытательного центра тянулись вдаль дымно-прозрачными лабиринтами. Из сероватого стеклопакета выстелили стены, потолок, даже пол. Двигаясь в столовую, мы с Юлей будто парили над зелеными кляксами лужаек и изогнутой паутиной тропинок. С потолков не свисали светильники или люстры. Кабели проводки не торчали из стыков между просвечиваемыми насквозь панелями. Днем и ночью общественные места города Адастры освещал лишь столб Света на востоке. Гигантский ночник. Горящий колосс. Вечно включенная лазерная указка, бьющая прямо в глаза.

Голова раскалывалась. Ножи из чужой радости, тревоги, возбуждения, голода шинковали мое сознание. В нашей с Юлей квартире некому было разрывать меня на части. Юля скупилась на эмоции почти так же, как рыбка в аквариуме. Настоящая инопланетная принцесса. Иногда ее вообще можно было принять за второго фабрикоида – только бракованного, не способного убрать комнату.

А за дверью квартиры меня ждал ад.

В столовой галдели сотни гешвистеров. Еще за порогом я ощутил, кто сегодня бесится, радуется, ненавидит, боится. Затаились только те, кто любит. Хотя не нужно быть экстраординарным чудиком, чтобы их знать: все пленники. Че-

ловек-питомец без остатка отдается телом и душой хозяйну-ананси. Здесь без вариантов, спасибо «сыворотке».

– Подсядем к Мане, – сказал я Юле, уступая дорогу фабрикоидам-подавальщикам с ароматными вкусностями на подносах.

Перед глазами столы ломились под пирамидами фаршированных омаров, румяными пирогами с мраморной говядиной, кровоточащими стейками средней прожарки. Тут и там ослепительно сверкали белые супницы с жульенами, темные свертки роллов жались сбоку к грудам яств. Горячий сыр стекал с кусков пиццы на торчавшие под ними сосиски хот-догов. Фруктовое мороженое таяло в стеклянных вазах между горками белых трюфелей.

Нет, гешвистеры не пировали, не праздновали находку затонувшей Атлантиды или золотых кладов Эльдорадо. Не отмечали великую победу Добра над Злом. Нет еще целительной вакцины от всех стадий рака. Мир во всем мире не наступил. Мы всего лишь завтракали.

Сели напротив Маны и ананси Дарсиса. К Юле сразу подрулил один из фабрикоидов с подносом, железная клешня сунула под нос хозяйке тарелку с белковой кашей. Мана потрянула черно-кофейными кудрями.

– Этот же истукан пас Дарсиса, пока он не доел кашу, – ее крепкая смуглая рука схватила кусок пиццы и запустила ароматный треугольник в голову робота.

Пицца смачно вlepилась горячим сыром между фасеточ-

ными глазами, застыв, словно плоский нос. По примеру Маны другие дети-люди тут же завизжали и стали забрасывать фабрикоидов едой. Некоторые ананси их поддержали, но большинство инопланетян только провожали взглядами летящие мимо сосиски хот-догов и ковыряли белковую кашу.

Мана зачерпнула ложкой мороженое. Сладкая тающая пуля нацелилась в имитацию рта робота.

– На, поешь-ка, – сказала Мана, и оттянула кончик ложки. Зеленый шарик взорвался о кривой конус-подбородок. Смуглая девушка засмеялась, сверкая белыми-пребелыми, как супницы из-под жульенов, зубами.

Веселый угар Маны, других детей перетек в меня, так что я тоже бросил пару роллов в железную башку истукана.

А Юля молча ела кашу. Если бы она сейчас потянулась к вишневому круассану возле локтя, фабрикоид бы выхватил булочку прямо из бледно-голубой руки. Без каши -концентра витаминов и питательных элементов – молодые ананси не выдержат полный нагрузок день. Фабрикоиды зорко следили, чтобы инопланетяне питались правильно. Только умяв всю кашу, ананси мог приступить к человеческой пище. Но после сытной белковой смеси никто обычно не рвался к чизкейкам или вафлям.

Мы, питомцы, питались роскошнее хозяев.

Прости меня, сестренка. Прости за то, что мне дышит в лицо аромат нежной фриттаты с лобстером, когда тебе наливают детдомовскую жидкую похлебку из общего бидона.

Веселье вскоре стихло. Облепленные едой фабрикоиды не вытирались, так и нависали над столами неподвижными грудами ароматных вкусовостей.

Я кинул себе в тарелку кусок пиццы. Но Мана выхватила у меня тарелку и толкнула другую, с белковой кашей ананси.

– Мана, ты опять, – протянул я. Вот всегда она так.

Дарсис посмотрел на меня. Хмурый ананси служил в Гарнизоне и редко бывал в Центре. Мои реплики явно были ему в новинку. Бронзовые щеки Маны слегка покраснели. Девушка дернула длинную кудряшку двумя пальцами. Волновалась, значит. Ох, сейчас начнется.

– Мануэла я! Сколько повторять? – крикнула Мана. – Мануэла Габриэла Орейро Алмейда!

Я как губка всосал часть ее горячности. Мои щеки полыхнули жаром, руки задрожали. Ну, понеслось, мелькнула последняя спокойная мысль, сейчас тоже начну орать. Ну спасибо, Мана.

И заорал:

– А пиццу зачем забрала? Я не Мана и даже не Мануэла, чтобы ковыряться в этой манке!

Юля оторвалась от каши, посмотрела на меня, на кашу, снова на меня.

– Я тоже не Мана, – сказала моя хозяйка.

– И я, – заметил Дарсис.

Мана пнула меня под столом:

– Не манкай тут! – она махнула рукой в сторону. – Хочешь

быть таким, как они?

Круглая как оладушки ребяшня опустошала свой стол. Рядом с пухляками их стройные хозяева-ананси выглядели тонкими как анорексичные модели в земном ящике.

По правде, я согласен был с Маной. По правде, большинство похищенных детей в Центре так заплыли жиром, что еле ноги передвигали. Проблема в том, что Мана категорически не соглашалась даже на кусок пиццы. А ненасытная губка в моей голове автоматически впитывала ее жаркий дух протеста. И в итоге я был категорически не согласен сам с собой. Словно заболел раздвоением личности, как Горлум.

Я крикнул:

– А что не так с теми детьми?

Толстые ребята услышали, повернулись к нам, а я указал пальцем на самого круглого и закричал:

– Нельзя никого оскорблять за внешность. Это унижает прежде всего тебя самого.

Я кричал:

– Эти парни не виноваты, что их ноги выплывают из сандалий.

Круглые ребята дружно посмотрели на свою обувь, Мана вдруг улыбнулась:

– Серьезно?

Превратить все в фарс, рассмешить Ману – единственный способ успокоить ее. Успокоиться самому.

– Конечно, – сказал я. – Скорее всего, они просто натяну-

ли маломерки.

Приток гневного протеста из разума Маны иссяк. Я глубоко задышал, прогоняя из головы остатки бури. Вот всегда Мана при Дарсисе выпендривается. Неужели все латиносы так легко возгораются? Спичек не надо.

Резко раздалось сверху испуганное: «Простите, простите!» Ни одна мысль не успела созреть в голове. Я просто бросился к Юле, прижал ее лицо к груди, закрыл собой.

Меня толкнули в спину, сбив с ног. Успел отпустить Юлю. Мое лицо врезалось в кремовый пирог на столе, в самую серединку с толстым слоем ванильного крема.

Липкий крем прилип к щекам и носу. Тугая пружина возмущения выстрелила из меня наружу. Кому еще приспичило гулять по головам?!

Я огляделся. Маленькая темнокожая девочка в белом платье парила прочь от нашего стола. Крылья из летучего красного камня атели на ее спинке. Девочка держала в воздухе мальчика-ананси, который смеялся, глядя на мое лицо.

– Простите, пожалуйста, – крикнула девочка, ее звали Рудо. Увидев кремовую маску на моем лице, летунья не выдержала, звонкий смех сотряс маленькое тельце.

– Простите ангелочка, – хохоча поддакнул маленький ананси, его звали Герсен.

Я облизал крем с губ. М-м-м, вкуснотища!

Мана засмеялась:

– Ну, ты таки вкусил запретный плод.

Юля вытерла пальцем крем с моего носа, облизала кончик.

– Сладко, – сказала моя хозяйка.

А я оглядывался по сторонам. Секунду назад из моей головы словно что-то выпрыгнуло. Не случилось ли опять «выстрела»?

Вдруг хозяин Маны закричал на нее:

– Посмотри на волосы! – Дарсис вскочил со стула: – Ты вся измазалась.

– Правда? Извини, – Мана растерянно коснулась заляпанных сырным соусом кудряшек. – Я наклонилась, когда Рудо закричала...

Высокий ананси схватил девушку за руку. Мана легко бы вывернулась, если б ее схватил кто угодно другой. Хоть Мистер Фантастик. Но перед Дарсисом ее крепкое тело, ее рефлексы кошки, ее набитые бронзовые кулаки были беззащитны. Глаза Маны потухли.

– Заткнись! – закричал Дарсис, сжимая ее запястье. Мана побледнела. Я побледнел. Юля по-прежнему снимала крем с моего лица и слизывала липкую сладость с пальцев.

– Извини, – повторила Мана. Ее мягкие темные губы дрожали.

– Сказал же: заткнись! – Дарсис замахнулся на подопечную кулаком. Острые аксамитовые шипы мгновенно выросли на костяшках его пальцев. Я прыгнул вдоль стола и перехватил страшную руку.

Я не понимал, что произошло. Догадывался только, что опять напортачил.

Когда Рудо толкнула меня, я запустил – случайно, блин! – сгустком недовольства в Дарсиса. Апатичный мозг пришельца не привык, чтобы в него швыряли ментальными пулями. Реакция – словно на глазах всего улья прихлопнули королеву. В один миг я втиснул внутрь нашего тихого солдата взбешенного Халка.

Красный кастет с шипами на кулаке Дарсиса маячил перед моим носом. Из пор кожи ананси могли выделять какую-то пасту или клей, который превращал свежий аксамит в каменно-твердую оболочку. С этой чудо-лабораторией под кожей пришельцам ни к чему не только портки шить, но и штамповать консервные ножи. Как и кастеты.

Дарсис дернул руку, но я держал крепко. В медово-желтых глазах затанцевали черные угли ярости. Жадная губка в моей голове кинулась впитывать ее обратно. И заражать меня гневом. Мне захотелось кому-нибудь врезать. Так чтобы зубы разбежались по полу.

– Поверь, ты не хочешь ударить Ману, – прорычал я, сам еле сдерживаясь, чтобы не распуścić руки.

– Серьезно? – рыкнул еще громче Дарсис. – А как насчет тебя, умник?

Я прислушался к его чувствам, скрытым под колючей проволокой ярости, и опустил голову.

– Ну, что? – потребовал Дарсис, поворачиваясь.

– Хочешь, – ляпнул я ошарашенно.

– Ты сам сказал.

Второй кулак ананси без шипов врезался мне в скулу. Искры высыпались из глаз вместе со злостью. Я распластался на полу.

Дарсис навис надо мной. Я бы мог свалить его подножкой, но тогда привет карцеру. Ананси неприкосновенны. Со всем не тянуло любоваться тесными стенами и ржавой дверью около недели – сколько выдержит Юля без моих чесок.

Носок аксамитовой туфли Дарсиса метнулся к моему носу. Я дернул головой вбок, красная вспышка пронеслась мимо. Подтянул ноги, кувырок назад – и я на корточках. Дарсис медленно пошел на меня. Буря ярости в нем подутихла, черты лица сгладились. Но в глазах все еще плескалось жгуче-желтое пламя, ананси все еще шел на меня. Зачем? Пахнуло смердящей волной черной ненависти. В моем горле встал плотный ком страха. Я попытался сглотнуть, не смог и закашлялся.

Шипованный кулак метнулся мне прямо в глаза и резко замер. Изящная голубая рука перехватила снизу страшную кровавую клешню. Заплатанный комбинезон Юли закрыл от меня гладкий аксамитовый камзол Дарсиса с двумя скрещенными на груди поясами. Дарсис уставился на Юлю, моя хозяйка же повернулась ко мне.

– Стас, – сказала девушка-ананси, – расчешешь волосы?

– Сейчас? – спросил я. Юля вяло пожалала плечами, не от-

пуская руку Дарсиса.

– Ты растрепал их, когда схватил меня, – безразлично бросила девушка.

– Вообще-то я закрыл тебя от нырка Рудо, – пробурчал я, и ткнул себя в липкий нос. – Иначе твое бы лицо вляпалось в крем.

– Крем вкусный, – Юля облизала губы острым фиолетовым язычком. Мое сердце тут же запело любовные серенады этому язычку, а рот выкрикнул: – Уж извини, что помешал! Попрошу Рудо скакнуть на тебя еще раз завтра!

– Сначала переживи сегодня, – сказал ровным голосом Дарсис. – Юлирель, отпусти, чтобы я смог его разделать.

Меня мигом пробил холодный пот. За что этот парень вдруг меня так невзлюбил?

Юля посмотрела на стол:

– Дарсис, ты не доел свою порцию полезных элементов, – сказала моя хозяйка и отпустила клешню. – Только после того, как мы примем дневную порцию и исполним обязанности, нам разрешается играть с людьми.

– Играть? – переспросил я. – Ты оглохла? Он меня убить хочет!

Все еще заслоняя меня от ананси с острой клешней и горящим взглядом медовых глаз, Юля возразила:

– Дарсис сказал: разделать, что значит «подготовить». Так же Стас говорит «разделать поле», когда нужно разметить травяной газон под человеческую игру с мячом.

– Футбол, – только и вставил я, когда ленивый голос Юли спросил:

– Так ведь, Дарсис? Для игры со Стасом сейчас не время? Ближится время наших обязанностей.

Парень-ананси опустил взгляд на уродливые шипы кастета, который проболтается на его руке весь день. Шипы саморастворятся черт знает когда. Наверняка, пришельцу еще придется отвечать, зачем их слепил, перед его наставниками в Гарнизоне. Но человеческую кровь на шипах объяснить немного сложнее.

– Играй со своим щенком сама, – сказал Дарсис и отвернулся.

Все случилось чертовски быстро. Глазом не успел моргнуть. Вся столовая тарасилась на нас. Даже круглые ребята побросали свои хот-доги.

Маленькие комариные укусы чужого любопытства покалывали мою кожу. И мозг.

Я крикнул: Сорри! Разборки закончились, занимайтесь своими делами, нечего глазеть. А то пицца остынет.

Веснушка-Никсия, рыжая девушка, с пятки до самой макушки исцелованная солнцем, спросила:

– Вы что, подрались из-за Юлирель? У вас типа любовный треугольник?

Все вокруг заулыбались.

– Типа квадрат, – сказал кто-то, указывая в спину Маны, девушка спешила вслед за Дарсисом из столовой.

– Не угадали – типа овал, – бросил я. На меня недоуменно уставились. – Значит, ноль углов, болваньши.

Я взял Юлю за руку, собираясь тоже смыться. Но холодный резкий голос приморозил меня к полу:

– Что здесь происходит?

Стремительно, как бабочки к последнему неопыленному цветку, гешвистеры понеслись к выходу. Остались только глаза, шафрановые, с красными прожилками, эти узкие щелки уставились на меня с шестидесяти-, или восьмидесяти-, или столетней, или с любой другой возрастной верхотуры, до которой я смогу добраться разве что сморщенным облыселым трупом. Красные аксамитовые одежды со «змеиной» фактурой взметнулись, и старый ананси мгновенно пересек двадцать метров от порога до фабрикоида, которого я с Маной закидал пиццей с роллами. Вот он, архонт Гертен, член Совета Правления Анансией, достойнейший ее житель, один из руководителей Научно-испытательного центра, куратор программы «Гешвистер». Званий много, суть одна – похититель детей.

– Архонт, – поклонилась Юля. Я молчал.

– Юлирель, – кивнул статный старик и скovyрнул длинным синим пальцем жареный анчоус от пиццы со лба фабрикоида. – Вероятность такого поведения подопечных людей рассматривалась, но из-за ее незначительных ноля целых семи десятых процента защиту от нее не учли в программировании услуги.

– Теперь вероятность явно немного приросла, – сказал я. – На каких-нибудь никакущих девяноста девять процентов.

– На восемьдесят семь – для завтрака на завтра, – сказал архонт. – Далее процент уменьшается по экспоненте каждый день при условии отсутствия повторов эксцесса. Человеческая память очень короткая.

– Совсем как у рыбок, – сказал я, глядя как костлявые пальцы архонта сдирают с металлической обшивки еще один анчоус. Эти же пальцы, эту же крупную синюю ладонь он протягивал мне шесть лет назад, чтобы увести внутрь стальных коридоров орбитальной станции к Юле. Протягивал со словами «Мы не обидим». Чертов лжец, я все помнил!

Старый ананси бросил анчоусы под ноги и повернулся к нам. Его костюм, похожий на чешую красной змеи, плотно стягивал винный пояс из аксамита.

Гертен велел:

– Станислав, после утренней инъекции зайди в мой кабинет.

В этот раз я слегка поклонился. Архонт развернулся, я не отрывал взгляда от его спины до самой двери. Вот он, отец девушки, за которой я ухаживаю шесть долгих лет. Вот он, настоящий мой хозяин. Чудовище, разрушившее мою жизнь.

Тупые зубья чужой боли оцарапали мою правую височную кость. Я повернулся к Юле. Кроме нас и фабрикоидов, все покинули столовую. Красивое лицо девушки безразлично-спокойно смотрело перед собой. Но внутри нее словно

тиски сжимались, я чувствовал!

– Стас, – сказала Юля, – мне нужно идти приступать к обязанностям.

И тут до меня дошла моя собственная боль в пальцах – так крепко я все это время впивался в ладонь Юли. Я резко отдернул руку. На голубоватой нежной коже девушки остались темные отметины.

– Прости, – выдохнул я. Юля молча пошла к выходу. У двери она, не оборачиваясь, сказала:

– Сегодня я заботилась о Стасе.

Взметнулась напоследок черная лавина спутанных волос. Вдруг подумалось: и, правда, не помешало бы расчесать.

Глава 3

В инъекционной человеческие половинки гешвистеров задирали правые рукава рубашек и по очереди подходили к машинам, впрыскивающим «сыворотку». Зал немаленький, но пятьсот детей набились в него так плотно, что и гравипушкой не отшвырнешь.

Повсюду дыхание, пропахшее выпечкой с завтрака. Оладьями. Жареной говядиной. Теми же хот-догами. Ароматы дышали мне в лицо. А я позавтракал сегодня одной лишь нервотрепкой.

– Слюни вытри, – сказала Мана, когда я протиснулся к ней со спины. Ко мне бразильянка не повернулась. Я провел ладонью по губам.

Очередь двигалась достаточно медленно, чтобы произнести слово. Беспольное ничего не меняющее слово, а произнести его все же надо.

Я сказал: Прости.

Мана резко развернулась ко мне. Волна черных волос хлестнула меня по щекам.

– Дарсис хотел ударить меня? – прошипела девушка.

– Нет.

– Значит, ты хотел? – ее покрасневшие глаза впились в меня.

– Конечно, нет, – отмахнулся я и, оглянувшись по сторо-

нам, зашептал:

– Мана, я уже говорил, что не знаю, как это происходит.

И почему.

Мана недоверчиво прикусила губу.

– Все из-за того, что я отобрала тот кусок пиццы. Говорила мне мама: голодный *омим*, мужчина, – сердитый *омим*. Теперь ты меня ненавидишь.

– Да нет же, – шикнул я. – Я не передавал Дарсису ненависть, только чуток недовольства.

– Чуток? – рыкнула Мана. – Он чуть не разбил нам головы!

– Черт знает, почему его переклинило, и он набросился на тебя. Но Дарсис и правда ненавидит меня.

– *Абсурдо*, чушь! – теперь очередь Маны отмахиваться.

– После того как я вытянул из него всю ярость, он все еще пытался мне врезать.

– Ты сам сказал, что не знаешь, как это происходит.

Очередь дошла до Маны. Девушка просунула смуглую руку, всю в старых ножевых шрамах – следах незабываемого детства в незабываемом земном городе Сальвадоре – в стеклянную трубу машины. Внутри трубы силиконовые держатели обхватили смуглое предплечье. Автоматический безыгольный шприц прыснул в вены девушки тонкую струю «сыворотки». Как в песне:

Струя любви,

*Звезда в жасминах,
Мозги – пока.*

Трубка рядом с Маной освободилась, я впихнул руку. Двадцать секунд ждешь, никакой боли, так легкая щекотка. Только на немного поношенных за сутки розовых очках быстро сглаживаются царапины, убираются потертости, промываются стеклышки. И снова ты – счастливый и безропотный солдат любви, которому все фиолетово.

Ушло время, когда я пытался избежать стеклянной пасты этой мозгодавилки. Насильно или нет, сверхзвуковой шприц втыкали в меня. Нет смысла бунтовать, если ты все равно спозаранку бежишь по росистым лугам и собираешь яркий цветочный букет к Юлиному пробуждению.

Никсия пристроилась к трубе слева от меня. Ее хищная улыбка заставила меня дергаться, как кролика в капкане.

– И кто же пойдет с принцессой-инопланетянкой на танцы? – колкий вопрос нырнул солдатиком с ее красного язычка. – Ты или Дарсис?

В моей голове прокатилась горящая колесница гнева Маны, которая все слышала.

– С чего бы в этом году должно быть по-другому? – спросил я.

– С того, что в этом году Дарсису зачем-то понадобилось набить тебе лицо, – улыбнулась Веснушка.

Моя реакция? Пожал плечами.

– Он, видимо, хотел вытереть крем с моего носа.

– Заодно сломав его аксамитовым наростом на кулаке? – хмыкнула рыжая. Я снова пожал плечами. Дисплей на моей машине вывел текст «Станислав Волвин инъецирован. Следующий».

– Нежность не его конек, – сказал я и вынул руку из трубы. – Наверняка, он уже позвал на танцы Ману.

Теперь по мне словно проехался раскаленный бульдозер, и руль его держала такая же горячая девичья рука в ножевых шрамах. Я пошатнулся, чуть не рухнув. Мана заорала мне на ухо:

– *Кала бока вузе!* Замолчи! Что ты знаешь обо мне и Дарсисе? – ее крик обжег мне лицо. – *Нада*, ничего! Ты говоришь, говоришь, но не знаешь! Хватит ковыряться в наших головах, швырять наши чувства как мячики, разбивать их вдребезги. Если бы Дарсис сегодня ударил меня, ты знаешь, как ему стало бы больно?

– Швырять чувства? – Никсия изогнула бровь, рыжую и тонкую, словно медная проволока. – О чем она?

– Расскажи уже все архонтам, пусть тебя вылечат, что бы это ни было!

– Мана, тише, – прошептал я, морщась. Мою голову точно раздуло изнутри горячим паром.

– Мана, Юля, – передразнила Мана. – *Баста*, хватит! Я – Мануэла. Ты говоришь на языке ананси. Так говори без своих “ванек” и “манок”. *Фалах*.

– А сама-то, – засмеялась Никсия. – *Баста, нада.*

Мана зыркнула на Веснушку, и рыжая подавилась смехом. Смуглая девушка стрелой вылетела из инъекционной. Пар в моей голове остыл, исчез, может, вытек через уши.

Очередь сзади меня зароптала: чего там возитесь?.. Я поплелся к выходу, услышав напоследок реплику Никсии:

– По-моему, в этом году Дарсис не позвал свою дикую *мучачу* на танцы.

Глава 4

Согласно приказу самого главного рабовладельца на этой планете, я уселся на белом диване в углу его просторного кабинета. Мои стопы плотно уперлись в пол, руки – в колени, мышцы напряглись – все чтобы не скатиться со скользкой белой кожи на такой же белый пол, и оттуда не глазеть ошалело вверх, на такие же белые стены с потолком. Все белое, как в больнице. Не хватало только запаха лекарств и хлорки.

Сидя за пустым столом – конечно, тоже белым – архонт Гертен взмахнул рукой. Инфракрасные датчики тихо пикнули, и жалюзи на окнах послушно раскрылись. Снаружи роскошные кустарники махали пушистыми фиолетовыми ветвями. Качал их вовсе не ветер.

– Тягура зацвела, – сказал я, невольно представляя, как соберу завтра с утра новый букет в комнату Юли.

Соцветия с маленькими колокольчатыми цветками, точь-в-точь как у земной сирени, тянулись и плотно жались друг к другу, образуя огромные душистые шары. Эти цветочные сферы склонялись к окну, мягкие лепестки топорщились по всей их окружности. Едва слышно сквозь стекло скрипело – ветви кустарника с треском сгибались под неестественно сильным притяжением цветов друг к другу. Пара тонких веток сломалось.

Гертен едва взглянул в окно.

– Зачем вы заставили цветы тянуться друг к другу? – спросил я.

– Ананси изучают Свет, – сказал архонт. – Свет изменяет мир. Мы экспериментируем с массой и гравитационной силой всего на планете: камней, растений, животных.

Мое плечо нервно дернулось – выкладывай, меня тоже изменил Свет? Я тоже твой эксперимент, гад? Ведь в твоих змеиных желтющих глазах я ничем не отличаюсь от орангутанга или подсолнуха?

Всего этого я не сказал. Я сказал: Так и запишем.

Гертен хмыкнул.

Только Мана знала, что я чудик. Точнее все знали, но только Мане я раскрыл секрет про мою сверхэмпатию.

– Через месяц тебе прекратят давать «сыворотку», – огорошили меня. Я аж заикаться начал:

– М-м-меня вернут домой?

– Ровно через год, как тебе обещали шесть лет назад, – резко повысил голос Гертен.

Я съязвил:

– Ох, извините, забыл. Человеческая память ведь очень короткая.

Синяя ладонь Гертена хлопнула по столу; показалось, весь кабинет вздрогнул. Я так точно.

– Люди, – процедил архонт, – каждый день вы придумываете новые шутки, стихи, манифесты, теоремы, законы – и ради чего? Дни напролет штудируете учебники, трудитесь

на заводах и фабриках, терпите производственные болезни и травмы, изобретаете столько всего нового и бесполезного: опасное оружие, яркие предметы гардероба, безвкусные безделушки, машины с разрисованными кузовами – только ради одного – превзойти других таких же людей, своих собратьев по виду. Обставить самих себя, обскакать собственные ноги. Ваша смекалка, ваши таланты – пользы от них столько же, сколько земному киту от сохранившихся костей задних конечностей.

– Глубокая мысль, – сказал я.

Он присмотрелся ко мне. Я не улыбался.

– Девяноста девять и девять процентов вероятности, что люди никогда не договорятся между собой прекратить нецелесообразно тратить время, меньше работать, – сказал Гертен. – Скорее ваши страусы договорятся выбросить свои бесполезные крылья.

Я смял в кулак кожу на спинке дивана.

– Через месяц тебе прекратят давать «сыворотку», – словно тупому повторил архонт. – И Юлирель покинет Центр. Ее дальнейшая подготовка пройдет на орбитальной станции. Без тебя.

У меня зазвенело в ушах. А как же я?

– Как же я?

– Ты дождешься даты своей отправки на Землю в Центре. До конца года тебе больше не нужно будет заботиться ни о Юлирель, ни о другом подростке-ананси. Сможешь прово-

дить оставшееся время, как захочешь.

Колени затряслись, в груди заскрежетало. Взгляд мой заметался по белому кабинету. Как же так? Я укусил нижнюю губу до боли, до крови. Постарался смотреть в одну точку. Сфера из цветков тягуры сверкала в бликах на окне, как сиреневый сапфир. Жестоко, очень жестоко выложить это именно сейчас, сразу после свежей инъекции «сыворотки», сейчас, когда она еще не остыла в венах.

Как же хочется вскрыть эти чертовы вены!

Черт, как же хочется сбежать!

И как же хочется отплатить этому желтоглазому гаду за его «щедрость»!

Трясаясь, я выдавил:

– Архонт, почему ваша дочь сейчас не любитесь тягурой?

Гертен молча отвернулся к окну, и меня прорвало:

– Вы говорите, мы, люди, много и бесполезно работаем? А как же ваша дочь, которая как проклятая мечется по космосу, толкая рычаги флаера? Или Дарсис: сейчас он наверняка с солдатами Гарнизона скачет по лесам и равнинам вдоль границ? Не знаю я, конечно, что они делают, но каждый день Юля..лирель устает до криков во сне. Черт, у нее срывы! Почему же ананси заставляют своих детей рвать жилы и мучиться, если вы совсем не такие бестолочные муравьи-труженики, как люди?

Я думал, меня расстреляют, или повесят, или колесуют, или в карцер запрут хотя бы. Но архонт молча взял что-то из-

под стола и встал. Его высокое статное тело вмиг оказалось возле меня.

Костлявая синяя ладонь, которую я ненавижу с детства, протянула мне свернутую белую материю. Носовой платок.

– Вытри слезы, Станислав.

Я коснулся своих щек: мокрые. Вытер глаза рукавом рубашки. Не нужна мне забота лжеца.

Не отрывая взгляд от окна, Гертен смял платок в кулаке.

– Почему? – тихо произнес архонт. – Потому что, мальчик, Свет угасает.

Глава 5

юля

а пускай я умру, если буду с тобой, но я хочу быть с тобой

а я уже умираю

только представляю, как ты говоришь:

а пока, стас.

юля юля, ля ля ля

Никак не прекращал сниться глупый сон, как я умоляю Юлю не покидать меня, причем на театральной сцене в старомодном сюртуке, тесных колготках и башмаках с пряжками. А Юля в пышном платье лишь веером машет и молчит. Будто играем какую-то пьесу.

Что ж, отмалчивалась моя инопланетная принцесса не только во снах.

И вот рванули синие прохладные ночи и красные жаркие дни, будто Супермен наперегонки с Флэшем. Декада пролетела вмиг. Ничего не менялось. Так же каждое утро будил Юлю в децур...децилл... пфу... мегаогромное число раз. Так же с закрытыми глазами мыл ее опасное, как атомная электростанция, тело. Так же мягкими, бесконечно долгими движениями чесал *суперски-черные* волосы с алым отливом. Так же завтракали белковой кашей ананси, только вдвоем:

к Мане с Дарсисом больше не садились. Вообще с Маной я больше не заговаривал.

После завтрака всегда бежал в «Диснейленд» – луна-парк, который отстроили ананси и напичкали аттракционами с Земли и с других планет, чтобы их питомцы не скучали. Другие дети визжали на «американских горках» или тискали инопланетных зверюшек в питомнике. Каждый день каждого года визжат и тискают, и не надоест же.

Нас с Маной никогда не тянуло к такой ерунде. С первого дня похищения Мана искала способ быть полезной Дарсису не только в Центре, но и в Гарнизоне, на полях сражений. А я рвался обратно на Землю.

– На Землю? – переспросила десятилетняя девчушка с буйными кофейными кудряшками, когда я предложил ей искать путь домой вместе. Мы тогда только-только выучили певучий язык ананси – на уровне самоваров. Мана, как и все, еще говорила с акцентом, и слова, которые должны были звучать мелодично, из ее темных бразильских уст хлестали по ушам как кожаные ремни.

Я кивнул, и сказал фразу, которую слышал в каком-то историческом фильме:

– Отберем назад наши жизни у грязных римлян.

Она показала старые белесые шрамы на смуглой коже:

– Тогда моя все равно побудет со мной недолго.

Вот так. Мы оба хотели бороться: я – за свою сестру, Мана – за Дарсиса. Я – за человека, она – за пришельца. Ей меч-

талось укрепиться здесь, мне – свалить подальше.

Разные цели, один способ достижения: тренироваться. Учиться драться.

Посчастливилось – откопали на парковом складе игрушек пару пыльных тренеров-ботов с шестью железными щупальцами, обитыми твердыми подушками. На этикетке сверкало оранжевым: «*Botboxer*». На месте лиц у ботов мигали дисплеи со списком тренировок по смешанным единоборствам. В том числе по стилям чемпионов ММА.

Наше бездействие закончилось. От радости Мана попыталась станцевать со мной самбу, но я отдал ей ногу.

Пыль-то мы с железа стряхнули, и маты расшвыряли по найденной пустой комнате. А вот дальше ботбоксеры швыряли нас по этим самым матам как мешки с картошкой, заламывали руки за спины двойным нельсоном, размазывали лица по твердой резине. Самый начальный уровень тренировки щадил наши мышцы и кости не больше монахов-убийц в храме Шаолинь.

А через месяц Мана сказала: *Баста*, утерла бежавшую из разбитой губы кровь, и в первый раз завалила своего спарринг-партнера. Набитые руки ее скрутили левую верхнюю щупальцу обратным узлом, быстрые длинные ноги плотно сдавили стальную голову, противник застучал свободным щупальцем по мату: сдаюсь. Улыбка засияла на усталом вспотевшем лице маленькой победительницы. Я аплодировал стоя.

Вечером в столовой Мана разрешила поесть пиццы, несмотря на уже тогда начатую нами белковую диету.

Сам я перевалил через режим «новичка» только через три месяца. Мана уже опережала меня на пять уровней – дальше только Земля. Но меня все равно захлестнула гордость великого первопроходца. Я как никогда понимал, каково круто было Человеку-пауку, когда он надрал задницу Доктору Осьминогу.

А что сейчас? Спустя шесть лет?

Мана уже прошла почти все уровни сложности, уже всю махалась с третьим лучшим бойцом ММА – Джорджем Сен-Пьером. Когда она разделает его под орех, то приступит к Андерсону Силву и Дэну Хендерсону, чемпионами во всех весовых категориях. Их она тоже разделает, уж точно. И тогда Мана сможет любого разделить под орех. Вообще любого. Кроме Дарсиса.

Дурацкая «сыворотка».

Всю последнюю декаду я кувыркался по матам в обнимку с Доктором Осьминогом. Фирменный хлесткий хук Ройса Грейси в исполнении жесткой подушки на стальном щупальце снова и снова швырял меня по углам комнаты. Взбешенный, я чуть не грыз обивку мата. Глаза щипало.

Никто не наблюдал за моими промахами.

Никто не подкалывал: сопли, мол, вытри, принцесса, да не с лица – с матов, а то поскользнёшься.

Никто не советовал, как избежать этого резкого выпада

в челюсть. Никто – значит, никто с кудрявой копной волос, насмешливым взглядом и ртом, говорящим по-португальски через слово. Никто – значит вообще никто.

Только лежа на матах я не думал о Юле. Потому что думал о Мане.

Решить бороться бок о бок с кем-то – значит стать кому-то братом или сестрой? На это я подписался? Нет уж, моя сестра – одна единственная, и больше их не производят! – на Земле. Других не просили.

Однажды, идя по луна-парку, я увидел, как маленькая Рудо сидела подле телескопа здоровее базуки и крутила винт на держателе.

– В Адастре звезд не увидеть, – сказал я. – Даже ночью.

– Свет мешает, – согласилась Рудо, продолжая крутить винт. – А жалко, Герсен любит смотреть на звезды.

Неожиданно она взглянула на далекий белый столб на востоке и топнула ножкой.

– Дурацкий Свет! Хоть бы ты угас!

Я почему-то вздрогнул. «...Мальчик, Свет угасает» – прощуршал в голове голос старого лжеца.

– Ты ждешь когда он угаснет, чтобы посмотреть на звезды?

– Что? – глаза Рудо округлились. – Разве это возможно? – она погрозила кулачком на восток. – А было б ох как неплохо!

Будь даже Свет живым и зрячим исполином, то вряд ли бы

разглядел ее маленькую ручонку, но Рудо это не смушало.

– Нам обещали экскурсию на орбитальную станцию через два месяца, – сказала девочка. – Может нам разрешат взять телескоп, чтобы Герсен смог ближе разглядеть звезды. Пока пытаюсь просто настроить эту штуку.

В стороне цепочка красных вагонеток разогналась по крутым рельсам «американских горок». Радостный визг разрезал густой теплый воздух, пропитанный ароматами тягуры и пушинника. Выработанный в крови пассажиров адреналин отдался в моей голове дождем конфетти из кусочков восторга. Ух, как им весело! Постойте-ка!

– Через два месяца? – переспросил я.

– Говорят.

Юля, Юля, пускай тебе плевать, но я хочу быть с тобой.

И я увижу тебя через месяц после того как мы расстанемся. Твой солдат любви прилетит в твой новый дом на экскурсию.

В просторном светлом холле «Диснейленда» я налетел на вешалку-стойку с одеждой. Видно, розовые очки запотели. Я выбрался из вороха бальных платьев и смокингов, Никсия тут же ткнула меня пальцем в грудь.

– Ты, быстро забирай один смокинг и платье для своей принцессы и брысь отсюда, пока не повалил все тут.

Я оглянулся на шеренгу черных костюмов и цветных платьев.

Прилечу я к тебе или нет, я не знаю. Я не знаю что я знаю, а что не знаю. Знаю только: есть один лжец, и он всем тут

заправляет. И он заберет тебя у меня.

Поэтому ты прекратишь отмалчиваться. Иначе я порву твой чертов веер!

Глава 6

Только зубчики расчески коснулись волос Юли, моя инопланетная принцесса тут же упорхнула в другое измерение. Отражение ее головы в зеркале над раковиной передо мной закачалось, словно в медитации. Золотистые глаза потухли. Губы приоткрылись – словно две морские волны разбежались друг от друга. Махровое полотенце на ее груди едва поднималось и опускалось.

Ничего, за шесть лет мы уж научились обходить ее джедайские штуки.

Я отвел расческу от мягких волос, жизнь вмиг вернулась во взгляд Юли.

– Еще, – слабо попросила она. Я молча обошел стул, с которого неприступная героиня моих снов смотрела на меня просящим взглядом. И кто теперь кого умоляет, злорадно подумал я, встав перед Юлей.

Словно в раздумье повертел расческой – так же во сне она махала веером перед моим носом.

Но больше Юля не проронила ни слова, только вертикальные палочки-зрачки ее сузились до едва заметных полосок. Как у кошки перед прыжком.

Я молчал. Она молчала. Молчал фабрикоид за дверью ванной. И рыбка, само собой, тоже молчала. Молчала вся наша общажная квартира, состоящая из ванной, Юлиной

спальни и моей каморки-комнаты. Мир заткнулся.

Конечно, первым сдался я. А как иначе? Все эти годы я прислуживал ей вовсе не из-за приставленного к ребрам ножа.

Меня чуть инфаркт не торкает, стоит Юле занозу поймать. Вот и подходящее ей, только ей, бальное платье, все еще откапывал каждый день в холле «Диснейленда», переживал – вдруг не понравится моей инопланетной девочке, так волновался-волновался, что самого тошнит. Честно, хочется рвануть к унитазу и засунуть два пальца в рот. Чтобы наконец высвободится от розовых соплей, ванили, клубники, всей этой «струи любви» – пусть вместе с завтраком, кровью, сердцем, селезенкой...

Спасибо «сыворотке», когда Юле некомфортно, мне чертовски больно. Когда ей больно – я, считай, при смерти.

А тут я сам так напряг ее ранимую психику! Садист мерзкий!

– Скоро мы расстанемся, – сказал я. – Сразу после танцев.

– Расстанемся, – как эхо повторила Юля.

– Как давно тебе сказали? Хотя и так ясно: намного раньше, чем мне. И тебя не посещала нестандартная идея поделиться со мной?

– А Стас бы хотел?

– Ни в коем случае! – бросил я. – Зачем мне знать такие глупости? Просто однажды зашел бы в твою пустую комнату, и сам бы все понял.

Спина Юли вдруг ссутулилась. Полотенце чуть-чуть сползло с ее груди – совсем чуть-чуть, так, слегка, всего лишь настолько, чтобы кончик моего языка непроизвольно высунулся между губ, и я кусал его, не замечая.

– Отец рассчитал время, когда рассказ не травмирует психику Стаса, – сказала моя хозяйка.

– Ах, тогда ладно. Ведь твой отец главный умник во Вселенной. Он не рассчитал пока еще, больше сколько раз в день мне нельзя моргать, чтобы не сдох мой слабенький мозг?

– Беспокоиться не о чем, – она резко вынырнула из другого инопланетного уровня и перешла на «ты»: – Тебя избавят от «сыворотки». Избавят от меня. А спустя год избавят и от всего этого.

Юля слегка повела рукой, словно указывая одновременно на нашу квартиру, столб Света, Адастру, мое заточение на Люмене, ее отца.

Я поморщился: кроме покусанного языка, заболело в груди. Видно, от порезов чьих-то алмазных скул.

– Я тебя не понимаю.

– Тебя выдрессировали любить меня, а не понимать.

Я схватил ее за плечи и встряхнул. Полотенце соскользнула с тела Юли на пол. Ее глаза уставились на меня, непроницаемые, как золотой слиток. А я смотрел на ее голубое тело и впервые не отворачивался.

Юля коснулась моей руки на ее плече.

– Ты дрожишь. Ты боишься?

– Я боюсь, что напугал тебя, – мои руки осторожно отпустили Юлю. Какой радиоактивный паук меня укусил? Открыв шкаф, я взял чистое полотенце и спрятал под ним гладкие прелести моей хозяйки.

Красные пятна покрыли ступни Юли.

– Я не напугалась, ведь ты не в силах даже ущипнуть меня. Ты не опаснее цветка в вазе.

Мое плечо дернулось как от пропущенного джеба Доктора Осьминога.

– Будто специально задеваешь, чтоб прекратил расспрашивать.

Аksamитовые сгустки ширились, пока не связали сапожки. Плотная багровая каемка обтянула голенища обуви сразу под круглыми мягкими коленями.

Юля покачала головой. Ее волосы колыхнулись густыми черными волнами.

– Это было бы неразумно с моей стороны. Тебя может убить одно мое неосторожное слово. А ты мне еще нужен до конца месяца.

Новый порез рассек мое сердце. Лучше бы и вправду убило.

– Очень заботливо. Спасибо, что думаете обо мне, госпожа.

Она подергала длинный локон на плече.

– Стас, расчешешь волосы?

– А о себе подумала? Твои депрессивные подростковые

гормоны утихнут только через год. Шесть лет назад главный умник во Вселенной втирал нам: пока ананси гормонально не перестроятся, им нужно сидеть на землянах как на таблетках. Иначе привет тетя апатия или даже дядя суицид. Кто позаботится о тебе на орбите?

– Я возьму с собой рыбку.

– Рыбку?

– Расчешешь волосы?

– Попроси чертову рыбку расчесать волосы.

Я все же поднял расческу. Но Юля вдруг схватила мою руку, полотенце снова соскользнуло на пол. Под ним уже сваялся костюм цвета раскаленной лавы. Глухой закрытый бадлон под самый подбородок, и дополнительных заплаток не надо.

– Стас, ты хорошо служил, – сказала моя хозяйка. – Для необученного примитивного человека. Дальше я сама. А ты возвращайся к сестре. Отвыкай мыслить как услужливый пес. Дела моего народа не касаются людей. Поэтому просто вернись к Лене.

Мое дурацкое сердце бешено заколотилось об ребра. Впервые моя звездная принцесса снизошла на земной уровень, впервые заботилась обо мне.

– Ага, вернусь. Это еще не скоро. Сначала разберусь с твоим умником-отцом. Решу вопрос с твоей ссылкой на орбиту. Еще отведу тебя на танцы.

И потянулся к ее волосам. Но мою руку все еще не отпус-

кали. Золотые лучи золотых глаз грели мою кожу.

– На танцы я пойду с Дарсисом.

Мои пальцы вмиг ослабели, расческа выпала и ударилась об кафель пола. Глаза Юли прожгли меня взглядом до мяса, до мозга костей – два желтых Ока Саурона. Мир утонул в черном тумане боли.

– Дарсис пригласил?

– Мы договорились.

Моя дрожащая рука потянулась за упавшей расческой.

– Подожди немного. Сейчас я расчешу тебя.

Вместо этого мне хотелось схватить ее за волосы и вырвать большой кусок блестящего черного водопада. Хотелось сделать ей больно и улыбнуться. Но я не мог. Спасибо дурацкой «сыворотке».

– Нет... я передумала. Повторю: хватит заботиться обо мне. Пойми это сейчас, иначе никогда не вернешься к сестре. Дела ананси – это дела ананси, человек.

Юля встала со стула и вышла из ванной, легкая, возбуждающая, прекрасная, как взаимная любовь. И такая же недосягаемая.

Глава 7

Ночью снилось, что я – моя сестренка, что я сплю в земном детдоме и сквозняк кусает мне губы, вызывая тревожные сны. Жесткий матрас давил спину, мои длинные разбросанные по подушке волосы щекотали лицо, рука выпала из-под шерстяного одеяла и касалась пальцами холодной железной ножки кровати. Затем меня выбросило обратно на Люмен, во тьму моей комнаты с задернутыми шторами. Над мной навис странный человек без лица, и я проснулся с криком.

Завтракал один. Настолько разбитый, что легче выбросить, чем собрать из осколков что-то стоящее.

Столовую вокруг переполнял шум, гам и вкусные до тошноты ароматы. Завтракал? Если бы проглотил хоть каплю каши, похожая на устрицу масса вылетела бы назад на стол. Поэтому просто ковырял ложкой густую жижу.

Пообещал себе: когда вернусь на Землю, обязательно вломлюсь в Питомник бродячих животных и заберу оттуда всех кошечек и песиков, всех, кого хозяева любили, а потом вышвырнули на улицу, приговорили к уколу смерти. Если разлюбить равно убить, я воскрешу бедных зверей. Их снова будут ценить.

Юля, Юля, пусть ты – бездушная инопланетная стерва, но я хочу быть с тобой.

Бросив кашу, я побрел по коридорам Центра, мои ноги сами вынесли меня наружу, под голубой шатер утреннего неба и сияние Света.

Пара красных волановых камушков парила над лужайкой, путаясь в зеленых стеблях. Я взял один и метнул на восток. Камень пролетел над разостланным в траве стволом тяжде-рева и завис в воздухе на уровне моих глаз. Я бросил вдогонку второй красный осколок. Камни глухо сшиблись и разлетелись в стороны. На меня будто уставились два жутких глаза жуткой версии Чеширского кота. Тело и голова исчезли, а монструозные глазищи остались «висеть» над блестящей росой.

Чеширский кот, Страна чудес, затерявшаяся Алиса... Еще маленькими я, Мана и другие похищенные дети, затеяли игру: подобрать сказку, больше всего похожую на нашу жизнь на Люмене.

Пожав плечами, Мана сказала:

– Тысяча и одна ночь. Шахерезада.

Над ней тут же подтрунил Рауль Динь-Динь, белокурый парень на год старше нас с Маной и полгода уже как гуляющий по проспектам солнечного Марсея:

– Это потому что ты каждую ночь уговариваешь Дарсиса жениться на тебе?

Темно-карие, почти черные глаза Маны сверкнули, но, подумав, наша валькирия из латиноамериканского гетто решила не делать отбивную из шутника-француза:

– Не угадал, жабоед. Своими рассказами Шахерезада излечила царя Шахияра от безумия. Мы тоже помогаем нашим партнерам держаться.

– Золушка, – заявила Никсия. – Каждый год мы трудимся как пчелки, а потом надеваем прекрасные наряды и идем на танцы.

Рауль замахал руками.

– Да какая, *ау диавле!* – к черту, еще Золушка? Как пчелка ты разве что только кружишься на каруселях в парке. Что совсем не видите? – и сделал внушительную паузу. – Питер Пэн и потерянные мальчики! Люмен – вылитая Нетландия.

Почти одновременно все девочки загудели и закачали головами.

– Ну уж нет, – бросила Сильвия, темно-русая вечно румяная американка. – Там была всего одна *герл*, девочка Венди.

– Еще фея Динь-Динь, – вставил Рауль.

– Я соглашусь, что мы в Нетландии, – засмеялась Мана, – если Рауль будет Динь-Динь.

Если девчонки и могут по-настоящему сдружиться между собой, то только чтобы уделать общего врага. Ну, или обсудить новые серии «Клуб Винкс». По сестре знал. Так что до самой отправки на Землю бедный Рауль оставался Динь-Динь, несмотря на его протесты.

Я перешагнул дотянувшуюся до тропинки ветку тяжде-рева – тонкая кривая палочка насквозь продавila под собой асфальт, под асфальтом землю. Эксперименты ананси

настолько утяжелили древесину тяждеревьев, что сама планета их с трудом держала.

Пройдя по тропинке, я свернул в узкую щель между корпусами Центра. Темная артерия прохода вела вглубь бетонного лабиринта. Шел боком.

У третьего корпуса меня ошпарил кипяток страха. Чужого страха.

Я не остановился, только уперся плечами в стены, чтобы не упасть. Серый вектор чужого страха указывал дорогу. И душил во мне жизнь.

У пятого корпуса рубашка на моих плечах стерлась об шершавые стены до дыр, кожа – до крови, разум – до собственного страха. Воздуха не хватало, словно трахею закупорила пробка. Чужая слабость была в голову. В грудь. В сердце. Как вирус поражала все органы.

Ты продвигаешься, продвигаешься целую вечность – и никогда не выбираешься из темного лаза. Твои пустые легкие просто взрываются прежде. Комки теплого мяса украшают серый бетон.

Прежде легких все же взорвались тесные стены – изумрудной тканью постриженных газонов на широких холмах. Просторные небеса улыбнулись белоснежными зубами, сотканными из облаков. Ветер с холмов принес в мои легкие свежий поток воздуха с ароматом тягуры. И я улыбнулся в ответ небесам.

Мимо холмов вектор страха вел вниз и вниз, к инку-

баторию. Рядом на парковке гудел двигатель бурой шестиместной карсы. Двое солдат гарнизона шагали от машины к крыльцу инкубатория. Мощные тела полностью скрывались под гладкими аксамитовыми доспехами. Ноги в красных пластинах грохотали по асфальту, как отбойные молотки. Словно две наряженные в лаву скалы на свидании.

Салон карсы пустовал. Я тихо прокрался к машине и выглянул из-за высокого капота.

Солдаты вели за локти худого человека с опущенной светлой головой. Серая палка вектора исчезала в этом еле перебиравшем ногами парне.

Ананси и вedomый ступили на первую ступеньку крыльца. Парень споткнулся, вскинул белокурую голову. Дернулось усталое испуганное лицо. Знакомое лицо.

– Динь-Динь! – вскричал я

Это бы он, Рауль Динь-Динь. Парень, которого наши девочки одарили дурацкой кличкой. Парень, который должен был загорать сейчас на пляжах Средиземноморья. Парень, чей страх чуть не свел меня с ума пару минут назад.

Мой крик всполошил всех. Дальний от меня солдат бросил Рауля на землю и навалился на него всей тяжестью своего доспеха. Рука другого солдата навела на меня ствол короткого железного пистолета – грави- или бозпушки.

Я перепрыгнул капот карсы и помчался к Динь-Динь.

Солдат с пушкой приказал:

– Стой!

Я, не останавливаясь, приказал:

– Отпустите его!

Прижатый лицом к асфальту Рауль заплакал:

– Не бейте меня.

Вектор страха Рауля вильнул как змея и уткнулся мне в руку. Инстинктивно я сжал ладонь, кривая полоска эфирной субстанции раздробилась на пучок светящихся серых стержней. Пучок острых фантомных стрел – все воткнулись в мой кулак.

Я заорал: А-а-а-а!

Солдат затряс пушкой.

– Стой, иначе выстрелю!

От полупрозрачных стержней озноб поднимался вверх по моей правой руке. Легкие снова опустели. Воздух не проникал в них, лишь касался моих губ, дразня, как девушка игривым поцелуем. Далекие небеса все еще улыбались мне, и это был оскал близкой смерти.

Второй солдат поднялся с Динь-Динь:

– Это всего только напуганный питомец. Изолируем его.

Красная скала прогрохотала ко мне и схватила за руку. Аксамитовая перчатка сжала пучок серых стержней. Невидимые солдату иглы прошли сквозь красную броню, сквозь кожу и кости. Желтые глаза солдата округлились от ужаса.

– Отпусти! – закричал он. Никого я не держал, наши руки, нашу плоть сцепили стержни страха Рауля. Но их видел только я.

– Отпусти! Выплюнь меня, тварь!

Другой рукой солдат ударил меня в плечо. Я повалился на асфальт и перекатился на ноги. В моих костяшках остались два стержня.

Солдат бешено замахал рукой и бросился на напарника, взывая о помощи.

Две живые скалы сшиблись с треском и покатались по дороге. Сквозь поднятую пыль стержни тускло светились на красных доспехах – уже обоих солдат.

Собравшись с духом, я вырвал оставшиеся стержни из руки и бросил на землю. Иглы мигом растаяли в воздухе, будто аксамитовые сапожки Юли на следующее утро.

Ниже на обочине испуганные солдаты ползали друг на друге, умоляя спасти их. Умоляя словами и удушающими за горло.

Солдат сверху врезал бронированным кулаком в челюсть напарника:

– Останови землю, молю-ю! Не дай ей растечься!

Напарник попросил не менее впечатляюще – огрев сослуживца локтем по шлему:

– Небо грызет мои пальцы! Убей небо! Или убей меня!

Новые векторы страхов – уже их собственных – стелились из черепов солдат в мою сторону. Я похромал прочь от серых светящихся палок, прочь от дурдома «Ромашка».

Рауль плакал на земле. Перешагнув вектор его страха, я склонился к нему, похлопал по плечу.

– Динь-Динь, ты как?

Голубые глаза Рауля бегали по газонам и корпусам Центра так же ошалело, как у наркомана, долго пробывшего без дозы. Тонкие губы тряслись. Пластиковый катетер торчал в руке.

Дружище, какой же психотропной отравой тебя напичкали, что я сейчас чуть не задохнулся, а эти два красных чайника, похоже, скоро замесят друг друга до смерти?

– Динь-Динь, Динь-Динь! – звал я друга из галлюциногенного бреда.

Француз вдруг дернул головой.

– Динь-Динь? – прошептал Рауль. – Питер Пэн? Вэнди? – его распер смех. – Нет, мы совсем не в Нетландии. Мы в аду.

Я попытался поднять его, но Рауль снова уткнулся лицом в шербатый асфальт, как в мягкий носовой платок. Слезы текли из его невидящих светлых глаз сквозь дорожную пыль к подошвам моих туфель.

Мои туфли вдруг оторвались от асфальта. Я взлетел как птица над плачущим Раулем. Вспарил над виляющей дорогой, над салатовыми холмами. Улыбающееся небо лизнуло меня гулким шквалом ветра. Заложило уши.

Внизу на обочине один из красных солдат стоял на коленях. Черное дуло пистолета в его забрызганных лиловой кровью перчатках смотрело на меня. Все же гравипушка.

Солдат дернул стволом пушки. Следуя за дулом, гравитационная волна бросила меня на бурую крышу карсы. Хлопок

удара отдался в черепе, в мозгу, в зубах. Челюсти щелкнули, столкнувшись с твердым металлом. В глаза накатила черная туча. Но прежде я увидел, как белые, словно снег, кости вылезли из моей груди. Заиграли красные фонтаны.

Так в какую же сказку нас занесло? Питер Пэн? Золушка? Страна чудес?

В непроницаемых черных водах всплыл тягучий как кисель голос:

– Кровеносные сосуды восстановлены. Поврежденные мышечные и костные ткани соединены и реабилитированы. Работа нервных узлов стабилизирована. Отек тканей мозга исключен.

Противный голос тянул и тянул. Я лежал с закрытыми глазами, стараясь не выдать что проснулся. Или воскрес. Тело чесалось от прилепленных присосок. Грудь и ноги сдавливали тугие ремни.

Коснулся кончиком языка зубов – все на месте. Раз так, значит, мои кровавые ошметки успели дотащить до инкубатора, прежде чем я отбыл к ангелочкам – не как Рудо, к настоящим.

Заговорил второй голос – голос архонта Гертена, голос лжеца:

– Достаточно медицинских отчетов. Главное, его состояние удовлетворительное. Конвоиры чуть не уничтожили нашего самого ценного подопечного. Как он смог проникнуть

на территорию инкубатора? Разве дороги к ней не охраняются?

Третий голос с лязгом металла в согласных ответил:

– Охраняются. У каждого входа дежурит солдат Гарнизона и не пускает в зону инкубатора никого из гешвистеров. Видимо, человек пролез между корпусами.

– Усильте охрану. Начнется паника, если человеческие пары гешвистеров узнают о подопечном, не вернувшемся на Землю в обещанный срок.

Первый голос протянул:

– Архонт, как прикажете поступить с подопечным из гешвистера Юлирель?

Я против воли сжал кулаки.

– Ваши предложения?

– Два варианта: поместить в одиночный карцер на постоянное содержание, полностью изолировав его контакты с другими подопечными, либо провести структурированную амнезию.

После паузы архонт спросил:

– Гипнотерапия может сказаться на его способностях эмпата?

Изо всех сил я стиснул зубы, чтобы не заорать: Ах ты, старый удав, ты все знал про меня, знал!

Молчи, Стас, заткнись, поймай дзен, лежи неподвижно, как труп. Если пришельцы решат стереть Динь-Динь из твоей головы, этот разговор ты все равно запомнишь и потом

увяжешь, что к чему. Придумаешь, как спасти Рауля и надавать лжецу-архонту лещей, от которых его гадкая рожа потемнеет и распухнет как баклажан. Но только, если ты не раскроешься сейчас – пришельцы не сотрут воспоминания о том, о чем не в курсе. И зубами тише скрипи. Веками не дергай.

– Проводимые опыты на подопечных в Западном филиале, в том числе на Рауле Авене, показали, что риска нет.

Моя грудная клетка так напряглась, что плотный ремень на ней тихо заскрипел. Усе, усе, успокойся. Ныряй в нирвану. Но все-таки выходит, Динь-Динь – эмпат, как и я? И не только он.

Архонт размышлял:

– Люди – социальные животные. Одиночный карцер негативно скажется на оценке подопечным окружающей действительности. А это, в свою очередь, негативно скажется на работе Юлирель, что недопустимо для выполнения миссии ананси.

Интересно, как мое заточение может повлиять на Юлю? Вы же нас все равно разлучите через пятнадцать суток.

Архонт приказал:

– Второй вариант. Погружайте подопечного Станислава Волвина в транс.

Ну, вот сейчас все дружно посмотрят на датчики моего пульса или биоритмов, которые выдадут меня с потрохами.

Я вызывающе похлопал веками, почмокал губами якобы

сонно. Зевнул раз, другой. И открыл глаза. Типа проснулся только.

Оглядеться не дали. Противный кисельный голос потянул меня в вязкую трясику дремы. Черный рой приказов налип на мои мозги.

Забудь.

Усни.

Забудь.

Я снова рухнул в темноту, в черную изнанку нашей сказки.

Глава 8

Белесый рассвет застал меня в своей постели и с чужими воспоминаниями. Будто в кинотеатре я смотрел, как весь вчерашний день протрясся в красной вагонетке на «горках». На крутых спусках другой я визжал так весело, что даже позавидовал ему.

Все бы ничего, только меня всегда тошнит на каруселях. Когда катаюсь на самом деле я. Правда, откуда это знать архонту Гертену? Все земные дети просто обязаны любить аттракционы. Как мороженое и хот-доги. Как танцы в блестящих платьях и пижонских смокингах.

Главный умник во Вселенной архонт Гертен пал жертвой стереотипов, как те миллионы детей, которые благодаря Багзу Банни – мультяшному кролику, падкому на морковку – не знают, что морковь кроликам совсем побоку. Настоящие кролики любят капусту.

Итак, с меня срисовали Стаса *Банни*, Кролика Стаса. Супер. Одному Богу известно, сколько дней, прожитых мной на Люмене, на самом деле жил не я.

Вдобавок почти вся моя кожа под одеждой стала алебастрово-белой, словно меня всю жизнь держали в подвале. Таков ведь побочный эффект лечения в инкубаторе?

Через полчаса молча пнул ногой по кровати Юли.

– Что такое? – девушка-ананси сонно посмотрела на ме-

ня. – Разве я не запретила Стасу заботиться обо мне?

– Мне же нужно отрабатывать свой хлеб, – сказал я. – И те фаршированные омары, ароматами которых я дышу на завтраках с позволения твоего отца.

Юля отбросила одеяло, и сама встала с кровати – невиданное дело. Я и не видел: отвернулся в сторону от ее гладкого тела без сантиметра одежды.

– Никто не запрещает Стасу есть его омаров.

– Хочешь, чтобы мой долг перед архонтом стал пожизненным, и нас с тобой никогда не разлучили? – спросил я. – Ты чертовски коварна и умна, хозяйка.

Босые ноги Юли прошлепали в ванную. Прихватив полотенца, я потянулся следом. На пороге меня обожгли лучи огромных золотых глаз.

– Стасу так нравится ходить за мной?

Я широко зевнул:

– Любовь превращает обыденное в прекрасное, хозяйка.

Она схватила меня за ворот рубашки и притянула к себе. Ее растрепанные волосы, черное с алым, всколыхнулись грозным облаком вокруг наших лиц. Влажные золотые глаза заблестели опасно близко.

– Нет, не поэтому.

Ох, от этой девочки никогда не пахнет ни духами, ни сладостями. И сейчас она пахла лишь постелью, с которой только что встала.

– Ты просто выдрессированная собачка.

Она спустилась со своего инопланетного уровня, чтобы обзывать?

– Тогда ты просто живодерка!

Юля метнулась вперед и прижалась ко мне. Даже сквозь охапку полотенец между нами я ощутил жар ее тела.

Мои подмышки вспотели. Юля наморщила нос.

– Ты вонючий поросенок.

– Эй! Со всеми бывает. Я всего лишь человек.

– Ты трусливый заяц.

– Кончай свои ролевые игры! Хочешь, чтобы я умер от стыда?

Ее руки сжали меня крепче.

– Не надо умирать...

Ох.

– ...пока не покажешь, чем кормить рыбку.

Я чуть не сказал: Порежь свой язык на кубики и попробуй ими. Пожалуйста, верните звездную принцессу обратно в ее ледяное измерение!

И все же спросил с надеждой, дурак жалкий:

– А еще причин мне не умирать не найдется?

– Стас должен быть послушным песиком, если хочет снова увидеть Лену.

Вот и выплыла на первый план холодная замена Юли – ее межгалактическое высочество Юлирель. Из нее хоть ледяную скульптуру выбивай. Все ей побоку, ничего она не стесняется, даже угрожать.

– Ага, страшай меня дальше. Я ведь тупая псина, только палкой по загривку понимаю, так?

Юля отстранилась и обхватила себя за плечи. Неужели ее проняло? Я укутал ее в полотенце. Девочка-ананси опустилась на стул у раковины, мои руки будто сами собой принялись мыть ее голову. Спасибо шестилетней ежедневной привычке раба.

– Т Игрил Верiate, – начала Юля.

Я сказал, что звучит похоже на название компьютерной игры.

– Это красная звезда. Самое большое и одно из самых ярких и тяжелых небесных тел в обозримой Вселенной, – моя хозяйка сделала паузу. – И одно из самых короткоживущих.

Включил фен. Сквозь его тихое “жу-жу” мелодичный голос Юли струился как горный ручей под шелестящими кронами деревьев.

– Немного дальше, на западе материка, Т Игрил Верiate можно увидеть с помощью большого бинокля. Красноватая звездочка с круглым пятнышком посередине – такой бы Стас мог увидеть Т Игрил Верiate на Люмене. В космосе это раскаленный шар из горячей плазмы, в чьем свете тонут кометы, планеты, другие звезды. Не раз темноту в кабине моего флаера прогоняло оранжево-багровое сияние Т Игрил Верiate на дисплеях панели. Звезда выплескивает всю энергию в свет. И тем укорачивает свой срок жизни.

Я убрал фен и потянулся за расческой.

– К чему это все?

– Просто, – Юля пожала плечами.

– Что просто? Просто издеваешься? Звезда моя, еще и ты воюешь со мной?

– Звезды не воюют. Звезды светят. И ананси не воюют ни с кем. Ананси борются с вселенским роком. Только люди воюют с людьми.

– Намекаешь на то, что я вижу в твоём отце злобного инопланетного диктатора, который воюет с человечеством?

– Нет, на то, что Стас видит в моем отце человека, который воюет со Стасом.

Неспешно, осторожно я скорее гладил ее волосы, чем чесал. Мои глаза и руки впитывали в себя чудесно-мягкий черный шелк с алым отблеском.

Юля закрыла глаза, правая рука ее протянулась и коснулась кончиками пальцев моей левой, без расчески, – тоже только кончиков пальцев. Электрическая искра с треском проскочила между нами.

Я отвел руку и вспомнил байки, которые слышал от других гешвистеров:

– Гарнизон воюет с унголами.

Не открывая глаз, Юля покачала головой.

– Это унголы воюют с ананси. Ананси только защищаются, чтобы выполнить свой долг.

Ха. Только защищаются. Только дают сдачи в сто крат больше. И заранее из осторожности.

– В природе Т Игрил Верияте – светить, – сказала Юля. – Кто бы что ни хотел, Т Игрил Верияте все равно будет светить.

Ага, все равно будет умирать.

– О чем ты? Нашлась, блин, звезда мелодрамы. Я не привык просто смотреть, как пай-девочек вроде тебя отправляют гаснуть, – сказал я. – Уж извини. Вот такая она – природа человека-шизофреника, который воюет с воображаемыми людьми на месте старого пришельца.

– Вот как.

Юля вдруг задрожала, неосязаемые черно-красные пули выстрелили из ее головы мне в лицо. Я поморщился. Черно-красный – торжество боли.

– Кабина...надо идти в кабину, – прошептала Юля, девушка-ананси застучала зубами. – Навести пульт на цель. Проверить резонанс. Учесть в настройках резонанс. Компенсировать резонанс. Отчитаться об уровне резонанса, – она дернула головой. – Или отчитаться надо вначале?

Я протянул к ней руки, но Юля не видела их, ничего не видела. Кроме тесной кабины флаера. Моя хозяйка резко дернулась вперед и упала со стула на холодную плитку.

– Жжёт, – сказала она, глядя царапины от ножек стула на кафеле. – Оболочка капсулы перегрелась. Срочно остудить жидким азотом.

Юля плюнула на пол и прошептала: Остудила. Кожа вокруг ее закрытых глаз сморщилась. Я наклонился к ней:

– Юля?

– Какой рычаг я должна повернуть? – ее зубы отбивали жуткую дробь. – Выключатель разжижения масла? Насос подкачки горючего? Рычаг управления курсовой системы? Может, регулировки освещения?

Она ударила кулаком по полу. Глухой стук. Полотенце соскользнуло с ее дрожавшей спины. На бледно-голубой коже, прямо под лопатками, аксамитовые лоскуты сверкали как красные крылья. Как кровавые раны.

Юля говорила:

– Может, пожарный кран? – она лязгнула зубами. – Может, держатель для напитков?

Я сел на кафель и опустил руки на ее мягкие плечи. Вторая очередь фантомных пуль тут же сотрясла меня.

– Рычаги, – говорила Юля, пока ее сорвавшиеся нервы решетили длинным залповым огнем мой мозг. – Что мне нажать, повернуть, вдавить, поднять, опустить, дернуть, чтобы его не заточили в карцер? Не мучайте его.

Бледно-голубая рука вытянулась и скользнула по моим губам.

– Мокро, – прошептала она и сунула два пальца мне в рот. – Протек мембранный фильтр для очистки охлаждающей жидкости. Срочно запаять.

Ее пальцы сплющили мои губы в лепешку. Юля плюнула мне в лицо.

– Течь устранена, – объявила девушка-ананси, трясясь как

включенная дрель.

Я не чувствовал, как дерут мои губы. Мое лицо, мое тело стали неважны. Пули, раскаленные точки дырявили, жгли жадную губку в голове. Мозг кипел в черепе. Это всего лишь иллюзия чужой боли. Но в мире, где необдуманное слово любимого или любимой способно ранить, нет лучшего убийцы. Боль дорогого человека – первоклассный киллер.

Где-то за дверью фабрикоид отчитался о законченной уборке номер две тысячи сто двенадцать. Мои виски сдавило. Юле пора на завтрак. Затем – на работу. В тесную кабину с кучей рычагов, пожарным краном и держателем для напитков.

Я обнял голову Юли, плотно прижал ладони к ее лбу. Залп за залпом, пулей за пулей я умирал и воскресал. Чтобы успокоить мою хозяйку. Все хорошо. Я бальзам твоей души. Твоя диетическая кола. Пей, наслаждайся. Вливайся.

Расстрел прекратился. Нервный срыв Юли захлебнулся, потратил весь магазин. Какое-то время девушка-ананси лежала в моих объятиях, мягкая, тихая, расслабленная. Тепло ее кожи растекалось по моим рукам.

– Стас, – прошептала моя хозяйка. – Нам пора на завтрак.

– Пора, – сказал я.

Мы не двигались. Не отпускали друг друга. За дверью квартиры ее ждал ад.

Я убрал пальцем черно-алую прядь волос с острой как бритва щеки Юли. Я слышал, как она думала. Возможно, из-

за того, что ее глаза смотрели близко-близко в мои. Возможно, из-за того, что ее губы касались моей кожи. Возможно, из-за того, что я просто хотел этого – не любить ее, но понять.

– Забирать твою боль – вот такая она, моя природа, – брякнул я, и Юля тихо заплакала.

Моя вечно голодная губка потянулась к ней, чтобы снова забрать всю боль. Но у Юли ничего не болело. А слезы из золотых глаз текли и текли – тихие, спокойные, кристально-чистые, в скользящих бликах от лампы.

Боль без слез. Слезы без боли. Бывают у ананси слезы счастья?

Глава 9

Внизу золоченый купол «Диснейленда» сверкал в лучах Света. Блеклое, почти прозрачное солнце зависло на одном месте. Секунды замерли. Ультрамариновый бронекрыл подо мной плыл против мощного ветра, особо не напрягаясь. Облачное покрывало сверху так и норовило куснуть мне макушку.

Мимо синей вспышкой пронесся бронекрыл Маны. Вихрь кофейных волос взметнулся над ярким панцирем зверя.

В узкой ложбине между огромными синими пластинами крыльев я выгнулся вперед и ухватился за рога над клиновидной мордой. В позе мотоциклиста на спортивном байке я понесся навстречу разговору с Маной, возможно, навстречу завершению истории моей жизни – если все выйдет неудачно – прямо на юго-восток. Бесконечный столб Света накрыл нас.

Сегодня ночью лучше бы не ложился. Опять во сне я был Леной. Мои босые ноги шли по холодному липкому полу. Сквозняк раздувал ночную рубашку, и легкая ткань хлопала меня по коленям. Затем сон сменился другим, передо мной из темноты возникли мама и высокий мужчина в синем мундире. Тени полностью скрывали их лица.

Когда после завтрака я нашел Ману в луна-парке, бразильянка нещадно втаптывала ботоксера в маты. Стальные

щупальца пытались обтянуть ее смуглые ноги в трениках, но быстрые руки в шрамах пресекали попытки жесткими блоками.

Я стоял неподвижно за ее спиной. Моя рука в кармане штанов нервно гладила упаковку бинтов. Меня учуяли, как злая брошенная кошка чует тихую мышку, на которой можно отыгаться. Мана завернула пару верхних щупалец бедному ботбоксеру за голову и прошипела, что вчера на завтраке чья-то *алинижна*, инопланетная принцесса села к ним за стол и позвала Дарсиса на танцы.

– Она возомнила себя бессмертной? – закричала Мана, ударив головой ботбоксера об пол. Мне послышался хруст внутри металлической шеи.

– Это все неважно, – сказал я. – Перед этим Юля соврала мне, что договорилась идти танцевать с Дарсисом. То есть теперь-то мне понятно, что она соврала. Похоже, чтобы не разоблачиться, моей хозяйке пришлось вылезти из раковины. Она играет со мной.

– Дарсис согласился! – прорычала девушка. Я молчал.

Прерывистое дыхание. Лихорадочный блеск в глазах. Глухой голос. Разве можно что-то ответить на такую боль?

Мана скрутила еще одно щупальце немислимым узлом. Сталь жалобно скрипела.

– Зачем она соврала тебе? Зачем влезла к нам?

– Чтобы я не пытался помешать ее отправке на орбиту.

Мана сказала «стоп», и ботбоксер включил спящий ре-

жим. Девушка вытерла потный лоб рукавом тренировочной рубашки.

– Когда?

– Сразу после танцев.

Мана приблизилась. Несмотря на свою боль, она спросила:

– А ты?

– Я останусь в Центре до семнадцатилетия Юли. После ее отлета мне прекратят вкалывать «сыворотку».

– Это же хорошо.

Я попытался представить жизнь без ежедневных инъекций:

Пение птиц,

Запах дождя...

Мозги – вы точно тут?

Вышло не очень.

– Но сейчас «сыворотка» во мне, – я потянул Ману за рукав рубашки. – Идем. Нам нужно лететь отсюда.

– Лететь? Куда?

– Туда, где нас никто не услышит. Быстрее.

Мы побежали в питомник. Искусственно выведенные карликовые единорожки, тигры и слонотопики бросились лизать нам колени. Отпихиваясь от мимишных зверят, мы взяли под уздцы двух ультрамариновых бронекрылов, и вывели пластинчатых животных из стойл на улицу.

Когда бронекрылы взмыли вместе с нами к белоснежным

облакам и невзрачному солнцу, я указал Мане на юго-восток, в сторону нашей рощи.

Над рощей взлетников нас поглотило облако белых лепестков. словно рой небесных фонариков, невесомые цветы неслись вверх, в стратосферу, обтекая панцири бронекрылов. Мой «байк» распахнул пасть, полную кривых жвал, и смачно зачавкал залетевшими внутрь лепестками. В рот мне тоже попала мякоть, кислая как квашеная капуста. Бе-е-е...

Попытался выплюнуть, но еще с пяток лепестков сразу забилось за щеки. От пяток к горлу накатила волна тошноты, глаза заслезились, взметнул ладонь ко рту, плотно прижал – кхе, кхе – быстро выхаркал в нее мокрые, похожие на моллюсков комки. Фу! Потряс рукой. Гадость отлипла и полетела вверх, в никуда.

Лысые, покинутые распустившимися цветами взлетники корячились над отвесным оврагом. Оба бронекрыла без команды дружно спикировали на открытый треугольник травы над самым обрывом. Граница территории Центра пряталась в леске за оврагом. Никакой зверь питомника не пресечет ее без приказа ананси. Людям – широкий простор, но только внутри загона.

Мана ловко спрыгнула с высокого панциря. Половину ее смуглого лица закрывал белоснежный платок. Валькирия во всей красе. Всегда предусмотрительная, всегда успешная. Вот почему все девчонки в Центре ее тихо ненавидели.

Шатаясь, я сполз с бронекрыла. Близкий как никогда Свет

ослеплял. Зонды кружили вокруг белого столба, точно черные мухи вокруг мяса на прилавке.

– Слюни вытри, – сказала Мана, снимая платок.

Я вытер.

– И слезы.

Вытер.

– Ну?

Собираясь с мыслями, я протянул ладонь к пасти бронекрыла. Широкий язык выполз между жвал и облизал влажные следы «моллюсков».

Чтобы что-то сказать, бросил:

– Архонт сказал: Свет угасает.

– Свет? – сказала Мана. – Как это возможно? Свет ведь – всего лишь проекция пульта управления незримым полем, которое расширяет Вселенную.

Моя нижняя челюсть отвисла:

– Че-е-е-е-его-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о?

Мана пожала плечами.

– Ты бы сам знал, если бы интересовался миром, где живешь.

Я чуть было тихо не возненавидел ее, как все девчонки в Центре.

– Я мечтаю забыть этот чертов мир, эту чертову планету, как только вернусь к сестре.

Темные глаза Маны сверкнули.

– Тогда ты не собираешься натворить глупостей? Отпу-

стишь свою принцессу?

– Мы прилетели сюда говорить не о Юле...

– *Нау*, нет уж, сначала о принцесске, – Мана подступила вплотную. Я застыл между ней и обрывом. Крутым, осыпающимся обрывом. На дне оврага, в зарослях, вилось что-то темное. Тени? Птичьи гнезда? Змеи?

Мана заметила, куда я смотрю, и закатила глаза:

– Не бойся, тебе это не грозит. Пока что, – в мою грудь ткнулся твердый палец. – Твоя принцесса не желает, чтобы ее дотошный рыцарь путался под *сианотика*, синюшными ногами. А ты будешь путаться? Пойдешь против нее?

– А ты бы не пошла против Дарсиса, если бы его как тупого лося несло на автомобильную трассу, где сшибут насмерть?

Ее палец надавил сильнее, моя грудная мышца вдавилась между ребер.

– Воля Дарсиса – закон для меня.

Я скинул ее руку с груди.

– А мой закон – чтобы Юля выжила. Мне плевать на ее хотелки. Лишь бы дожила до семнадцати лет, до того фантастического утра, когда сможет встать с постели сама без моих пинков. Вот тогда я забуду весь этот ужас, – я перевел дух. – Но нам нужно поговорить не о Юл...

Мана резко выбросила руку, стальные пальцы сдавили мое правое запястье, дернули меня от обрыва. Лучезапястный сустав свело.

В голове всплыл дисплей ботбоксерра, на нем яркая строчка:

Захват для опрокидывания. Контрприем: обратный выверт.

Я быстро провернул кисть вовнутрь, высвободился.

– Что ты?..

Из головы Маны выстрелили черные векторы злости. Жадная губа внутри меня тут же начала всасывать их как спагетти.

– Дурак! Если возомнил себя *легал*, крутым парнем, – крикнула Мана. – Если готов сцепиться с целой расой, сначала попробуй сделать меня.

Очередная спагеттина–вектор растаяла внутри меня черным обжигающим соком. Мой рассудок поплыл, череп чуть не расколосся. Ну получай, Мана.

Я бросился на бразильянку. Мана отклонилась вбок, поймала меня локтевым сгибом за шею, потянула назад. В глазах потемнело. Я захрипел сдавленно.

Перед глазами снова дисплей со строчкой: *Удушающий за горло сзади. Контрприем: бросок противника.*

Закинул руку за голову, ворот рубашки валькирии попался в ладонь. Манин локоть сдвинулся на мой кадык, сонную артерию перестало давить. В глазах прояснилось. Потянув Ману за ворот и локоть, я наклонился вбок и бросил ее перед собой. И тем самым открылся.

Еще в воздухе Мана обхватила руками обе мои ноги. Те-

ло девушки невообразимо изогнулось. Ступни ее ударили в землю. Не разгибая колени, Мана боднула меня плечами, опрокинула на лопатки.

Моя голова бухнулась об самый край обрыва. Глина под ней осыпалась и покатила вниз по склону. К теням или змеям.

Строчка на дисплее: *Проход в две ноги. Контрприем: быстрее соображать, тормоз.*

Ну, молодец, Мана.

Ее твердый кулак вдавился мне в щеку, в губы. Ее железные бедра сдавили мои ребра. Ее звонкий голос ударил по барабанным перепонкам:

– И меня, меня ты тоже хочешь забыть?

Я никак не мог ответить, разве что поцеловать ее кулак.

– Мы же будем заботиться друг о друге и там, на Земле?

Нет, мне не нужна еще одна сестра. Даже не проси. Я не хочу подвести еще кого-то так же, как Лену. Только не снова.

Но этого я не сказал. Я сказал: – М-м-м-м-м.

– Скажи же что-нибудь!

М-м-м-м-м.

Она убрала кулак с моих губ.

Ее темное лицо близко нависало над моим, но Мана наклонилась еще ближе. Лысые деревья и пасущиеся бронекрылы спрятались за гордым тонким носом, за почти черными глазами под черными изогнутыми бровями, за резким ртом, который дышал мне на ресницы сухим жаром тропи-

ческой Амазонии.

Мана прошептала: Скажи.

Ее длинные волосы дрожали вокруг наших лиц, наших глаз. Я протянул руку к кудрявому черно-кофейному завитку, но коснулся прямого черно-алого локона. Мои пальцы вздрогнули и заскользили дальше. Там, где они проходили, перебирая завиток за завитком, волос за волосом, волнистые пряди выпрямлялись, а кофейный оттенок алел. Просто магия.

У самых смольных корней я остановился, а потом погладил лицо Маны. Она не отшатнулась, только покраснела. Под кончиками моих пальцев кожа на ее щеке посветлела, горячий румянец превратился в холодный голубой сапфир. Скула заострилась и пронзила сквозь пальцы мое сердце.

Мана полуприкрыла веки. Из-под длинных ресниц на меня посмотрело непроницаемое золото с вертикальными черными полосками.

Я отдернул руку.

С Юлей в мыслях я не могу коснуться лица другой девушки. Неважно, к чьей щеке я прижмусь щекой, чьи губы поцелую, в чьи глаза влюблюсь. Дурацкой «сыворотке» все это неважно.

Не дай бог я вернусь на Землю, вырасту, женюсь, мы заведем собаку, кошку, еще одну собаку взамен первой сбитой мусоровозом, нарожаем детей, вырастим из них нобелевских лауреатов и президентов госкорпораций, состаримся, и вот

на склоне лет с женой встречаем рассвет, покачиваясь рука об руку на креслах-качалках на скрипучих половицах дачной веранды, а я поворачиваюсь и все так же вижу вместо лица жены бледно-голубой сапфир с двумя золотыми пуговицами. Все так же весь горю от нечеловеческого апатичного взгляда за толстыми стеклами очков моей жены. И моему глухому вислому правому уху все так же слышится на мелодичном эльфийском: «Стас расчесет волосы» вместо резко-го: «Дорогой, подай-ка мои зубы, вон там – на тумбе, в стакане».

– Скажи, – прошептала Мана. – На Земле ты найдешь меня и не позволишь больше ни одному ножу коснуться моей кожи?

Я не знал, кому она это говорила, не знал, кого видела в тисках своих бедер: меня или Дарсиса. Я не знал, знала ли она, что я не знал.

Рукав на правой руке Маны загнулся, кривой белесый шрам матово блестел. Каждый, кто любил, носит шрамы.

Я сказал:

– Может быть, – сказал я. – Возможно. Не знаю. Там посмотрим, – сказал. – В любом случае, сначала сломай мне руку.

Мана резко подняла голову.

– Руку?

– Ага. Мне нужен только открытый перелом. Сейчас.

Вмиг с меня сдуло Ману. Ее сильные ноги выпустили мои

ребра и встали в стойку готовности к бегству.

Я сел, достал из кармана пакет с бинтами.

– Как сломаешь, перевяжи рану бинтами, чтобы я не истек кровью, – гордо потряс перед глазами Маны пакетом, тип смотри, я тоже предусмотрительный, не ты одна. – Меня наверняка вырубят, так что оставь тут и лети за помощью. Постарайся, ладно?

– Постараться сломать тебе руку?

– Точно, чтобы прям кость торчала, – сказал я. – Чтобы все пришелюги прям увидели: парень чертовски плох, срочно его в инкубатор, обычный медпункт не спасет.

Почти черные глаза Маны влажно заблестели.

– *Меу Деус*, Господи, ты рехнулся.

– В инкубаторе я, может, встречу Динь-Динь.

– Ты рехнулся от того, что сильно скучаешь по Динь-Динь?

– Да нет же! Вчера возле инкубатора я пересекся с Динь-Динь или с кем-то другим, кого питомцам нельзя видеть. Мне стерли память об этом. Но кусок разговора умника Гертена с умниками попроще я умудрился запомнить. Они говорили еще о других эмпах – их держат в каком-то Западном филиале. И Рауля тоже там держали. На нем проводили опыты.

– Как же так? – выдавила Мана. – Но сейчас Динь-Динь дома, на Земле?

Кто знает? Я молча поднялся с травы и снял рубашку –

чтобы Мане ничего не мешало перемотать бинтами рану, когда наконец сломает меня.

– В инкубатор не пускают, – сказал я. – Сегодня после инъекции пробовал пробраться с десятков раз, но солдатня в красных панцирях кишит там повсюду.

Моя левая рука распрямилась и вытянулась к Мане. Ладонь приглашающе раскрылась.

– Ломай же!

– А вдруг тебя не пустят в инкубатор даже со сломанной рукой? – Мана оттолкнула мою ладонь. – Вдруг тебя не пустят туда, даже если ты будешь помирать?

Ее вопросы пошатнули мою уверенность. Холодный ветер подул со стороны оврага. Моя бледная кожа покрылась пупырышками, я скрестил руки на груди. Широкие крылья носов бронекрылов затрепетали. И вдруг пластинчатые горы взревели и ринулись к нам с Маной, размахивая крыльями.

Бронекрыл Маны обрушил лапы рядом с теннисными туфлями бразильянки. Еще бы десять сантиметров вправо – и одну из туфель подбросило бы вверх вместе с травой и глиной. Вместе с оторванной ногой. Утробный рев зверя заглушил бы крики боли.

Бронированная спина накренилась, крыло со свистом разрезоало воздух. Манас резко откинулась назад, встала руками на мостик. Синяя вспышка пролетела над ее согнутым торсом, не задев, и встретила меня.

В грудь ударило, я обмяк, приложившись челюстью об

пластину крыла. Мои руки заскользили по гладкой костяной плите, ноги оторвались от земли, пнули по глинистому краю обрыва, закачались в пустоте. Сердце нырнуло в пятки. Я полетел в никуда.

Внутри меня вспыхнул сноп черно-красных пуль. Ах, нет, губка ни причем, это мое. Черный – буйство злости, ярости. Черно-красный – торжество боли. Но что такое красный? Невесомость?

Колючие заросли воткнулись в грудь и лицо. Сухие губы смочила кровь. Из левой руки торчала белая кость – прям кость, прям торчала. Как и задумал. Черт, из правой тоже что-то торчало. И из плеча. Левый глаз совсем не видел.

Переборщили.

Из-за дальних кустов ко мне поползли тени – слава Богу, тени, не змеи, – закрипели ветви, резкие голоса раздались над ухом. Я смог чуть-чуть сдвинуть голову. И понял, что ни черта не слава Богу.

Тени отбрасывали высокие существа. Песочно-желтые лица, плотные белоснежные повязки поверх походных костюмов под зелеными плащами. Не ананси, не люди. На костяшках незнакомцев сверкали острыми концами твердые наросты, белые как их пвязки. Аксамит.

Я попал в руки унголам. Врагам Гарнизона.

Один из унголов приблизился, снял пачку бинтов с ветки, покачивавшуюся над моей неподвижной ногой. Полиэтиленовая упаковка натянулась под желтыми толстыми пальца-

ми и с хрустом порвалась. Показались бинты – серые, почти грязные на фоне ослепительного аксамита унголов.

Унгол с бинтами наклонился ко мне. Коснулся торчавшей кости. Черно-красные линии вспыхнули в мозгу.

История моей жизни полетела к чертям. Мое сознание накрыл черный эндшпиль.

Глава 10

Кошмарный сон выплюнул меня в белую комнату. Белые стены и потолок сверкали, как отделка и мебель в кабинете Гертена. Как аксамит унголов.

Щека моя тонула в мягкой подушке. Левый глаз снова видел, мускулы и кости даже не чесались. Мягкая хлопковая рубашка щекотала кожу. Сладкая нега разливалась по телу, я не шевелился. Душа наполнялась покоем и радостью, что я живой – живой я!

Напротив моего лица стену пачкал небольшой мокрый желтый подтек. Желто-песочный, как кожа унголов.

Об унголах я знал мало. Шесть лет назад ананси провели только что похищенным детям вводную лекцию о своем мире, о сказке, куда нас занесло. На планете Люмен, говорил лектор-ананси, обитают более десятка рас одного гуманоидного вида Ареопы. Самые малая и большая расы – ананси и унголы – воюют между собой уже многие столетия. Почему, нам не объяснили.

Расы, вид, гуманоидный... Мы, дети, слушали эту взрослую белиберду и хлопали глазами.

– *Сорри*, извините, – спросила Сильвия. – То есть, ананси приходится унголам кузенами?

Ананси-лектор сказал, что нет, ананси и унголы не ближе друг другу, чем экваториальная и европеоидная расы людей,

что окончательно погрузило нас в уныние.

Позже я и Мана спросили Динь-Динь, как старшего, о чем нам втолковывали.

– А, так они о неграх и белых, – ответил белокурый француз.

– Тогда вообще ничего не понимаю, – сказал я. – Почему ананси и унголы дерутся? Я ведь не дерусь с Маной.

Тут же трава лужайки выскользнула у меня из-под ног. Нагретые солнцем листья лопуха обожгли шею. Я удивленно уставился на небо, а небо – на меня. Мана убрала подножку и заявила:

– Никакая я не *негра*, я – парду, латиноамериканка.

– Сожалею, – понурил голову.

Бразильянка протянула мне руку. Я схватил девочку за локоть и опрокинул рядом на траву.

– Сожалею, что думал, что не дерусь с тобой.

Мы оглядели друг друга – одежда и волосы в траве и колючках ежевника, – и залились смехом. Динь-Динь поспешил прочь от нас, ненормальных.

Я все пялился, как ненормальный, на желтый подтек на стене и не сразу заметил, что связан. Какие-то вязаные шнурки опутали мне руки и ноги. На шнурках болталась куча пустых разноцветных мешочков с вышитыми рисунками и иероглифами. Первая мысль возникла: меня хотят принести в жертву Асмодею или еще кому.

Второй мысли не дал возникнуть до боли знакомый неж-

ный эльфийский голос:

– Стас проснулся.

– Я в курсе, – сказал я и повернулся. В дверях стояли моя хозяйка и Хонока – четырнадцатилетняя японка с короткой стрижкой и огромными раскосыми глазами, как у школьниц в аниме.

Я подергался на узкой койке беспомощно, как спелёнатый младенец.

– Где Мана?

Юля без всякого кокетства сказала:

– Я думала, что единственная у Стаса.

– Ч-чего?

– Я доверяла Стасу все шесть лет.

Миндалевидные лупы Хоноки с упреком посмотрели на меня:

– *Семпай*, старший!

– Кончайте цирк, – зарычал я. – С Маной все в порядке?

Юля отвернулась к окну и уставилась куда-то за горизонт.

Хонока сказала:

– Мана-семпай жива и здорова, Стас-семпай. Унголы не навредили ей.

Как и мне, подумал я и выдохнул.

– Твоя работа, Хонока? – кивнул на мешочки с иероглифами. Милая японка покраснела.

– Конечно, нет, Стас-семпай. Юлирель-семпай сама изготовила все талисманы *омамори*.

– Как же?

– Юлирель-семпай попросила меня научить искусству защиты от коварных *ёкаев*, демонов несчастий. Всю ночь, пока инкубатор исцелял ваше тело, Юлирель-семпай укрепляла оборону духа.

Я потряс связанной рукой, привлекая взгляд хозяйки.

– Юля, зачем наряжать меня как новогоднюю елку? Почему просто не посадила на цепь?

– Омамори защитят Стаса.

– Да ну?

Юля подошла к кровати, бледно-голубая ладонь коснулась серого мешка на моем плече.

– *Кайун* усилит удачу Стаса.

– Еще бы.

Ее пальцы скользнули мне на грудь и потеревшили золотистую тряпочку в черных ломаных линиях иероглифов.

– *Якуёкэ* обережет Стаса от злых мананок.

– Все верно, сэмпай, только *мононокэ*, духи болезней, – вставила Хонука.

Я напряг кисть под тугим шнурком.

– Ну, допустим.

Юля погладила коричневый, почти бурый мешочек с вышитым рулем.

– С *андзэном* Стаса никогда не собьют на дороге.

– Что за одну ночь через Центр проложили скоростную трассу?

Юля надавила мне на живот сквозь белый мешочек. Под голубыми пальцами на атласной ткани улыбался желтый цыпленок.

– Благодаря *андзану* Стас не польсеет.

– Успокоила так успокоила, – сказал я. – Хонока, чему ты ее научила?

Я уперся ладонью в кровать, попытался сесть. Бедро накрыл талисман с блестящим золотым грибом или приплюснутой баллистической ракетой. Или...

– Хонока!

Юля будто процитировала энциклопедию для взрослых:

– Амулет *Канаяма* – для защиты сексуального здоровья.

– Хонока! Черт, что это за вывеска секс-шопа?

Маленькая японка вся сжалась в румяную смущенную помидорку.

– Семпай, я не виновата! Юлирель-семпай все просила и просила обучить новым омамори, приличные быстро закончились.

Плача Хонока выбежала из комнаты. Юля сказала:

– Стас – дурак.

Я вывернул ладонь и дотянулся до узла шнурка. Потянул за пластиковый пистончик.

– Не узнаю комнату. Мы в инкубатории?

Путы ослабли, эта защита от *ёкаев*. Теперь мою душу не спасти.

Я снял веревки. И бросил пошлый омамори в хозяйку. Ли-

повая баллистическая ракета скользнула с высокой груди на пол.

Юля сказала:

– Больно.

– Не верю. Еще раз – с чувством!

– Не больно.

– Нечего тогда говорить.

Юля подняла «золотой» омамори.

– Стас передумал насчет Юлирель?

– Целых десять раз. К сожалению, число четное. Поэтому ничего не изменилось.

– Я не понимаю Стаса. Все шесть лет Стас мечтал сбегать из Адастры. Теперь Стас делает все, чтобы его оставили здесь навсегда.

Ну здравствуйте, ваше морозное высочество Юлирель и ее леденящие кровь угрозы.

– Экспресс на Землю давно ушел, – сказал я. – У меня должно быть хоть что-то, хоть какое-то оправдание, когда я вернусь. «Где ты пропадал? – спросит Лена. – Почему не появлялся так долго?» Что я отвечу? «Понимаешь, все семь лет я был очень, очень занят. Я чесал волосы одной инопланетной девочке»?

Юля погладила вышивку «золотого гриба». Низ моего живота обдало жаром. Какое-то колдовство вуду.

– Я тоже твоя сестра, – резко на первый план выступила более человечная половина моей хозяйки. – Ты и я – гешви-

стер.

Юля посмотрела на меня так, словно мы обручены.

– Я не выбирал тебя сестрой.

– Лену ты тоже не выбирал.

Я согласился, что разницы почти никакой. Нас с Леной связало родство, наша мама, а нас с Юлей – ее отец. Никакой разницы.

Юля пошла из комнаты. На пороге она остановилась и посмотрела на меня так, словно мы супруги в разводе.

– Рыбка останется со мной.

И захлопнула дверь. Звякнула защелка замка.

Юля и вправду заперла меня! Я дергал дверную ручку, пока не отломал ее. От злости из глаз посыпались черные искры. Все-таки посадила на цепь! Ручку в стену – бам-м-м! – а я к окну. Рывком распахнул ставни, чуть не снеся раму.

Днем и ночью Свет сияет одинаково. Раннее утро выдавал только золотой блеск бусинок росы на траве и цветках тягуры. Где-то за завесой облаков только вставало скромное солнце.

Из окна инкубатория я смотрел пустыми глазами на пустые тропинки. Ни одного красного панциря. Гарнизон больше никого не охранял. Я опоздал. Динь-Динь, где ты теперь?

Искал ли я вообще именно Динь-Динь?

Я вернулся вглубь палаты и осмотрел стены с полом за кроватью и единственной тумбой. Нашлась только горстка

пыли. Нос заскребло изнутри, я чихнул. Снова к окну, закинул ноги одну за другой через подоконник наружу. Босые ступни едва поместились на узкий карниз в стене. От порыва ветра полы длинной больничной рубашки захлопали по бедрам. Внизу, куда ни глянь, поджидало соблазнительно гладкое полотно асфальта. Мои зубы застучали.

Прости меня, сестренка. Прости, если не вернусь к тебе, потому что разбился насмерть со второго этажа.

Хотя Мана посмеялась бы над моими трясущимися коленями, заявила бы, что подо мной как раз вздымается сопка, никакого второго этажа нет, так один с гаком. А я бы ей сказал: Может и один с гаком, да в ее гаке еще столько же. А она бы мне: – Сопли вытри, принцесса. А я бы ей: – Уже, вот как твои кудряшки заблестели. А она бы мне вмазала, а я бы увернулся или нет, но потом тоже ей вмазал бы. А потом мы бы мазали йодом ранки друг друга.

Держась за отлив подоконника, я подобрался к открытому балкону слева. Мои дрожащие ноги сами перелетели через перила.

В балкон утыкался белый коридор. Ананси, видно, очень нравится цвет аксамита их врагов. Может, они и воюют с унголами просто из зависти?

Я побрел вдоль стены, читая таблички на дверях. Попалась еще одна палата, я заглянул внутрь. Пустая комната не отличалась от той, куда меня положили.

Я снова порыскал по углам, не зная что ищу. И нашел.

Под кроватью на стене, черным по белому, выцарапали рядом три рисунка. Фигурка из палочек с крылышками на спине, буква «N» и лампочка, какую часто рисуют над головами мультяшек, когда их осеняет бредовая идея.

Фея. N. Озарение.

Не знал, что Динь-Динь любит ребусы.

Я покинул палату. Складки рубашки шуршали при каждом шаге. Пятки прилипали к холодному полу коридора и отлипали, чавкая. Чав-чав ...Ступеньки лестницы тоже обсосали мои ноги – чав-чав-чав... – и выплюнули их на первый этаж. Ананси-сотрудники инкубатория провожали взглядами мою спину до самого выхода.

На ощупь асфальт был не таким гладким, как обещал его вид сверху. Гнусный шершавый обманщик. Я пошел к общезнанию напрямик по траве.

Пока добрал до квартиры Маны и Дарсиса, я пару раз ловил на себе взгляды смеющихся гешвистеров. Но я решал ребус Динь-Динь, и не обращал ни на кого внимания.

Мана открыла дверь на мой стук и сразу бросилась мне на шею.

– *Виво*, живой!

Я уткнулся лицом в ее кудри, обнял горячее упругое тело. И тут же отстранился, пока завитки Маны не окрасились в черно-алый, а смуглая кожа не превратилась в холодный голубой сапфир.

– Благодаря тебе, – сказал я.

– Нет, – прошептала бразильянка. – Унголы перевязали тебя и не дали потерять много крови.

Девушка схватила меня за рукав и втянула внутрь. В дверном проеме наши лица пронеслись близко, мои ресницы щекотнули ее лоб. Розовые ранки горели на темных пухлых губах, словно Мана их кусала.

– Дарсиса нет.

Квартира не отличалась от нашей с Юлей. Узкий коридор, две комнаты, ванная. В комнате Маны на кровати в складках одеяла, словно буюк в волнах, тонул огромный бидон. Полный ярко-розового клубничного мороженого.

Таковыми же ярко-розовыми пятнами пылали губы Маны. Ага, ранки, блин.

Я заорал:

– Мана! Как это понимать?

Бразильянка растерянно вытерла рот рукавом.

– Я нервничала.

– Выходит, мне даже кусок пиццы нельзя, а сама втихаря ведрами уплетаешь быстрые углеводы?

– Это форс-мажор, – сказала Мана.

– Топишь проблемы в мороженом? – зарычал я.

– Ты – моя проблема! Из-за тебя же все.

Я положил ладонь ей на плечо, заглянул в глаза.

– Да, все могут запутаться. Ничего, я помогу.

Мана развела в стороны руки и потянулась ко мне.

– Правда?

– Конечно, раз я – твоя проблема, то мне и тонуть, – я слегка толкнул ее и кинулся к бидону.

Наклонил голову к студеным рыхлым розовым волнам. В лицо дохнула сладкая прохлада и запах клубники со сливками, запах розовой поры жизни, жарких летних каникул и беззаботных прогулок по лесистому парку с вафельным стаканчиком в одной руке и маленькой ладошкой Лены в другой. Тогда мы еще целые дни напролет катались на аттракционах.

– Наглая рожа, – сзади закричала Мана громко-громко, будто на концерте рок-группы. – Не смей поворачиваться ко мне голой *бундой*, задницей!

Носок ее туфли вонзился мне в зад. Моя голова нырнула в бидон. Липкая и холодная масса хлопнула по лицу. Замороженные сливки забили горло и носоглотку, запузырились из ноздрей. Ротовая полость онемела.

Я шарахнулся прочь от ледяной ловушки. Мне на лицо бросили полотенце, я стал бешено тереться им, согревать щеки и нос, отплеиваться и сморкаться в махровые волокна тающими розовыми комками. Тем, что неприлично показывать на людях. Стылыми соплями со вкусом розовой поры моей жизни. Глядя на меня, Мана хохотала.

Вытершись, я потрогал ушибленный зад. Голый зад, покрытый только белой гусиной кожей. Больничная рубашка держалась на завязке на шее, оставляя тело сзади полностью открытым.

Мана спросила:

– По дороге сюда не поддувало?

– Не смей больше подходить ко мне со спины, – буркнул я, прижимаясь одним голым местом к стене.

– Охотно, – улыбнулась Мана.

– Да-да, рассказывай уже, что произошло в роще взлетников? Почему взбесились бронекрылы? Куда делись унголы после того, как перевязали меня?

– Унголы сбежали, – бронзовые губы Маны дернулись. – Когда я спустилась в овраг и увидела трех чудовищ в зеленом над бездвижным тобой... увидела разбитые в лепешку суставы, белые осколки костей, кровь, красно-белую кашу вместо твоего глаза, я чуть не убила их.

– Ты смогла раскидать унголов?

– Двоих. Третий увернулся от моего кулака и показал мне разорванную пачку с бинтами. Я увидела, что унгол начал перевязку твоей руки, и все поняла. Поняла, что тебе унголы не враги. Я встала на колени и сложила вместе ладони перед грудью, будто взывая к Санта Марии. Настала очередь унгола все понять. Он вернулся к перевязке. Двое других унголов вскочили с земли и держали меня на прицелах ружей все время, пока третий бинтовал тебя и укутывал в свой зеленый плащ. Когда он закончил, все трое рванули дальше по оврагу. Я убедилась, что повязки не протекают, проверила, дышишь ли ты вообще, и полетела за помощью в Центр.

Моя нижняя челюсть отвисла. А Юля упала бы на колени

перед опасными незнакомцами ради меня? Или поспешила бы на работу, не глядя перешагнула мокрый фарш на месте моей руки, нечаянно наступив сапожком на красную лужу и брезгливо оттерев его об траву?

Нет, конечно, нет. Юля не брезгливая. И человеческую кровь можно не заметить на красном аксамите. Пошла бы так, замаранной, зато с частицей меня на подошве.

Я переспросил:

– Полетела?

Мана кивнула.

– Бронекрылы успокоились, как только унголы скрылись. Дарсис объяснил, что всех зверей в питомнике натаскали поднимать тревогу и защищать ананси и людей, если почуют унголов.

Я потер ладонями восстановленные плечи, молочно-белые, словно два худых зайца-беляка, греющихся друг об друга в тесной норе под сугробом.

– С такими защитниками никакие унголы не страшны.

– Бронекрылы просто очень большие и напугались. А мы не привыкли, чтобы они себя так вели.

Хмыкнув, я рассказал о ребусе, выцарапанном в палате инкубатория. Мана задумчиво постучала коротко постриженным ногтем по стенке бидона с мороженым.

– Неужели фея – это Динь-Динь?

– Кто же еще, – сказал я. – А N – Нетландия. Но что такое лампочка? Озарение? Идея?

Мана не знала. Я тоже. Но я знал, кто мог знать.

– Зерель.

– Любимая Динь-Динь?

– Его пара в гешвистере. За семь лет они точно выучили ход мыслей друг друга.

– Как ты своей принцессы?

Я промолчал. Динь-Динь и Зерель жили душа в душу, не то, что мы с Юлей. Своей хозяйке курчавый блондин-француз читал любовные стихи, накрывал ужины при свечах, каждый день сдувал пылинки с ее тонких голубых плеч. Их пикникам-рандеву завидовали все девочки с Земли. Когда настал день X и Динь-Динь увозили на орбиту, из салона отъезжавшей бурой карсы бедный влюбленный кричал, что будет вечно любить свою вечную госпожу. Точнее, то, что Динь-Динь кричал, наши девчонки потом сообща додумали сами: окна карсы были наглухо закрыты, и мы лишь видели вытягивающий длинные гласные широкий рот и пену слюнявых брызг на стекле. Мне лично показалось, что Динь-Динь просил Зерель не забывать кормить их рыбку.

– Зерель в Адастре, – сказал я. – Выясни у Дарсиса, где именно. Но сделай это будто бы из простого девчачьего любопытства.

– Тебя не пустят к ней. А охрану Центра усилили после вылазки унголов. Даже паук-«помет» не спрячется.

– Тогда мы проберемся в город, когда все красные панцири соберутся в одном месте. Вместе с гешвистерами.

– О чем ты? О, нет! Не смей такое предлагать!

– Тебе больно...

– Заткнись! Я не оставлю Дарсиса одного с твоей отморозенной инопланетянкой. Клянусь *эво*, бабушкой. Ясно?

– ...но...

– Не оставлю, не оставлю, не оставлю! Не смей это говорить, иначе я сверну тебе шею!

– ... Динь-Динь может быть сейчас намного больней.

Голова Маны поникла.

– Ты все же сказал.

Я оторвался от стены. Отлепил от серых обоев белую, словно мел, восстановленную задницу.

– Прогуляем унылые танцы.

– Прогульщик, – огрызнулась Мана.

– А ты?

– И я, – Мана чуть не ревела.

Я возликовал.

– Есть чем прикрыться?

Мана распахнула шкаф, из-за его двери в меня полетел зеленый плащ с пятнами засохшей крови на подкладке. Моей засохшей крови. На грубом сукне темнела кривая «О».

На моих плечах ткань повисла двумя мешками, тяжелые полы мели пол, потертый воротник болтался как гавайские бусы, а так, в целом, плащ был как раз. Как раз, чтобы холодной ночью закутаться в него с головой.

Мороженое в бидоне наполовину растаяло. Мана смотре-

ла на него как орангутанг на банан. Я решил, что жизнь дороже возмездия, тихо сказал «чао» и поплелся – чав, чав – домой.

На пороге пустой комнаты Юли меня встретила растерянным взглядом рыбка. Рядом с золотистым хвостом в аквариуме плавали фаршированные омары, хот-доги, треугольники пиццы.

Похоже, Юля начала взрослеть. Впервые моя хозяйка покормила рыбку.

Я почавкал в ванную за резиновыми перчатками.

Глава 11

Я ослабил на шее бабочку-удавку и поспешил за Маной, воздушный фатин ее темно-серого платья колыхался перед глазами. Я поспешил, в то же время держась подальше. Завитые кудри валькирии лучились снопом черных-красных векторов, словно аурой демона. Быстрые всполохи цвета разгорающихся углей пару раз уже ошпарили меня. Чайной ложкой гнева. Черпаком боли. Как будто мне своей мало.

Тропинка вела к дальним западным воротам. Салатовые холмы пылали фиолетовыми свечами-векторами страсти. То тут, то там парочки-гешвистеры, что улизнули с танцев, извивались на траве у кустов тягуры или под сенью раскидистых багряников. Таяли в объятиях полураздетые голубые тела. Прижимаясь к ним, румянились и потели белые, или желтоватые, или бронзово-смуглые, или черные как деготь. В дымном сером свете розовые, лиловые языки мелькали, чтобы прополоскаться в чужом рту. Паутины слюны склеили губы, пухлые от нехватки воздуха. Глаза закрыты. А у кого не закрыты, у тех увлажнились и сверкали, как жемчужины росы.

Поймав взгляд таких вот влажных глаз, я автоматически расстегнул пуговицу на воротнике белой сорочки. Мана шлепнула меня по руке.

– Извращенец.

– Это все губка в голове.

– Губа твоя треснутая, а не губка.

Бразильянка ускорила. Черные босоножки быстро замелькали, бешеный цокот каблуков отдался эхом над холмами и в моих ушах, растревожил нервы. Стало не до чьих-то блестящих глаз.

За час до полуночи мы с Маной тоже сбежали с танцев, до тошноты насмотревшись на Юлю с Дарсисом. Единственная пара из ананси и ананси не танцевала, молча сидела за столиком – словно чета прекрасных полубогов-брюнетов. Прелести Юли плотно стягивало шелковое платье, у горла светло-голубое, как ее кожа, дальше постепенно темнеющее до глубинного индиго на подоле, убийственный наряд, смертоносный бич для глаз девственников, ради которого не одну бессонную ночь я – я! – рыскал по бесконечным полкам гардеробной в луна-парке, а моя хозяйка смотрела только на этого стройного, мужественного, изящного перекрахмаленного говнюка с деревянным лицом. Прибил бы гада... уррр!

Я выдернул черный вектор Маны из пасти жадной губки и отбросил подальше с тропы.

Мы наконец прошли «лежбище тюленей». Холмы вокруг опустели. Я махнул в их сторону. Мана сняла босоножки и пошла вглубь травяного озера. Я остался в черных лакированных туфлях, хоть они и натирали ступни. Только скинул на асфальт дурацкую бабочку и поднял лацканы смокинга, чтобы воротник рубашки не сверкал сзади как мишень.

Сначала мы пробирались вдоль тропы, затем держась дороги для карс. Сейчас где-то полночь, а воздух над травой бледный и туманно прозрачный. Как в хмурый осенний полдень в родном Подмосковье.

Как вчера ночью, когда такой же томительный свет стелился по разбросанной постели Юли. Переливался в разбитом стекле и лиловых каплях на полу.

В эту страшную ночь меня разбудили черно-красные вспышки в глазах. Торжество боли. Я сразу бросился в комнату Юли. Ламинат захрустел под ногами, осколки аквариума сверкнули под моими босыми ступнями. Пятки окрасились в красное. Возле плинтуса тяжело хлопала ртом рыбка.

За перевернутой кроватью ползала Юля, одеяло так скупно прикрывало ее спину и ноги, что в другое время я бы пофилософствовал: Справедливость, ты есть?

Юля стучала зубами и дергала пряди сырых от пота волос. Лиловая кровь темнела на осколках рядом с ее пальцами.

Я не чувствовал стекло в пятках. Мое тело снова стало неважным. Но и губке я не позволил впитать в себя все черно-красные пули. Уже послезавтра нас могут разлучить. Юля должна научиться справляться с истериками сама. Я должен увидеть, что она справится сама. Иначе как же я справлюсь потом со своими истериками?

– Хватит тяги, – рычала Юля. – Меня разрывает! Прекратите!

Я не мог смотреть и не мог отвернуться. Вот он, ад. Рыб-

ка безумно забилась об пол головой и хвостом. Она хотела жить.

Рука Юли поползла в сторону осколка в ее лиловом соке. Голубые пальцы обхватили острые края.

– Хорошо, сделаю. Только выпустите Стаса из карцера.

У меня перехватило дыхание. Ноги застыли на остром стекле. Кто-нибудь, вколите мне сыворотку против столбняка!

Секунду Юля разглядывала сквозь стекло линии на ладони.

– Я готова.

Мокрый хвост рыбки шлепал по полу все медленней и медленней. Рыбка не сдавалась. Она все еще хотела жить.

– Жму рычаг.

Острый осколок и горло Юли потянулись навстречу друг другу. Она хотела умереть.

Я выбил осколок из ее пальцев и сжал в ладонях голубой лоб. Автоматная очередь боли, такой мощной еще не испытывал, всосалась в губку, раздула ее почти на все пространство в моем черепе. Мозги раскатало в лепешку. Я упал без сил рядом с Юлей.

Внутри меня черно-красные пули расплавились и смешались с кровью. Чудовищное желание Юли стало моим. Вены и артерии под кожей накалились как металл на солнце. Как же захотелось их вскрыть! Как же захотелось исчезнуть навсегда! Очиститься через агонию!

Сама собой моя рука потянулась к треугольному осколку на полу. Юля резко сдавила мое запястье.

– Почему? – спросила она, не отпуская.

– Рыбку жалко, – прошептал я.

Юля встала, отбросила стекла подальше. Я не заметил, как она ушла из комнаты. Я не шевелился, тупо сидел, слушая шум воды из ванной и бросая грустные взгляды на такие далекие желанные осколки. Поднял глаза. Юля совала мне под нос стакан с водой. Из него на мир глядела счастливыми выдупленными глазами рыбка. Живая рыбка. Двигала плавниками. Вот он, рай.

По дороге пронеслась бурая карса; они все тут бурые. Я и Мана распластались за ползущим по земле стволом тяжде-рева и не двигались, пока не затих свист скользящих на повороте покрышек.

Только двинулись дальше, как кто-то крикнул сзади:

– Стоять. Вы двое.

Веснушка-Никсия неуклюже ковыляла, спотыкаясь. Высокие каблуки застревали в земле, скользили по камушкам. Узкое желтое платье сдавливало бедра, рыжая махала руками, чтобы не уткнуться в траву курносым носиком. Клоун на ходулях шагает увереннее.

– Отвечайте честно, – сказала Никсия. – Вы что, сбегаете из Центра?

Мы с Маной молчали.

– Жизнь еще не кончена, ребята! – говорила датчанка. –

Не нужно спускаться к реке и топиться!

– Топиться? – переспросил я. – Почему?

– Из-за неразделенной любви, конечно, – рыжая мечтательно погладила голые плечи в веснушках. – Я прокралась за вами, представляла, как вы будете утешать друг друга в объятиях возле тягуры, вытирать слезы поцелуями, и так обретете новую радость. Хотела увидеть союз отвергнутых сердец. А все оказалось намного хуже, – она тыкнула в мою грудь пальцем. – Вы – двое суицидников.

Мана взбесилась.

– *Карамба*, что за бред! Катись отсюда, пока я тебе голову между твоих косолапых коряг не просунула.

Датчанка отшатнулась.

– И покачусь, – Никсия ехидно улыбнулась. – И расскажу о вас Гарнизону.

– Постой, – сказал я. – Где Велора?

Улыбка потухла на красных губах Никсии.

– Простудилась и спит дома.

Значит, никто не удивится, если Никсия тоже исчезнет с танцев. Теперь Мана оскалилась, как волчица.

– Тогда ты идешь с нами.

– Ни за что! – вскричала Никсия. – Мне это не нужно. Велора меня обожает.

– У тебя нет выбора, – сказал я. – Твоему болтливому языку нельзя доверять.

Никсия вдруг заревела. Серые векторы страха поползли

из рыжих кудрей.

– Я не буду тоже топиться. Вы не заставите.

Мана с хрустом размяла пальцы.

– Все же сделаю массаж этой наглой выскочке.

Я предостерегающе поднял ладонь: хватит пугать ее.

– Мы идем в гости к Зерель, – сказал я. – Очень по ней скучаем. Пошли с нами, Веснушка?

Никсия мигом перестала плакать. Просто супермолниеносная смена настроения.

– К Зерель? Хочу! Пойдемте.

Мана все еще скалилась. Обтянутое серебряным шелком мускулистое тело нависло над щуплой Никсией. Ей-богу, серая волчица и цыпленок. Картина маслом.

– Тогда снимай туфли и не смей тормозить, – Мана осмотрела датчанку. – Платье слишком узкое, чтобы быстро идти. Ничего, сейчас поправим.

Мана резко бросилась вперед. Датчанка вскрикнула: «Мамочки!». Смуглые руки смяли и порвали желтый бархат между бедер Никсии до самого низу, разделив перед юбки на две половины. Линия разрыва чуть не дотянулась до трусиков.

Никсия снова заплакала. Мана топнула босой ногой.

– Туфли, живо! Иначе брошу здесь, связав твоим нижним бельем, – Мана прикрыла веки и щелкнула языком о небо, меня аж дрожь продрала. – Вывернутым наизнанку.

Через тридцать секунд уже подбирались к западным во-

ротам. Босая Никсия утирала с глаз слезы и текущую тушь, но послушно брела, трясясь от одного взгляда Маны. В разрыве платья нет-нет да сверкали розовые кружева трусиков.

Нужная нам сопка прилегала к бетонной стене в километре от главных ворот. Здесь в дупле высокого торчатника таились мои залежи веревок, скрученных из простыней и полотенец. В детстве я сбегал из Центра навсегда, сбегал сотню раз точно. И всегда возвращался меньше чем через сутки. С букетиком диких роз для Юли.

Иногда меня сажали в карцер – я считал, потому что на следил или кому-то на глаза попался. Теперь подозреваю, все чихать хотели на мои побег. Просто временами Юля плохо справлялась с разрывной тягой на работе.

Раздобыв из тайника веревки, мы прокрались к зарослям у стены. К узкой мертвой зоне видеокамер.

Красный панцирь сверкал на фоне серого бетона.

Я сказал, что раньше никто здесь не пасся. Пожав плечами, Мана лишь сказала: Унголы.

Мы пошарили туда-сюда вдоль стены. Красные панцири охраняли стену через каждые полкилометра.

– Плотно стоят, – сказала Мана. – Попробуем в другой раз.

Я прикусил губу, глядя на алый цельноаксамитовый шлем солдата между ветвей.

– В другой раз может быть поздно.

– Психанешь – и попадешь только в карцер, – возмутилась Никсия. – Ты что не слышал Мануэлу?

Рыжая посмотрела на Ману снизу-вверх, будто ища похвалы. Я обомлел. У датчанки, похоже, развился Стокгольмский синдром.

Мана молча крутанула головой в ее сторону. Поджилки Никсии сразу затряслись. Линия разрыва на платье разъехалась вверх, показался завернувшийся край трусиков. Лепесток плетеного розового цветка. Из испуганных глаз посыпались серо-розовые векторы. На лице – стыд и ужас.

– Не смотри, – вспыхнула Веснушка, закрывая руками рваное платье. Между тонкими пальцами сверкала белая как мел кожа. И пара медных веснушек. Темнела родинка.

Воздух наполнили векторы цвета розоватого пепла. Я придержал губку. Сжал пальцы вокруг охапки серебристых стержней. Их концы тянулись к моей голове, качаясь, словно головы голодных слепых удавов.

Алый шлем сверкал в просвете между листьями.

Ну, рискнем.

Я бросил стержни в просвет. В голову солдата. Выстрелил блеском фольги, серебра и кораллов.

Векторы воткнулись в небольшой красный гребень на шлеме и мигом всосались в доспех. Солдат вскрикнул и осел на колени.

Дрожащие красные пальцы дернули аксамитовую застежку под забралом. Шлем с лязгом отлетел в стену, следом бахнул по бетону горловой доспех. Солдат погладил мокрые черные волосы, ошалело глядя желтыми глазами на верхуш-

ки деревьев.

– Ну, рискнем, – вдруг рыкнула Мана и рванулась в про-
свет. Бразильянка подскочила к солдату со спины и лупанула
ребрами ладоней по мускулистой синей шее с обеих сторон.
Солдат выключился мгновенно.

Красная гора с мокрой черной шевелюрой рухнула в тра-
ву.

Путь на волю открылся.

Глава 12

Ширма густого леса спрятала нас от фар пронсящих по трассе карс. Мы мчались вдоль обочины, задыхаясь и брызгая слюной, как бешеные псы. Зеленые кроны колыхались над головами. Справа меж толстых стволов с корявыми сучьями темнел асфальт дороги, иногда блестели зеркала и облицовка капотов.

Далеко позади, за бетонным забором, лежал связанный моими простынями солдат. Пока он не очнулся, пока красные панцири не хватились его, нам нужно сбегать к Зерель и вернуться. Иначе – свидание со стариной карцером.

Конечно, с первым же шагом Никсия отстала. Мана толкала ее перед собой, рыча и ругаясь. У меня самого временами кололо в боку, точно аксамитовыми шипами Дарсиса. Неудивительно, что перепуганная датчанка скоро выдохлась. Несколько сот метров мы шли быстрым шагом. Переплетенные ветви качались над головами. Хрустели сучья, когда я отпинаывал их с пути босоногих Маны и Никсии, идущих следом. Вдали безмятежно пели птицы.

Мана поравнялась со мной.

– Не знала, что ты можешь повалить здорового солдата на колени, не касаясь и пальцем.

– Не знал, что ты можешь кого-то ударить ребром ладони по шее.

– Это простой прием.

– Я не о приеме.

Мана пожала плечами.

– Раз я хочу стать щитом Дарсиса, нельзя думать о чем-то ушибленном чайнике.

– Значит, мне точно не грозит быть щитом Дарсиса. Я думаю даже о занозе, покалывающей мизинец в твоей левой ноге.

Мана наклонилась и выдернула между пальцами ноги щепку тоньше волоска. Почти черные глаза округлились.

– Ты такую мелочь ощущаешь...

Вдруг Никсия споткнулась об спрятанный под листьями валежник и чуть не рухнула в кусты. Мана схватила датчанку за плечо, удержав на ногах.

Веснушка вся сжалась, ожидая рыка-упрека или хлесткой оплеухи. Но Мана, быстро глянув на меня, только бросила:

– Осторожнее.

В ответ благодарный и восхищенный взгляд Никсии.

– Спасибо! Ты такая быстрая, Мануэла!

Подлесок поредел, ушел в сторону. Высокие бетонные коробки Адастры пронзили освещенное Светом небо. Гладкие тротуары заскользили под моими разбитыми об твердые корни туфлями. Мы двинулись по пустым чистым улицам, быстро перебегая открытые пространства между указательными столбами и темными подворотнями. В ушах звенело от давящей тишины.

Адастра, столица Анансии, разрослась ненамного больше какого-нибудь Климовска в Подмосковье. Пара десятков высоток с расстеленной у их подножий змеей-магистралью – весь город. Для страны с четырьмястами тысячами жителей – всем народом ананси – целый мегаполис.

Мана повела нас вглубь улиц.

– Дарсис сказал – пятый дом от Центра.

В подъезде пятого бетонного муравейника на стене висел дисплей со списком жителей. Имя Зерель мигало на двадцать пятом этаже. Как удобно!

Скоростной лифт за секунду вознес нас ближе к облакам и разгадке ребуса Динь-Динь. Шеренга одинаковых белых дверей выстроилась перед нами. Мана постучала в десятую.

Дверь распахнулась, из темноты квартиры выглянуло растрепанное синее нечто. Никаких эмоций в пустых усталых глазах, никаких векторов и цветов вокруг грязных жирных волос. Только прозрачная безысходность на изможденном лице. Завоняло бомжами, которые не моются месяцами и спят в обнимку с дворовыми собаками, которые никогда не моются.

– Ах, Боже! – прохрипела Никсия. – Зерелька, милая, что с тобой? Ты болеешь? Как давно ты ела? – ее вздернутый носик наморщился. – Как давно ты мылась?

С трудом в измученном, иссушенном скелете узнавалась та прекрасная девушка, которую Динь-Динь окутывал бурным потоком любви. Будто злая ведьма навела порчу.

Зерель долго смотрела на нас, не узнавая. Затем одна-единственная тусклая искра мелькнула в полумертвых желтых глазах.

– Гешвистерам нельзя быть здесь.

– Мы тоже рады тебя видеть, – хмыкнула Мана.

Зерель отступила в темноту. Мы вошли в небольшую квартиру, полностью заставленную маркерными досками и мониторами. Всюду – цифры и математические формулы.

– А где кровать? – спросила Никсия, оглядываясь. – Где кухня, туалетный столик, зеркало? Черт, где ты хранишь то суперсексуальное белье, которым задаривал тебя Динь-Динь?

Ничего не сказав, Зерель повернулась к исписанной доске и стала переписывать маркером на чистый краешек данные с монитора рядом. Мы исчезли для нее. Растворились в полумраке комнаты.

– Где рыбка Динь-Динь? – сказал я.

Маркер выпал из тонких пальцев Зерель и покатился по голому бетонному полу.

– Ее больше нет, – прошептала худая девушка. – Я забыла ее покормить.

Светло-лиловые векторы сожаления окружили ее свалявшиеся волосы. Наконец-то признак живого существа.

Я поднял маркер с пола и подошел к окну. Распахнул шторы. Столб Света наполовину спрятался за оконной рамой, наполовину засиял на всю высоту окна.

На Зерель осветило серый мешковатый костюм, давно нестиранный, засаленный до жирного блеска. Она так извелась, что даже не хватало сил выделять аксамит?

Черный маркер заскрипел по стеклу. Я нарисовал на окне ребус Динь-Динь.

Человечек с крылышками. N. Лампочка.

– Оправдываться будешь перед Динь-Динь, а не перед нами, – сказал я. – Когда сможешь найти его.

– Динь-Динь? – прошептала Зерель. – Рауль?

– Да, твоя пара. Твой названный брат.

– Твой любимый! – добавила Никсия.

– Рауль на Земле.

– Нет, скорее всего, нет, – я стиснул маркер в кулаке. – Около недели назад в палате инкубатория я нашел на стене эти рисунки. Очень похоже на послание Динь-Динь, не согласна?

– Что ты несешь? – вскрикнула Никсия и повернулась к Мане. – Мануэла, что он несет?

– Слушай, *ступидо*, глупая, – пробурчала бразильянка.

Зерель бросилась к окну, синие худые пальцы коснулись человечка с крыльями.

– Рауль.

– Тоже думаем, человечек с крылышками – сам Динь-Динь, – отозвался я. – «N» – Центр или Адастра. Но что такое лампочка?

Резко ладонь Зерель размазала человечка по стеклу.

– Не знаю, – сказала ананси, стирая черные крылышки. – Ничего. Вам нужно вернуться в Центр.

Я, Мана и Никсия застыли и смотрели, как возлюбленная Динь-Динь превращает его послание в грязные разводы чернил.

Динь-Динь всегда восхищался не только красотой Зерель, но и ее умом.

Однажды француз гордо заявил: Моя Зерель – настоящий ученый, гений не только красоты, но и интеллекта.

Ага, ответил я, покруче Тони Старка.

Не раз и не два Динь-Динь тыкал нам в носы сорванным душистым шаром из цветков тягуры или невесомым волановым камушком и твердил: Моя Зерель создала часть чудес Люмена, не правда ли, она кудесница?

Дамблдор с Гендальфом отдыхают, покорно соглашались мы.

Сотню раз точно Динь-Динь брякал: А из всех девочек-ананси моя Зерель – самая прекрасна...

И тут парни-люди – каждый из которых мнил свою пару самой прекрасной, самой клевой и самой богиней сексуальности – кидались на француза и скручивали его. Джордж, богатый мальчик из Голливода, вопил: Бедняки! Того, кто вырвет длинный язык лягушатника, на Земле ждет новый кадиллак.

Зерель – умная. Она поняла смысл послания Динь-Динь. И не захотела делиться с нами его тайной.

Не захотела спасти своего любимого?

Я оглядел светящиеся мониторы, десятки мониторов. Занавес из экранов с таблицами цифр и цепочками формул длиннее Транссибирской магистрали.

Зерель изучала гравитацию.

Юля пилотировала.

Дарсис служил в Гарнизоне.

Разные обязанности, но один исход в конце – иссушенный вонючий полумертвый скелет?

Никсия схватила маркерную доску на колесах и со всей силы опрокинула ее. Металлический лист звонко запрыгал по бетону.

– Не верю, не верю! – закричала Веснушка. – Зерель, почему ты такая? Динь-Динь оставил послание, а ты его стерла. Ты что его больше не любишь? Неужели твоя подростковая болезнь не прошла в семнадцать лет? – она сморгнула слезы с глаз. – Неужели Велора без меня станет такой же?

– И Дарсис без меня? – прошептала Мана.

Зерель молча стирала руками «N» на окне.

– Вряд ли, – сказал я. – Архонт Гертен не стал. Не стали также красные панцири и другие ученые в Центре. А ведь все ананси проходят программу «гешвистер».

– Но что с Зерель? – спросила Мана.

– Возможно, Динь-Динь – эмпат, как и я. Возможно, именно поэтому у Зерель не прошла депрессия. Если так, у Велоры и Дарсиса в семнадцать лет депрессия пройдет, – у

меня встал ком в горле. – Если так, не излечится только Юля.

Никсия уставилась на меня. Мана подошла ближе, смуглая рука крепко сжала мое плечо.

– Мне жаль.

– Это только возможно.

Пальцы Зерель уже стирали округлую лампочку. В окне вдоль рамы сияла палка Света, подсвечивая стекло между чернильными линиями. Зажигая нарисованную мной лампочку.

Я схватился за голову.

Дурачина.

Я закричал:

– Я знаю, где Динь-Динь!

Зерель бросила стирать рисунок. В глазах Маны и Никсии читался немой вопрос.

– На западе! – сказал я. – Лампочка – никакое не озарение или прочая чепуха. Лампочка – это Свет на востоке. Н – Центр или Адастра, неважно. А фея с крылышками – сам Динь-Динь – в противоположной стороне от Света. На западе! В Западном филиале!

Худая синяя девушка побрела вглубь комнаты между рядами мониторов.

– И правда, – Мана стиснула руками плечи. – Но тогда Динь-Динь – пленник архонта?

Я стиснул зубы.

– Тогда мы все – пленники архонта. И всем нам врут.

Сестренка, прости. Прости за то, что твой брат-дурак верил, что его вернут к тебе через год.

– Я покидаю Центр. Прямо сейчас.

Никсия хмыкнула:

– Ага, конечно. Давно не дарил Юлирель диких роз?

Мана дернулась как ужаленная. Ее рука сдавила мое плечо, ее лицо задышало жаром в сантиметре от моего. Слишком близко.

– Санта Мария, да что опять придумала твоя чокнутая башка?

Сквозь смуглую кожу щек прорезались острые голубые скулы. Почти черные глаза сверкнули убийственно-жгучим золотом.

– Куда же ты уйдешь? Куда же?

Никсия заметила:

– А мне больше интересно, как же?

Я отшатнулся, но Мана держала крепко. Мана с лицом Юли. С апатичным взглядом ее желтых глаз. И правда, как же? Голова закружилась. Твердый бетон растаял под ногами, словно тонкий лед. Я едва не потерял сознание. Покинуть Центр? Покинуть Юлю? Безумие.

Тогда пора обезуметь.

– Унголы, – выдавили мои онемевшие губы. – Пойду к ним. Может, узнаю, как спасти Динь-Динь. Может, узнаю, как вернуться на Землю.

Никсия покачала головой.

– У углов ты только узнаешь, как выглядят твои внутренности.

Пальцы Маны на моей руке напряглись. Золотые глаза Юли на ее лице смотрели на меня, как на предателя.

– Я с тобой.

– Чего? – взвизгнула Никсия.

– Но сначала мы вернемся в Центр за припасами, одеждой, – бразильянка шаркнула босой пяткой по полу. – И обувью.

Моих сил хватило лишь кивнуть. Прости, Юля. Прости за то что так быстро сдался.

Мана выпустила мою руку. На белой как мел коже остались красные отметины.

Дверь заслонила тощая фигура Зерель. В тонких пальцах блестел гладкий серый ствол пистолета. Квадратное дуло смотрело прямо мне в лоб.

– Не получится, – прошептала ананси, качая тяжелой пушкой. – Гешвистерам нельзя покидать Центр

– Боже! – Никсия вскинула руки к лицу, – Зерелька, ты чего?

– Вам нельзя покидать Центр, – повторила изможденная девушка. – Раз Динь-Динь все еще на Люмене, я должна быть послушной.

Не отводя от нас черное дуло грави- или бозпушки, Зерель подошла к ближайшему монитору.

– Нужно сообщить архонту, – пробормотала ананси. – Я

послушная, я не виновата, что вы сбежали из Центра.

Комнату заполнили серые хлопья страха, источаемые в основном аурой Никсии. Сдерживая оголодавшую губку, я медленно вытянул руку.

– Почему ты должна быть послушной? Скажи, Зерель.

Зерель переложила пушку в одну руку.

– Нельзя.

Короткие серые стержни страха сплошь усеяли мою поднятую ладонь. Я не позволил им всосаться под кожу и ужалить меня девчачьим ужасом Никсии.

– Если ты не слушаешься приказов, что тогда, Зерель? – не отставал я. – Тебе или Динь-Динь причинят боль?

На жидких ресницах Зерель вдруг заблестели слезы.

– Его посадят в карцер. Или убьют.

Почти одновременно я, Мана и Никсия вздрогнули.

«Хорошо, сделаю. Только выпустите Стаса из карцера».

– Но если ты нас выдашь, Динь-Динь останется в плену архонта.

Свободной рукой Зерель развернула к себе монитор.

– Все мы пленники, даже архонт.

Худые синие пальцы забегали по сенсорному экрану.

Я велел стержням ужалить Зерель. Словно рой серых пчел воплощенный страх сорвался с моей ладони и всосался в исхудалое тело возлюбленной Динь-Динь. В ее усталое лицо.

Зерель закричала. Из желтых глаз хлынули реки слез, пушка выпала из кулака, колени–палочки подкосились. Ма-

на тут же набросилась на девушку, свалила подножкой на пол.

– Найдите веревки или какие-нибудь тряпки, – велела Мана, заломив локти Зерель за спину. На полу в углу за мониторами нашелся только ворох мятых лифчиков и трусиков. Суперсексуальное белье, подарок Динь-Динь.

Вскоре Зерель, связанная шелковыми трусиками, лежала на животе и плакала. Я вытянул обратно из худой девушки векторы страха. Маленький частокол серых зубочисток покрыл мои плечи.

– Что теперь? – спросила Мана.

– Оставим ее связанной, – сказал я. – Вернемся в Центр, переоденемся, возьмем припасы и убежим. Утром, когда на утренней инъекции нас не найдут, Никсия признается во всем.

– Меня бросят в карцер, – всхлипнула Веснушка.

– Не бросят. Признаешься, что мы угрожали избить тебя и силой потащили к Зерель, – я наклонился к связанной ананси. – Зерель, утром тебя найдут и развяжут.

Ужас вспыхнул в желтых глазах.

– Утром? Нет! Я должна работать всю ночь. Ради Рауля.

– Придется отдохнуть. Извини.

– Прошу! Раньше, когда я не успевала закончить работу, Рауля всегда запирали в карцер. Если я снова не успею, его могут обидеть.

– Значит, Динь-Динь подождет в карцере, пока мы его не

спасем.

Я выпрямился. Передо мной – снова лицо Маны, снова смуглая кожа, снова бразильские глаза цвета чистого антрацита.

– Поторопимся, – сказала Мана. Мы помчались обратно в Центр.

Глава 13

Дождь забарабанил по листьям. Среди холмов Центра пока еще не раздавались короткие армейские команды, не грохотали по мокрому асфальту аксамитовыми сапогами поисковые отряды Гарнизона. Только ледяные струи влажно стучали по рошам и лужайкам. Наш солдат не двигался в зарослях, куда мы его оттащили. Первые капли стекали по его закрытым глазам и плотно сжатым губам. Слава богу, мы успели.

Оставив позади стену, мы поспешили в общежитие. Под навесом крыльца я и Мана помахали Никсии на прощание. Раскинув руки, Веснушка бросилась к бразильянке и плотно прижалась к ее груди, всхлипнув: Береги себя, Мануэла!

Удивленная Мана легонько похлопала датчанку по хрупкой спине.

Утирая слезы, Никсия повернулась ко мне.

– Обязательно попрощайся с Юлирель. Сегодня на танцах «принцесса» вспоминала о тебе.

Кровь загорелась в моих жилах.

– Правда?

– Да, я спросила ее и Дарсиса, почему они не танцуют. Юлирель сказала, что танцует только со Стасом.

Мое сердце подпрыгнуло и крутанулось вокруг своей оси.

– Правда?

– Да, потому что на самом деле Юлирель ни с кем не танцует, а Стас – ничто, пустое место. Поэтому танцевать со Стасом то же самое, что танцевать одной. Так она сказала.

Тут я пожалел, что Зерель не пристрелила меня.

– Черт, ты издеваешься?

– Подожди! Я тоже удивилась и спросила Юлирель: Как же так, ведь Стас твой первый! А Юлирель бросила взгляд на Дарсиса и сказала: Да, мое первое пустое место.

Еще хоть слово от рыжей, я сам брошусь на солдат Гарнизона, и тогда на этой планете на одного эмпата станет меньше.

– Никсия, очень полезная информация. Но нам надо идти.

– Да подожди же! Это не все.

Мана закатила глаза и, махнув мне, скрылась в дверях общежития. А датчанка все загоразивала передо мной дорогу.

– Короче, я возмутилась, типа, неужели ты для нее вообще не важен? А Юлирель в ответ: Пустота важна, звезды рождаются в пустоте.

Смех, горький колючий смех разодрал мне глотку. Я бросаю Юлю одну. Ей будет плохо, болезнь грозит убить ее. И тут я слышу такое.

– Почему, Никсия, почему?

Рыжая девочка надула губы и сверкнула глазами.

– Чтобы ты, подлец, хотя бы попрощался с ней.

Сначала я забежал в столовую. С полок на кухне поки-

дал в пустой мешок из-под картошки консервы, пачки печенья, бутылки с водой. Сквозь стеклянные стены коридоров Свет освещал дорогу назад до двери нашей с Юлей квартиры. Войдя внутрь, я не включил свет, и тихо прокрался в свою комнату.

Под кроватью пылился пустой рюкзак. Вскоре в нем уместились все продукты из мешка, а также изолента, нож, зажигалка, фонарик, тубик антисептика, бинты и зеленый плащ унгола. Я переоделся в плотный спортивный костюм, втиснул ноги в походные ботинки.

Сзади скрипнула дверь комнаты. Юля зашла, дергая ткань вечернего платья на плече.

– Стас, как его снять?

Я застыл с рюкзаком в руках. Юля увидела его и сказала:

– То есть, Стас сбегает.

Мои руки слегка задрожали.

– Потайная молния сбоку под швом, – выдавил я и надел на спину рюкзак. – Помочь?

– Нет, спасибо, – Юля снова завозилась с платьем, ища молнию. – Когда Стас принесет утром букет диких роз, пусть найдет где-нибудь новую вазу.

Я молчал. Юля дергала шов платья.

– Старую я разбила вместе с аквариумом.

Я отвернулся и сказал:

– Корми рыбку каждый день. Только не пиццей. Корм, который она ест, в тумбочке у кровати.

Поверх черных прядей волос Юли засияли бледно-лиловые векторы. Цвет сожаления. Человеческое чувство, неизвестное ананси. Или нет?

– Рядом со мной ты всегда был несчастным, чувствовал себя никем.

– Пустым местом, – прошептал я.

– В пустоте рождаются звёзды, – Юля бросила шов платья и выпрямилась. Любая супермодель позавидовала бы ее осанке. – Многие ананси стремились к пустоте, ушли в нее, пытаясь нас спасти.

– Разве те ананси ушли не в Свет? – краем уха я слышал эти слухи очень давно, но не предавал им значения. Как и всему на Люмене.

– Свет – портал. Мой народ создал Свет, чтобы управлять незримым полем – силой, не дающей Вселенной сжаться. По эту сторону Света нельзя по-настоящему контролировать незримое поле. Поэтому избранные ананси ушли в нулус, безмерное пространство внутри Света. Сотни лет незримое поле ослабевает. Избранные должны были выяснить причину. Но никто из них не вернулся.

– Скорее всего, я тоже не вернусь, – я схватил Юлю за руку. – Пойдем со мной.

Юля высвободилась.

– Не могу. Нужно ведь каждый день кормить рыбку.

– Издеваешься? – закричал я. – Сначала помрешь ты, потом рыбка.

– Мне будут давать больше психомоторных стимуляторов.

– Я видел Зерель! Никакие таблетки ее не спасут. И тебя

тоже.

Юля молчала. Глаза ее потеплели и превратились из холодных золотых монет в две горсти горячего речного песка.

Это было так здорово! Но Юля молчала.

Никуда она не пойдет, осознал я. И чуть не взвыл от обиды.

– Мне пора, – сказал я.

– Подожди, – Юля вдруг выскочила за дверь и через миг вернулась с маленьким серым мешочком. Вышитый головастый осьминог тянул вверх тонкие щупальца.

– *Тако*, – Юля отдала мне талисман, – поможет Стасу вернуться домой к сестре.

Мешочек был туго завязан длинной красной ниткой. Намертво завязан.

– Аксамит?

– Пока узел сам не исчезнет, – сказала Юля, – не открывай омамори.

Я сжал талисман в кулак. Длинные растрепанные концы нитки свисали из моей ладони. Как и шесть лет назад на орбитальной станции.

– Когда мы впервые увиделись, ты дала мне аксамитовую нить. Помнишь? Ты еще говорила что-то, – лицо Юли, ее платье, комната вокруг стали расплываться в моих глазах. – Что? Что ты говорила?

Я попытался сосредоточить взгляд на глазах Юли, но ее лицо окончательно размылось. Словно она упорхнула обратно в свое инопланетное измерение.

Кожи под моими глазами коснулось холодное и мягкое. Такими холодными и мягкими были пальцы Юли шесть лет назад. Ничего не изменилось.

– Не плачь, – сказала Юля, вытирая мои щеки. – Я говорила: Не плачь

Я сморгнул последние слезы и повернулся к двери.

– Мне пора.

Сзади раздалось:

– Хватит тяги!

Я обернулся.

Юля упала на колени, ее нижняя челюсть тряслась, зубы страшно стучали. Я кинулся к ней, но девушка оттолкнула мои руки.

– Я сама, – крикнула она. – Убирайся!

Ее стошнило. Я сдвинул ладонями виски Юли. Она ударила меня кулаком по губам.

– Убирайся! Бросаешь – так бросай! Выжму сама.

Я не слушал. Черно-красные плети градом посыпались из ауры Юли и обожгли губку в голове. А вместе с губкой – всего меня, от пальцев ног до волос на макушке. Снова она, чудесная старая подруга по имени *Боль*.

– Жмись, гребаный акселератор! – выкрикнула Юля и с размаху разбила мне нос. – Выжимайся полностью.

Она колотила меня. Лягалась, молотила кулаками, кусалась. Пару раз я вырубался, но она тут же приводила в сознание, пнув между ног. Этот кошмар тянулся как дополнительный урок математики в земной школе в восемь утра в субботу – *вечность*. И ни на секунду я не прекращал вытягивать из Юли черно-красную змею адской боли. Будто индийский дудочник. В конце концов, из меня, полуживого, истекающего кровью, вырвалось: у...употел что-то. И глаза мои закрылись.

Дальше все было в красном тумане. Помню: прекрасные голубые ладони Юли хлестали меня по щекам, изысканный рот ее раскрывался в крике. Вставай, лентяй! Ты хотел сбежать? Так вставай!

Но я слышал лишь печаль в ее дыхании.

Она попыталась поднять меня. Но пол ускользнул из-под моих ног, как ледовый каток. Не люблю кататься на коньках. Потому что не умею.

Тогда Юля почти взвалила меня на себя и куда-то потащила. Рюкзак колотил по моей спине.

От свежего ночного воздуха после дождя захватило дух, когда Юля почти выкинула меня на крыльцо. По ступенькам мы скатились как резиновые мячики. Мои ноги выбивали пьяную чечетку по тропинке, а Юля скрипя зубами тянула мое избитое тело в сторону противоположную Свету. Мои скулы раскалывались, из разбитого носа кровь стекала

по губам и подбородку на мокрый асфальт. Я увидел покрасневшие воспаленные глаза Юли и попытался сказать: Я не оставлю тебя. Но язык не слушался.

Давай же, язык, скажи: Не-е оста-авлю-ю.

Пф-ф-ф-ф-ф – уперся упрямец.

Два высоких силуэта выросли перед нами: Мана и... Дарсис. По его спокойным надменным глазам и походному зеленому костюму я понял: гад все знал. И про ребусы Динь-Динь. И зачем мы ходили к Зерель. И что собрались сбежать из Центра.

Я попытался посмотреть на Ману с такой обидой, от которой более пробиваемая девушка разревелась бы и убежала в кусты.

– *Meu Deus*, Боже мой! – вскричала бразильянка. – Какой зверь на него напал?

– Я, – ответила Юля. Мана устремила на нее яростный взгляд. Не обращая внимания, Юля опустила меня на траву. – Так вы берете его с собой или нет?

Дарсис наклонился и быстро прощупал пальцами мои ребра и суставы.

– Переломов нет, – синие жесткие пальцы оттянули вверх мое правое веко. – Сотрясение мозга точно.

– Дарсис, пожалуйста! – сказала Мана. – Мы же полетим на бронекрылах. А завтра Стас придет в норму.

Пф-ф-ф-ф! – попытался проорать я все, что думал о походе вместе с Дарсисом.

Дарсис пожал плечами: ладно.

Юля молча отвернулась и пошла обратно по тропинке.

В панике я попытался пустить в ход свои телепатические способности и передать ей мысль: – Идем со мной. Пожалуйста, идем со мной! Но на этой планете я был вовсе не Профессором Икс. Так, чудиком-эмпатом.

Юля больше не повернулась. Дарсис почти без труда взвалил меня на плечо и потащил в сторону блестящего от дождевых капель купола «Диснейленда». А я смотрел на место, где только что стояла Юля, и просил прощения у Лены.

Прости, сестра. Прости своего брата-убийцу.

Глава 14

Холод грыз лицо Лены сквозь влажную соль на щеках. Колочий, ледяной – снег или мелкий град – мел навстречу, забивал ноздри и глотку. Не вздохнуть. Лена выставила вперед руки в протертых дырявых варежках. Голые пальцы окоченели на морозе. Солнце не грело, только растягивалось и дрожало сквозь слезы в полужакрытых глазах. Внутри Лены, наоборот, все горело от голода. словно кубик магги, я растворился в терзающем ее изнутри желудочном соке. В мои виски стучали немые крики сестры – тысячи криков.

Их слышал только я, ее бесполезный брат на другом краю безжалостно-огромного космоса.

Мои глаза открылись. ветвистая крона вздымалась надо мной, в лопатку больно воткнулся сучок торчатника, к стволу которого меня привязали. Солнце пекло мое лицо сквозь тонкую листву, сквозь заливающий глаза пот. Сквозь высохшую соль слез на щеках.

Лена, как долго ты страдаешь?

Я дернулся, тугие веревки впились в руки.

Сестренка, я иду к тебе. Продержись еще немного, солнышко.

– Мана! – закричал я. – развяжи меня!

Тишина. Ширма кустарников впереди мерно качалась под ритмичными порывами ветра.

– Прости, – я оглядывался по сторонам. – Я был не в себе. Справа из-за ряда чахлах деревьев раздалось:

– Ты не должен извиняться, – по резкому голосу Маны я понял, что извиняться придется еще очень долго. – Дарсис сказал, что «сыворотка» затуманила твой мозг.

Солнце жарило нещадно. Я стиснул зубы.

– Не знаю, как допустил все это...

Мана вышла на поляну перед торчатником. Бразильянка смотрела поверх моей головы, избегая встречаться взглядами.

– Прекрати, – рыкнула валькирия так свирепо, что я дернулся головой назад и врезался затылком об твердый ствол. – Ты не понимал, что плел. Как, впрочем, и всегда.

– Как-то быстро мы все проскочили, – пробормотал я, морщась от боли. – Я должен был сказать, что осознаю ошибку. А ты бы все равно дулась и говорила, что я тупая сопливая принцесса. Я в отместку ляпнул бы неприличную правду о твоей одержимости Дарсисом, и несколько дней мы бы вообще не разговаривали.

Мана впилась в меня кровожадным взглядом.

– Дарсис сказал, в военное время союзники должны воздерживаться от поединков между собой. Иначе бы я надрала тебе *бунда*, зад.

– Моя *бунда* вместе с передом к твоим услугам, как только Дарсис отвернется, – в шутку подмигнул я.

Щеки Маны покраснели.

– Ну развяжи же, – взмолился я.

– Дарсис сказал, сам решит, когда развязать. Да и похоже, «сыворотка» пока что не выветрилась из твоих мозгов. Пускай еще покипят на солнце.

Быстро, как пантера, она метнулась за чахлые деревья. Я не успел и слово бросить.

Так и сидел. Сухая потрескавшаяся земля щипала мою *бунду* через спортивные штаны, сверху лилось безжалостное солнце.

В этот дремучий лес нас позавчера примчали бронекрылы. Ультрамариновые звери послушно пересекали границу территории Центра, если ими командовал ананси. Дарсис сразу отправил летунов на север – запутать следы, а мы пешком двинулись на юго-запад. Благодаря прощальным тумам Юли я едва переставлял ноги и все время засыпал на ходу. Вечером между деревьями сгустились сумерки, в дне пути от Центра нисколько не боявшиеся Света. Поэтому вскоре после того, как стемнело, мы устроились на ночлег.

На рассвете я проснулся бодрым и свежим. Ссадины и синяки сковывали движения и зудели, но они не могли остановить меня. Наоборот: придали сил, когда я вспомнил, ЧЬИ руки расквасили мне нос и губы. Уголки глаз тут же защищало. Жаркая слеза скатилась по щеке. Я закинул зеленый плащ-одеяло в рюкзак, и резво пошел на восток.

– Умник, унголы в противоположной стороне, – бросил Дарсис, собирая свой ранец.

Я небрежно махнул рукой.

– У меня дела. Идите одни.

Мои мысли витали вокруг единственной прекрасной, милой и нужной мне девушки. Я огляделся на ходу. Где в этом лесу растут дикие розы?

– Одни? *Ki porra э эсса*, что за бред? – взбеленилась Мана. – Ты же это все задумал. Куда тебя понесло?

Улыбаясь, я пожал плечами. В мыслях я уже телепортировался обратно в Центр, в маленькую светлую ванную. Как хорошо будет снова расчесать волосы хозяйки, почувствовать мягкий запах свежeweымытой голубой кожи, услышать свое имя из ее уст.

«Стасс... Стасс. Какое свистящее имя».

«В честь дедушки. Станислав значит: стать славным».

«Да? Подходящее имя для питомца».

– Стас! – крикнула позади Мана.

– Это не он, – сказал Дарсис. – Из-за того, что Юлирель долго нет рядом, «сыворотка» тянет умника к ней. Останови его.

Мана бросилась ко мне. Я развернулся навстречу и пнул ее в живот. Бразильянка рухнула в траву.

Отвернувшись, я представил, как беру тонкую голубую руку, хотя знал, что никогда не решусь на столь смелый подвиг. Мои щеки вспыхнули. А может, в этот раз все-таки решусь?

Меня ударили сзади под колено. Я тяжело повалился на

землю. Мысли спутались. Знакомая кудрявая тень заслонила солнце.

– Так значит? Я тоже умею пинаться!

Кожаный ботинок Маны вдавился в мой живот. Я согнулся, задыхаясь.

Щелкнула металлическая пружина. С трудом я поднял голову и увидел квадратное дуло гравипушки в руке Дарсиса. Невидимая гигантская ладонь подняла меня в воздух и опустила у худого торчатника.

– Привяжи его к дереву.

Мана отвела мои руки за ствол и связала их вместе. Я охнул: в лопатку больно воткнулся острый сучок.

– Услышать свое имя, – сказал я. – Хочу только услышать, как она произносит мое имя. И сразу вернусь. Обещаю!

Глаза Маны влажно блестели.

– Ты пнул меня.

Горечь. Воздух пропитался ею и стал тяжелым как танк. Я усмехнулся.

– После наших тренировок я думал, тебе нравится жестче.

Мана ударила меня – точнее, попыталась. Ее рука сама упала на полпути к моему разбитому лицу.

– Дарсис...это непр..., – бразильянка стремительно обернулась к ананси и сразу оборвала себя. Дарсис стоял к ней спиной и осматривал ствол гравипушки. Он словно не слышал.

– «Сыворотка» ослабнет только к утру, – Дарсис зашагал к зарослям. – Я подстрелю дичи. Достань пока спальные мешки и разведи костер. Придется потерять еще день.

Густая листва скрыла ананси. Мана принялась собирать хворост.

– Он все слышал, – сказал я. – Знаешь, какой цвет у ревности? Темно-синий, почти черный, с алыми разводами...

– Заткнись!

– Развяжи веревки, Мана, – крикнул я. – И через минуту вы останетесь вдвоем. Милуйтесь, радуйтесь. Попробуйте завести детей. Вряд ли у человека с ананси получится, но вдруг вам понравится пытаться. Чего тебе еще надо?

Мана со всей силы бросила опавшую ветку. Острая палка оцарапала мне щеку, прямо возле губы. Я коснулся пореза кончиком языка, липкая соленая кровь жглась.

– Хватит, Мана, – простонал я. – Хватит, нам довольствоваться их заменами.

Мана дернулась назад, волосы упали на ее лицо и закрыли глаза.

– Какими заменами? – тихо сказала она, хотя точно все поняла.

– Коснись моего лица и увидишь, – я засмеялся. – На тренировках ты ведь специально это вытворяла? Валила меня на землю и чуть не тыкалась носом мне в щеку. Так хотелось охватить раздвинутыми ногами неприступного Дарсиса? – смех мой стал лающим, челюсти защелкали. – Ничего,

я был не против. Ведь я тоже видел над собой вовсе не тебя.

Все еще смеясь, я затрясся как в припадке, веревки остро впивались в запястья при каждом движении. Мана резко шагнула ко мне и села рядом. Уже не Мана. Ее темное лицо вмиг окрасилось в бледно-голубой цвет, радужки глаз засверкали холодным золотом, зрачки вытянулись. Такое чужое, такое свое лицо.

Тонкая голубая рука поднялась и налепила пластырь на мою разодранную щеку. Миг боли и блаженства. Я заплакал. Мелодичный голос, который не мог звучать в этом глухом лесу, пропел:

– Я все еще вижу только тебя.

Горло сжали тиски.

– Только имя, пожалуйста! – попросил я и зарыдал. – Только скажи мое имя!

«Расчеши мне волосы, белесый мальчик»

«Не называй меня так!»

«Тогда питомец?»

«А-а! Замолкни и не трясись головой, а то расчешу твой рот»

Я умолял ее, пока влажная сверкающая тьма не застелила мне глаза. Не спрятала голубое прекрасное лицо, вместе с лицом дерева, солнце, небо.

Глава 15

Когда с десяток раз я взмок-высох-взмок-высох, когда забитые солью поры моей кожи не могли уже источать влагу, Дарсис наконец разрешил развязать меня. Ананси сам протянул мне флягу с водой и тюбик обеззараживающей мази для царапин. Ни дать ни взять чернокудрая версия бога-целителя, красавчика Аполлона. Над потухшим костром коптилась последняя из трех подстреленных Дарсисом птиц – остатки пропущенного мной завтрака. Почти не разжевывая, я проглотил сочное обжигающе горячее мясо. Глаза застелила дымка сладкой неги, мешок желудка обтянул теплый груз. Я захотел засунуть пальцы глубоко себе в рот. Черт побери, так наслаждаться подачками этого садиста! Сдурел?

Солнце почти достигло зенита, когда Дарсис повел нас вглубь леса. До кромешной темноты мы пробирались по лощинам и оврагам, натыкались на мелкие ручьи с каменистыми руслами, которые пересекали босиком вброд. Пока боролись с холодными потоками, гладкая галька на дне скользила под подошвами. Между пальцев ног застревали речные ракушки.

К первой ночи я едва поспевал за ананси и Маной, борясь с усталыми избитыми конечностями. Давно ушел подходящий момент, чтобы упрекать Ману в лишней болтливости и оспаривать главенство Дарсиса. Сам-то я уже немало набол-

тал. Еще и задерживал эту неутомимую парочку.

Дарсис не сверял дорогу ни с устройствами навигации, ни с распечатками карт. Даже на солнце в редких просветах листьев медово-желтые глаза с длинными как гусеницы зрачками почти не поднимал. Просто гнал меня и Ману сквозь те или те дебри, все.

Я врубил кнопку «нитро» и поравнялся с Дарсисом.

Вопросик, командир!

Потом, отмахнувшись ананси, перепрыгивая через груды валяжника.

– Унголы за этим лесом? – напрямик спросил я. Дарсис хмыкнул.

– Нет.

– Что же?

– Роща тяждеревьев, дальше Вихревый лес, за ним степь дикарей ллотов, за ней Седые равнины, – бросил Дарсис. – Вот там унголы, умник.

От такого удара по дых я враз отстал и дальше топал в хвосте.

Спать мы устроились на прогалине в дальнем склоне широкой долины. Дарсис разжег костер газовой горелкой. Над головами сияли звезды, когда-то навсегда покинувшие Адастру. Как и я. Восток больше не звал меня. «Сыворотка» либо ослабла, либо давно вышла вместе с потом. К тому же я понятия не имел, где он, восток.

– Нас не могут вернуть в Центр так же, как меня с Маной

похитили с Земли? – спросил я, закутываясь в зеленый плащ унгола. Лежа в спальнике у костра Мана захихикала.

– Перед тем как сбегать, кому-то не мешало подучить мат-часть.

– Извини, не к кому было обратиться. Я ведь не стоваривался с местным пришельцем скрытно от друзей.

Здоровая коряга вылетела из темноты и хлопнула меня ниже спины. По самой, мать ее, *бунде*.

– Эй, полегче! – вскрикнул я. – Если что, сюда не вызывать неотложку.

– Не волнуйся. Если что, тебе нужно будет сразу в морг, – с акульей сердечностью откликнулась Мана.

Острые черные векторы-колья сплошь утыкали светлое пятнышко земли у костра. Я с головой спрятался от злобы Маны под одеяло.

– Умник, так ты хочешь узнать что-то полезное?

Это Дарсис. Даже сквозь плотную теплую ткань просвечиваются яростные алые всполохи его ревности. Ребята! Если я и *катет* вашего любовного треугольника, то только для того чтобы *укатить* на нем подальше от Гертена.

А ведь и Мане второй день не вкалывают «сыворотку». Этого боится Дарсис? Что Мана сорвет с него погоны *ми амор*? Что чернобрового ананси разжалуют до звания «*ми импарта*» – «мне пофиг»?

Я все же рискнул высунуться наружу.

– Дарсис, Свет не может нас отправить в Центр?

– Умник, перемещать Светом предметы или живые существа возможно, только если известны их точные координаты. К примеру, контроллеры на Земле каждый день отправляют на Люмен координаты новых запасов еды или одежды для гешвистеров. Или игрушек для вашей парковой зоны. Или же новых питомцев Центра.

– Когда меня похитили из земной больницы, – пробормотал я, – не было рядом никаких контроллеров.

– Ты так думаешь, – сказал Дарсис. – Контроллеры – это земляне, которые служат ананси. Взамен мы лечим их родных и близких от смертельных болезней, с которыми люди не знают, как бороться. Продвинутая медицина ананси – последняя надежда для отчаявшихся, готовых на все людей. Вся Земля кишит нашими шпионами.

Я скрипя зубами выдавил:

– Но почему ананси выбрали именно меня? И Ману? И Никсию. И Сильвию. И Динь-Динь. И тысячи других. Дарсис смотрел на спальник Маны.

– У контроллеров на Земле четкие инструкции. В подопечные Центра годятся только дети десяти лет из тяжелой социальной среды со здоровой психикой и с позитивным мышлением.

Я прижал колени к груди. Именно этих качеств не хватает ананси-детям – психического здоровья и позитивных мыслей. Вот архнот Гертен и достал им питомцев – нас, землян! – для подзарядки. А тяжелые социальные условия –

несладкая жизнь Маны в латинском гетто, мой сбежавший отец и моя мертвая мать – просто проверка на вшивость, что живые батарейки выдержат семилетний срок службы на чужой планете.

Ночь наполняли тихие мерные звуки: шелестела листва, плакали цикады. Черные силуэты деревьев вонзались в звездное небо. Я хотел спать. Но не видеть кошмаров с муками Лены я хотел еще больше. Вместо ветра и снега пусть лучше в глаза хлещут искры костра. И я подкинул дров в костер.

Дарсис и Мана спали крепко, их губы источали тихий ровный сап. Когда вдалеке протяжно завыл дьяволк, Дарсис разрыдался. Не открывая глаз, ананси заорал на оранжевые угли, на пляшущие тени деревьев, на падающую звезду с края небосвода. Голубые кулаки забарабанили по черной земле.

Плач ананси рассыпался на цветные пряди боли, злости, страха. Оглушенный, я едва успел огородиться барьером от водопада ярких красок. Такое количество векторов разорвало бы и великана.

Мана спокойно протерла глаза, встала и легла в спальник к Дарсису. Она опутала сплетенными пальцами затылок ананси и потянула его мокрое лицо в себя, вдавила себе в шею. Она зашептала что-то сбоку Дарсису в ухо.

Я не двигался, лишь стискивал зубы. Раза два ее губы точно коснулись складок голубого уха. Раза два она точно поцеловала голубую раковину.

Никогда мы с Юлей так не лежали, не крыли плотно друг друга, будто две механические шестеренки. Будто любовники. Моя сила прогоняла боль из Юли чуть ли не на расстоянии. Но у других землян, не эмпатов, нет выхода, кроме как скармливать паре-пришельцу свое тело. Вымаливать поцелуем спасение.

Дарсис судорожно дернулся и сдавил плечи Маны. Она тихо вскрикнула и продолжила читать мантру, почти неслышную на открытом воздухе. Перед Дарсисом мощное тело валькирии по-прежнему, даже без дурацкой «сыворотки», было беззащитно.

Наконец Дарсис утих и уснул. И Мана осталась в его спальнике до рассвета.

Когда бледный полусвет выхватил ближайшие стройные стволы, двинулись в путь. Дарсис вел нас по холмам и впадинам, пока бурлящий ручей не пересек нам дорогу, и мы не пошли вниз по течению. Мелкие лужи на илистом берегу чавкали под ботинками.

Периодически Дарсис вытягивал из-под рукавов зеленой куртки блестящие красные полосы и обматывал ими руки, ноги, грудь. К утру повязки самоисчезнут.

Чтобы сберечь время на смену одежды, Дарсис щеголял в походном костюме. Но ананси не под силу не выделять аксамит. Вдобавок им требовалось ощущать близость своих отделившихся клеток-однодневок. Такой вот непреодолимый инстинкт у высокоинтеллектуальных пришельцев.

Когда ручей влился в более крупную реку, из ее высоких берегов высунулись краснобрюхие камни. Там, где быстрые воды полностью освободили их из плена глины, невесомые волановые глыбы парили над кипящими потоками.

Перекрикивая шум вод, Дарсис сказал искать нам большой плоский волановый валун. Сразу за рассыпающимся обрывом я нашел подходящий – камень висел в воздухе прямо над водой. Мы по очереди запрыгнули на лопатообразную вершину летающего валуна. Глыба чуть опустилась под нами, и стена берега оказалась напротив наших лиц.

Вцепившись одной рукой в красный выступ камня, Дарсис выстрелил из гравипушки в глиняный склон берега. Коричневые обломки посыпались вниз. Отдача толкнула ананси, мы с Маной схватили его сзади, удерживая на камне. А сам камень поплыл над рекой к зелено-бурой полоске леса на противоположном берегу. Еще через три выстрела гравиволнами мы преодолели реку.

Дарсис отдал гравипушку Мане, поручив ей добывать еду на привалах. Сам ананси достал из ранца за спиной второй пистолет с треугольным дулом – бозпушку – и засунул в освободившуюся кобуру под мышкой.

Мы двинулись прочь от реки, со всех сторон окружила густая чащоба. На привале Мана трясла гравипушкой чуть ли не перед моим и Дарсиса носами, прищуренными глазами высматривая на ветках птиц и летучих белок. Показушница, громко шепнул я. Легкий взмах квадратным стволом – и ме-

ня тут же усадили на сук в трех метрах от земли. Перекусили мы в итоге консервами из моего рюкзака.

Мы спускались по склону крутого холма, когда начали прорисовываться рисунки на коре стволов, прожилки листьев, труха гнилого валежника под ногами. Лес редел. Тогда засвистел гиперпилотник. Мы прыгнули в заросли, под широкие листья папоротников. Флаер сверкнул над нами как сиреневая молния и растворился в лиловой дали.

Дальше двигались, держась деревьев. Но недолго: к вечеру лес расступился. Впереди огромный алый шар над горизонтом заливал багряным смешанные ряды тяждеревьев в объёме десятки метров. Широкие стволы вились по земле и друг по другу, как гигантские змеи.

Дарсис вынул из кобуры бозпушку и огляделся.

– Зачем карабкаться по тяждеревьям, когда там тянется обычный лес? – спросил я, указывая на широкий зеленый массив вдалеке справа. – Просто обогнем эту рощу.

– Ты не знаешь местность, умник, – глаза ананси вдруг затуманились. – Если обогнем, окажемся в другой части Вихревого леса. Нам суждено идти прямо...

– Суждено? – я схватил Дарсиса за куртку. – Что ты несешь?

– Полегче, Стас! – вмешалась Мана. – Дарсис знает, что делает.

– Я тоже хочу кое-что знать, – прорычал я Дарсису. – Например, зачем ты идешь к унголам?

Ананси обернулся ко мне, тонкие черные векторы полезли из голубого лица. Что, желтоглазый, не нравится, когда рабы умничают?

– За тем лесом, – указал ананси на далекий массив. – Проходят маршруты дозорных отрядов Гарнизона. Я сам не раз ездил по ним. Путь через рощу тяждеревьев безопасней. Поумнел, умник?

Я все еще цеплялся за ананси, хоть его бозпушка и смотрела мне на ногу.

– Просвети-ка еще насчет себя. С чего вдруг возжаждал приключений на свою тощую *бунду*?

Дарсис вскинул голову.

– На свою тощую что?

– Я тебя убью! – прошипела Мана. Я невозмутимо дернул куртку Дарсиса: Ну?

– Я иду узнать, не обманывали ли меня архонты, – ответил мрачно Дарсис. – Узнать, вернулась бы Мануэла через год на Землю.

Мана хлестанула меня по руке, и я отпустил ее бывшего хозяина. А Дарсис все говорил:

– Узнать, как архонты хотели наградить меня за службу.

Я глянул на ближайшую грудку тяждеревьев.

– Пушками нельзя раздвинуть?

– Нет, лимит портативного гравиружья – полтонны, – сказал Дарсис. – Каждое тяждерево весит десятки тонн.

– А бозпушка?

– Распыляет только органику. Кора тяждеревьев – это слой тяжелых омертвевших клеток.

Я вздохнул: Всегда все сами.

И мы шагнули в рощу.

После тысяч разных стволов, тонких, как талия балерины, и широких, как горы, ритм моего дыхания сбился. Мои ладони опухли как баклажаны. Мои ступни легко летели выше головы. Колени болтались как на шарнирах. Сердце рвалось из грудной клетки наружу.

Ты раздвигаешь заросли между деревьями, используешь сучья и ветви как ступени, перекатываешься через свалку шершавых стволов и тычешься носом в каменную кору новой преграды. Снова и снова.

Двухтысячная по счету баррикада – и глаза твои уже не различают красок. Небо, стволы, земля вокруг – разных оттенков серого. У всего спектра эмоций сейчас только один серый цвет. Стыдись, кайфуй, страдай, бойся – без разницы. Победит в премьер-лиге любимая хоккейная команда или нет – все одно. Все серое.

Трехтысячный барьер – и ты уже не контролируешь процесс мышления. Беспризорные мысли вытворяют что им вздумается.

Твоя мать давно умерла в больнице. Но ничего, теперь цвет боли – серый.

Твой отец, рэмбо с голливудской улыбкой и квадратным подбородком, давно погиб, сражаясь за Родину, заваленный

сотнями тел мертвых врагов. А сейчас, наверное, сидит в кабаке и пьет пиво. Или ведет на футбол нового сына.

Серый – цвет зависти.

Взобравшись на очередную живую плотину, ты чувствуешь себя покорителем Эвереста. Человеком-пауком на факеле Статуи Свободы.

Но только сползи вниз, ощути прохладную тень новой громадной стены, нового Эвереста – и ты червяк. Жвачка на ботинке. Такова теория антиэволюции. Таково серое разочарование.

Пятитысячная стена – и потные волосы ползущей выше Маны липнут к ее шее и спине, как жидкие водоросли. Соленые капли стекают с взмыленных черных кудряшек и падают прямо тебе на лицо.

Но ты не злишься. И не грустишь. Осталось только серое «пофигу».

На шеститысячном стволе ты застываешь и ищешь ЕЕ. Ты не помнишь кого, но ты ищешь. Но нельзя прийти к тому, от чего бежишь. И ты снова антиэволюционируешь.

Подъем. Спуск. Подъем. Спуск. Груды стволов расступаются. Все трое вы падаете в траву и тяжело дышите.

Наконец одна из вас поднимает голову, оглядывается и говорит:

– Снова лес.

Второй из вас отвечает:

– Вихревой лес.

Третий из вас – это ты, – глядит на темнеющее небо с булавками-огоньками и говорит:

– Лес звезд.

Глава 16

В ушах звенело. Через две трубки в носу воздух поступал тонкими струйками. Крошечными порциями жизни.

Я столько испытала. Горела в термокамерах. Задышалась в барокамерах. Сходила с ума в глухих, отсеченных от мира света и звуков сурдокамерах. Осталось последнее испытание.

Усталость, боль, горечь рассыпались на цвета. Цвета – на слова. Слова – на крупички усталости, боли, горечи...

Глупый, равнодушный человек, ты оставил меня только с одной коробкой рыбьего жира. Где его брать?

Ладони стиснули две одинаковые гладкие ручки. Штурвал?

Больше Юлирель ничего не может сделать для тебя. Только снова терпеть.

Зверские тиски сжали тело. Мышцы, кости, череп, каждую клетку, каждый атом, каждую мысль.

Ты, урод такой. Ты только попробуй не убраться на свою Землю.

Ночь утонула в перегрузках, в трясках. В кошмарах.

Проснулись мы от холода и сырости под корявыми лохматыми пушинниками. За лесом уже светало. Меж стволов блестела черная жижа трясины. Над утренней дымкой исчезли бледные тени звезд. Где-то там сияла умирающая Т Иг-

рил Вериате. Где-то там металась Юля?

Я смотрел в небо и шептал: неужели я по правде Юлю... нет! Все – дурацкая «сыворотка». Ладонь Маны шлепнула меня по затылку.

– Хватит бормотать как старик.

Чтобы не терять времени, костер не разводили. Жевали стылое консервное мясо, параллельно слушая Дарсиса.

– Вихревой лес – самое непредсказуемое место на материке. И одно из самых опасных.

– Из-за болот? – спросил я.

Дарсис бросил пустую консервную банку в трясины между деревьями. Круглая жестянка со звоном покатила по черной жиже, словно по каменному плату.

Я хмыкнул: опять эта ваша гравитация.

– Именно, умник: опасность создает гравитация, не болота. Лес усеян гравитационными вихрями. Мы пойдем сквозь временные петли.

– А нельзя просто сесть на электричку до Седых равнин?

Дарсис проигнорировал мое идеальное в своей простоте предложение:

– Степь ллотов с двух сторон зажата между горными грядами. Вихревой лес полумесяцем огибает ее от отрогов к отрогам. Он – естественная защита унголов и причина, почему враги ананси еще дышат.

Я только губы скривил. Не доходило до меня, как камни-летуны и тяжеловесные деревья годятся на роль суперба-

рьера.

– Гравитационная аномалия на Люмене – не просто парящие скалы и десятитонные деревья, – желтоглазый всезнайка словно читал мысли. – Гравиполя Света искривляют всю пространственно-временную ткань на планете. Тяжелые вещества превращаются в невесомые, текучие – в твердые, – Дарсис кивнул на трясину. – В Вихревом лесе то же самое происходит и со временем.

– Да мы что, в прошлое отправимся? – взбрыкнулся я.

Дарсис поднялся и отряхнул штаны от сора и листьев.

– Наоборот – прошлое придет к нам.

Ботинки глухо стучали по каменной трясине. Жрали кровь комары, летели следом черным шлейфом, мы с Маной активно почесывались, только Дарсис не обращал внимания, кося на плотные заросли прищуренными медовыми глазами. Шли мы осторожно, чуть ли не от дерева к дереву.

В правом ухе чесалось от неудобной затычки – презент Дарсиса. У Маны сквозь смольные кудри белел такой же наушник. Стоило коснуться мочки уха, и женский сексуальный голос переводил только что услышанные слова из языка любого народа Люмена. Гугл-переводчик отдыхает.

Где-то заверещал пискун – осторожная птица вроде сороки. Не оборачиваясь, Дарсис коротко махнул, и я с Маной полезли за нашим великим командиром в заросли. Тихо-тихо прокрались к просвету и залегли в кустах напротив еще

одного природного тракта из черной трясины.

Вдалеке на склоне реяли зеленые плащи. Пятеро высоких унголов быстро поднимались по твердому болоту. Белые аксамитовые повязки сверкали поверх темных походных костюмов в фэшн-стиле Дарсиса.

Унголов возглавляла женщина, толстая коса из желтых обгорелых волос стучала по широкой спине.

– Уходим, – Дарсис отступил в кусты.

– Что? Мы же ищем унголов, – сказал я.

– Эти три года уже не унголы, – Дарсис вытянул очередную красную ленту из-под рукава куртки и обмотал свободное от аксамитовых обмоток бедро.

– Кто же?

– Тени прошлого, – ананси двинулся назад. – Мертвые.

Я смотрел на далекие спины.

– А бегут очень даже живенько.

– Потому что мы попали в петлю времени. Время повернуло вспять или настоящее удвоилось – считай, как хочешь.

– Так они давно умерли?

Но Дарсис уже скрылся за листвой. Я посмотрел на Ману.

– И что ты нашла в таком мрачном типе?

Бразильянка напряглась и оскалилась, как пиранья перед тем, как откусить тебе палец.

– По крайней мере, он не боится меня касаться.

– Щас вырвет, – я отвернулся и побрел на хруст веток под ботинками Дарсиса.

Трясинный тракт завел нас в густые ряды чероки – гигантских деревьев с гладкими стволами и широкими непроницаемыми кронами у самых вершин – и внезапно исчез в темном лесном лабиринте. Под ногами оказался только рыхлый дерн, усыпанный листьями. На мое озадаченное «как так?» Дарсис только пробурчал: Петля.

– Мы заблудились, – скоро признал ананси, глядя вверх. Плотная листва накрывала непроницаемым пологом лабиринт из длиннющих стволов.

– Компас? – спросила Мана.

– Внутри гравивихрей глушатся любые приборы навигации, – Дарсис достал из рюкзака кучу мелких устройств с дисплеями. – Часам тоже нельзя верить.

– Ничего, живот Маны скажет, когда настанет пора обедать, – сказал я и отшатнулся – Мана достала гравипушку и прицелилась в мой лоб.

– Раз такой языкастый, покричишь нам сверху, куда двигаться.

Я зажмурился и приготовился выстрелить ракетой в темно-зеленый свод.

– Не достанет, – сказал Дарсис. – До ближайших ветвей полсотни метров. Гравиружье выше десяти не поднимет.

Мана разочарованно убрала гравипушку в карман куртки. Мы двинулись прямо, чтобы хоть куда-то двигаться. Хоть чем-то отвлечься от возможного страшного исхода.

Шагали мы, шагали в тихой полутьме, и вдруг наткнулись

на самих себя. Второго Дарсиса, вторую Ману, второго меня.

– Санта Мария! – вскричала Мана, протирая ладонями глаза.

– А я думал, что один у мамы такой, – ошарашенно изучал я на лице своего дубликата лиловые фингалы – следы кулаков Юли.

Петля – снова буркнул Дарсис и хотел пройти мимо двойников.

– В ту сторону нет смысла идти, – сказал парень с моими фингалами. – Мы шли туда полдня точно, плюнули и развернулись. Вам и нам следует объединиться и разведать другие стороны.

– М-м-м-м... возможно, – задумался я. – Но с чего вы решили, что бродите дольше нас? Ни у вас, ни у нас часы не работают. Вы легко можете быть нами из прошлого, а не из будущего.

Вторые я и Мана показали красные аксамитовые повязки Дарсиса на предплечьях.

– Мы надели повязки, – сказала дубликат Маны, – чтобы отличать нас прошлых от будущих. Так что вы – сопливее, поэтому не выпендривайтесь!

– Что за *идиота*, дурацкая идея! – взбеленись наша Мана, источая черные векторы злости. – Как повязки доказывают, что вы шли дольше нас?

Две бразильянки закричали друг на друга по-португальски. Хоть бы не подрались!

– Не хотите верить повязкам и черт с вами! – Мой дубликат махнул рукой. – Закройте рты и послушайте огнеупорный аргумент того, что мы старше. Все эти часы мы бродили по лесу голодными, живот Маны рычит громче прайда сердитых львов... Ай-ай-ай!

Мана с повязкой заломила моему двойнику руку за спину. Бедный друг мой «я» обмяк и упал на колени.

– Ну прости, прости! – верещал двойник, дергаясь в крепкой хватке валькирии. Дарсисы – наш и второй, без двух повязок – молча изрыгали сине-алые фонтаны ревности.

– Э-э-э... давайте лучше каждый своей дорогой, – предложил я. Наша троица поспешила вперед.

Спустя сотни шагов высокие чароки по-прежнему окружали нас бесконечными, как телевизионная реклама, колоннадами, не желая расступиться и показать хоть кусочек неба.

– Похоже, здесь длинная лесная полоса, – сказал я. – Поворачиваем назад. Если встретим еще двойников, и правда, лучше вместе прочесывать лес.

– Как мы разберемся, кто прошел дальше, кого слушать? – спросила Мана.

Мой взгляд забегал по стволам и недостижимым высоким ветвям в поисках решения. Дарсис отошел в сторону и вытягивал из рукава очередную аксамитовую «гусеницу». Яркое гладкое волокно переливалось в редком свете.

Я улыбнулся.

– Легко – отныне следуем местной моде на кричащие цве-

та и плохой вкус.

Когда я с Маной обмотали правые руки пестрыми продуктами секрети Дарсиса, бразильянка почти нежно погладила повязку и улыбнулась:

– Хорошая идея.

В эту минуту у нее в животе проснулась нехилая львица. Я изо всех сдержал улыбку. Моя бедная *бунда* не выдержит встречи с еще одной корягой.

На обратном пути мы встретили новых двойников. Эти явно вынырнули из прошлого: на руках вторых меня и Маны еще не краснели повязки.

– Санта Мария! – вскричала Мана без повязки.

– А я думал, что один у мамы такой, – сказал Стас без повязки, уставившись на меня как на зеленого человечка или белого морлока.

Сдержался, все же я старший, объяснил, что прямо идти нет смысла, и предложил двойникам сообща разведать лес.

– М-м-м-м...возможно, – засомневался Стас без повязки. – Но с чего вы решили, что бродите дольше нас? Ни у вас, ни у нас часы не работают. Вы легко можете быть нами из прошлого, а не из будущего.

Мы с Майной одновременно вытянули руки с повязками. Мана детально, со слоновьим терпением все объяснила, но ее двойник вдруг взбесилась:

– Что за *идиота*, дурацкая идея...

Метать громы и молнии наша Мана тоже не стеснялась.

Землю по колено залило черным ливнем злости. Губка в моей голове зашевелилась, опасно зачавкала в предвкушении. Я заставил шеренги черных векторов маршировать подальше в лесок. В это время две валькирии учили нас, как изъясняться с бразильскими сапожниками, если вдруг занесет в Сальвадор.

– *Aos пейксис нао си енцина а надар...* Яйцо курицу не учит...

– *Вай пру инферно...!* Вот и иди сохни в ад! *Vose ам коверраде!* Мокрая курица!

– Не хотите верить повязкам и черт с вами! – прервал я лингвистический ликбез и без задней мысли привел замечательный довод про прайд ручных львов Маны. Не оценила та, от кого не ожидал – наша Мана с повязкой. Еще и набросилась на своего сзади, предательница. Моя правая рука заныла в ее чугунном захвате. Терпел мужественно, пощады не просил. Вот еще!

Когда Мана остыла, двойники пропали. Скорее всего, укатились обратно в прошлое.

А мы поплелись дальше, держа взглядом как ориентир больной чарок со сгнившим стволом. Листва по-вечернему шумела над головами, когда снова наткнулись на двойников – целую группу. Десяток Ман и Дарсисов. Десяток неповторимых меня.

Волосы у нескольких Ман были растрепанными, в лепестках спирей и в листьях, словно дрались.

– Привет, – сказал я. – Мы с повязками, а вы?

Двойники молчали и как назло либо стояли левым боком, либо закрывали друг друга.

– Чего просто стоять? – я пошаркал ботинком по опавшей листве. – Прочешем лес вместе?

– Помолчи, зеленый, – сказал мой двойник в середине группы и поднял руку. Ниже запястья вплотную друг к другу рдели пять повязок. – Мы сейчас решаем и твою проблему.

– Здесь несет стариками, – сказала наша Мана с одной повязкой. – Вообще, Стас, уже вечер, пора надеть еще по повязке.

– Эй! – Мана с двумя красными полосами на темном рукаве выступила из толпы бразильянок. – Две уже заняты.

– Так-то у нас жесткая иерархия, – сказала Мана с тремя повязками. – Кто дольше в лесу – тот главнее. Нельзя ни с того ни с сего обматываться аксамитом.

– *Танто фаиш*, а пофиг, – сказала наша Мана. – Я заслужила, я давно таскаюсь – вон живот урчит как прайд ручных львов.

– Девочки... – сказал я.

– У меня дольше урчит. И громче! – рявкнула Мана с двумя повязками. – Разве может быть несколько нас с одинаковым количеством повязок? Если ты обмотаешься второй, что будет со мной? Исчезну? Фиг!

– Да почему кто-то исчезнет? – сказал я, сам уже не рад своей идее. – Это всего лишь повязки...

– А у тебя почему живот не урчит? – одна из бразильянок поодаль, в тени громадного чарока сощурила взгляд на Мане с пятью повязками.

– Потому что я второй день брожу среди треклятых деревьев, – ответила пятиповязочная Мана. – И уже три раза поела.

– Вот почему мы все еще здесь, – забурчал голос валькирии, скрытой за черными кудрявыми головами. – Потому что кто-то пикники устраивал вместо того, чтобы выбираться.

– Дарсис, дай две повязки, – наша одноповязочная Мана повернулась к ананси. – Пока тратила время, болтая с этими, заслужила места повыше в их *идиота* иерархии.

Треснуло дерево: Мана с тремя повязками сломала ствол ольхового куста. Голыми руками.

– Только через мой труп! – взревела трехповязочная бразильянка.

– Нет, сначала пусть уделает меня, – размяла кулаки двухповязочная.

Одноповязочная ухмыльнулась. *Ком муйту гошту*, с удовольствием, сказала она. Берите номерки и вставайте в очередь.

– Драться с собой? – успел я сказать. – Рехнулась? Все они – ты. Только раньше или позже максимум на день. А кто-то – всего на пару минут.

Одноповязочная только отмахнулась. Толпа Ман забурлила. Вереница валькирий потекла на открытую поляну перед

стеной полуодревесневшей спиреи. Кипящее облако мелких, колючих черных градин – сердце гнев-ливня – окутывало сверкавшие амазонские глаза и лохматые кудри.

Я растерялся и повернулся к Дарсису. Великий командир, ваши идеи?

Но Дарсисов также интересовали только сами Дарсисы. Пришельцы недвижно застыли по двое, вонзив острый взгляд в светло-медовые глаза пары.

– Че это они? – прошептал я.

– Только двойников увидели, сразу встали столбняком, – сказал пятиповязочный я. – Словно поединки самураев: кто первый дернется, тому кранты.

– Бр-р-р... Ладно, Маны и Дарсисы, – повернулся я к толпе своих двойников. – Но мы-то все с котелками. Нужно решать общую проблему.

Никто из моих клонов на меня даже не посмотрел. Из-за того, что повязка одна? Краем глаза заметил, что двойников все прибавляется из лесу, и покрался к дальнему Дарсису – уже неважно, своему или чужому, лишь бы на отшибе ото всех.

– Повязки дай, а? – спокойным тоном, в сторону, будто и не ананси, сказал я. Дарсис не шелохнулся, как и его пара по гляделкам. Что за больное самолюбование? Я рискнул и развязал на локте ананси повязку. Будто с холодного манекена снимал. Затем еще одну, затем еще и еще... Засунул десяток красных тряпок в карманы, одну натянул на руку впритык к

надетой, и насвистывая вернулся к толпе себя.

Двойники собирались в небольшие группы и переговаривались. Я также прибился к одной. Слышал, как в другой группе рядом двойник кричал:

– Ах вы мерзавцы, скоты! – надрывался бедняга. – Надуть самого себя, какая подлость!

Временами я отбегал за лохматый кустарник, чтобы завести новый знак различия из аксамита и подрости в местной иерархической лестнице.

А потом увидел, что за тот же кустарник временами отбегают все из моей группы. И на рукаве каждого после прогулки пестрит новая повязка.

Я заорал:

– Ах вы мерзавцы, скоты! Надуть самого себя, какая подлость!

Все немного пристыдились, даже я сам, решили наконец забить на повязки, и искать как освободиться из древесного плена. Всей группой из шестерых меня побрели проведать стойбище Ман.

У зарослей спиреи вытоптали настоящую первобытную арену. Черные кудрявые головы зрителей заслоняли двух дерущихся Ман. Посреди ринга на ветвях кустарника избивались ветром снятые куртки и красные ленты – награда поединка. Хлопали кулаки об выставленные блоки. Бойцы-Маны словно вытанцовывали быстрые отточенные па. Сверкали белые майки и белесые шрамы на бронзе рук.

Мимо нас промчался мой двойник из чужой группы, прижимая к груди гравипушку и черный шерстяной или волосяной клочок. Следом вылетела одна из бойцов-Ман. Ладонь сжимала кудри над ухом. Блеск молний в глазах обещал убийственную бурю бегуну. А с этими что?

Я подошел к группе зрительниц.

– Одолжите гравипушки, – сказал я. – На пять минут.

– Тут нет времени, – хмыкнула ближайшая бразильянка. – Зачем тебе?

– Хочу достать шишки чарок, – соврал я. – Слышал, вкуснота.

Пообещав поделиться добычей, получил пять гравипушек. Из леса вышла одноповязочная тройка из Маны, Дарсиса и меня.

– Привет, – прицепился одноповязочный олух с моим лицом. – Мы с повязками, а вы?

Я промолчал: вдруг сам отстанет. Но нет:

– Чего просто стоять? Прочешем лес вместе?

– Помолчи, зеленый, – поставил я на место приставучего «духа». – Мы сейчас решаем и твою проблему.

Новоприбывшая и многоповязочные Маны заругались. Под шум свары моя «группа меня» уткнулась в тихое место.

– Дистанция для марш-броска – пятьдесят метров, – командовал один из двойников. – Лимит гравипушки – десять. У нас пять стволов. Сообразили? Ну, полетели.

Мы встали в ряд, повернулись вправо. Каждый, кроме по-

следнего, навел гравипушку на впередистоящего. Одновременно щелкнули пружины пяти спусковых крючков. Я вместе с тремя двойниками впереди взмыл к зеленому пологу. Навел ствол на все еще далекие ветви. Следуя за квадратным дулом, двойники передо мной понеслись дальше вверх. Двое тоже дернули над головой руки с гравипушками. И последний пронзил плечами и головой ширму из листвы. Скрылся в зеленом шелестящем шаре. Только ноги торчали, как у засунутой в печку ведьмы из сказки Гензель и Гретель.

Когда последний крикнул, все мы медленно опустили гравипушки. В подошвы моих ботинок уперся твердый дерн.

Ну? – вся группа бросилась к последнему. Тот вдруг сорвался с места в центр арены. Бойцы-Маны все еще выделяли смертоносный танец. Мой двойник дернул клок волос у ближайшей Маны и понесся спасти свою *бунду* от ошалелой валькирии.

Мы одновременно пожали плечами. Пока нашли другого двойника взамен спятившего, ветвяной свод почти потемнел. День сменялся ночью, но по неведомому графику. Мы повторили операцию.

Следующий последний двойник тоже сбрендил. И поза-следующий. И позапозапозаследкующий...

Наконец последним вспарил я. Тяжелые ветви ударили по лицу и рукам. Красные лучи заката обожгли глаза. Верхушки чарок в серебряных нитях паутины закачались под ногами как огромные холмы.

Я огляделся. Бесконечные небоскребы-деревья бежали от самого высокого древа во все концы света. Кроме направо.

– Направо, – закрепил я, и крикнул вниз: – Спускайте.

На земле пришла мысль: нельзя такой оравой Дарсисов, Ман и меня выходить из Вихревого леса. Целой ордой клонов привалим к унголам? А затем вернемся к Лене? Сестренка, угости-ка братца двумя сотнями чашек чая!

Не говоря ни слова двойникам, я бросился на арену. Маны снова устроили поединок за ленты. Застать сзади врасплох одну из них вышло легко. Вырвать торчащую мокрую кудряшку тоже. А вот убежать не совсем.

Преследуемый объятый черным злобным пламенем валькирией, я сделал крюк к Дарсисам-истуканам. Недолго думая, пнул по *бунде* первого попавшегося ананси. И погнал усталые побитые ноги дальше направо от памятного чарока. А сзади опасно близко били по ушам крики на португальском и языке ананси.

Колени все медленней сгибались и разгибались. Мочевой пузырь кололо сотней игл. Глаза покрыла пленка режущего солью пота. Я рвался из последних резервов истасканного организма. Не соображая, туда ли бегу. Только бы спастись от безжалостной погони. Только бы выжить.

Низкие сучья хлестали по лицу. Зеленый полог над головой исчез. Выглянувшее солнце ударило в глаза.

– Стас, Стас! Остановись!

Только не останавливаться.

– Умник, тормози!

Только бы не попасть под выстрел смертельной бозпушки.

Скрыться от бронебойного смуглого кулака.

Ногу зацепил торчавший корень. Земля хлопнула по лицу, рот забился травой и листьями. Беспощадные глаза Маны оказались рядом. Взглянув в темно-карие зрачки, я увидел свой конец.

Бронзовый кулак навис. Внезапно расслабился и раскрылся.

– Ты нас вывел.

Жесткая ладонь погладила меня по лбу.

– Наш супергерой.

Нахлынула тьма, и позволила отдохнуть от нашей бешеной сказки.

Глава 17

Мы встретили его после привала и сна. Едва взглянув на него, я все понял. Эта скривленная над ослепительно-белыми зубами верхняя губа. Будто сейчас на тебя смачно плюнет. Эта гордая осанка, как у лермонтовской грузинки с кувшином над головой. Эти тонкие черные брови. Этот подбородок, острый, как лезвие сюрикена. Эта прямая черная челка над бледно-голубым лбом. Эти бесящие медово-желтые глаза – сейчас под ними вспухли от усталости темно-синие мешки.

Нет, не сейчас – два с половиной или три года назад.

Мы не выбрались из Вихревого леса. Из вороха петель времени.

Я понял это, когда из-за высокого бурелома навстречу вылетел новый двойник Дарсиса. Худой, узкоплечий, почти на полторы головы ниже нашего «великого командира», парень сразу выставил вперед треугольное дуло бозпушки. Точно нам во лбы.

– Ни с места...

– Миленький какой! – бесстрашная Мана кинулась лицом напрямиком на дуло, на голубой палец на спуске и схватила недоросля-Дарсиса. Он попытался вырваться. Мана перехватила голубые запястья. Поцеловала в черную макушку. – Какой раньше ты был хорошенький, Дарсис! Я и забыла!

Бразильянка прижала младшего Дарсиса к груди, словно мать ребенка. Он рычал, дергался, сверкал глазами. Но худой длинный палец соскользнул со спускового крючка на скобу и назад больше не поднимался.

Лицо нашего «великого командира» потемнело. Дарсис молчал. Меня осенило. Если в детстве он действительно встретил нас троих, то знал о нашем походе все два – три года.

«Ты не знаешь местность, умник... Нам суждено идти прямо...»

Суждено? Еще в роще тяждеревьев Дарсис проболтался, но я списал напыщенную фразу на его говеный надменный характер.

Недоросль-ананси подогнул колени и выскользнул ужом из плотных тисков бразильянки. Отпрыгнув подальше от Маны, школота выдохнул:

– За мной гонятся.

«Великий командир» даже не посмотрел на младшего себя.

– Нас не касается. Идем дальше.

– Ты не понял, – сказал недоросль. – Я предупредил. Через четверть часа Мишаба будет здесь.

– Мишаба? – спросил я. – Это не тот отряд «теней прошлого», который мы видели, когда только вошли в лес?

– Какой отряд, умник? – Дарсис-младший повернулся ко мне.

– Никакой, – буркнул Дарсис-старший. – Убирайся.

– Четверть часа, – повторил двойник и бросился в заросли.

Едва высокие стебли скрыли худую спину, наш Дарсис рыкнул:

– Чего стоите? Не слышали: погоня!

Мы бросились меж кустов. Понеслись по пологим склонам и низинам, Мана впереди сшибала гравиволнами сплошную стену листвы. Я бежал последним, пару раз оборачивался, видел далекий блеск красного аксамита.

– Дарсис-то с нами, – просипел я.

– Не время острить, умник, – сказал ананси передо мной.

– Не ты – который «миленький и хорошенький».

Дарсис оглянулся назад. Скрипнул идеально-ровными зубами.

– Он хочет навести погоню на наш след. А сам сбежать.

– Откуда ты знаешь? – спросил я и вдруг допер. – Ну и козел же ты...был.

Вскоре позади в листве засверкало белое.

– Аксамит унголов? – выдохнул я. Дарсис ответил невнятно. Я заставил его повторить.

– Или их топоры.

Защелкали стволы справа – отколотые щепы полетели нам в лица. Мана ругнулась.

– Или их ружья.

Я помолчал.

– Слушай, Дарсис, ты случайно, не помнишь: *суждено* нам выжить?

Ананси только взглядом обжег.

Низину впереди стелила утренняя дымка. Мы нырнули в тонкий туман, надеясь скрыться в полупрозрачном облаке. А трещавшая от пуль листва над головой будто говорила: не-а, все равно достану.

Бурый бурелом из раскромсанных стволов закрыл нас от салок со смертью. На время. Сбросив со спин рюкзаки, мы упали в траву, спрятали головы за покрытой мхом древесинной.

Сразу за буреломом полукольцом тянулся глубокий овраг. Дарсис пополз вниз.

– Сидите здесь, – приказал ананси. – Выскочу на них с другой стороны и поведу мимо бурелома. Понятно?

– Нет, – сказала Мана. – А мы?

– А вы бейте по их спинам гравиволнами. – сказал Дарсис. – Точно по черепам. Понятно?

Меня передернуло, а Мана оскалилась как голодная пантера.

– Веди их.

Я и не заметил, когда Дарсис исчез: будто ананси съели широколистные гиганты-папоротники на дне оврага. Я и Мана сели и вслушивались в шум леса. Пули застрекотали где-то далеко. Очень далеко.

– Провел! – зашипела Мана. – Он нас провел! Решил сам!

Бразильянка вскочила.

– А вдруг нет? – я до рези в глазах вглядывался в хвойные лапы вдалеке в дымке: дрогни же хоть одна! – Если бросимся за ним, то план точно к чертям. Жизни наши к чертям! И Дарсиса тоже...

– Держи, – Мана бросила мне гравипушку и в один прыжок сиганула через весь бурелом.

Я взревел: Черт!

Мне-то что делать? Бежать за ней? Остаться на позиции?

Если останусь и Дарсис на самом деле вздумал сыграть в героя – могу потерять их обоих. Могу потерять Ману.

Но если все идет по плану, а я уйду – точно все поправим.

Я заткнул гравипушку за пояс и сдвинул обеими руками виски. Закрыв глаза. Выпустил губку на свободу. Давай, милая, не сдерживайся. Весь лес – твои уголья. Разведай их.

От меня на север мчался кипящий пучок черных, красных, черно-красных векторов. Это точно Мана.

Дальше пять пучков почти прозрачных векторов неслись за пучком бледно-лиловых векторов. Что? Бледно-лиловых? Дарсис сожалеет, страдает? Кому? Унголам, которые его сейчас изрешетят?

Еще один бледный пучок шатался вдали от всех. А это, видно, мелкий паршивец Дарсис-младший.

Я втянул губку обратно в ограду черепной коробки и бросился по следам Маны. Дарсис все же сыграл в героя. Повел

унголов прочь от нас. Желтоглазый дурак.

Краем внутреннего глаза я следил за векторами. Пять прозрачных пучков порозовели. Один вдруг вспыхнул черно-алым костром и исчез – Дарсис достал-таки одного? Остальные рассредоточились, обтянули полукругом бледно-лиловый пучок. Унголы погнали Дарсиса по лесу с бешеной скоростью. Прямо мне навстречу.

Из-за дерева выскочил огромный унгол в зеленом плаще. Топор гиганта рассек воздух над моей головой. Я тут же отпрыгнул в сторону от сверкающей дуги, кувыркнулся вправо, не забыв зацепить великана подножкой. Земля под моей спиной сотряслась, будто я повалил дерево.

Мне в щиколотку вцепилась железная клешня – рука унгола. Стоя на четвереньках, великан потянул меня в тиски. Другая его рука скребла пальцами дерн, пытаясь зацепить длинную рукоятку отлетевшего топора.

Свободной ногой я обвил слоновью шею унгола, сжал бедром здоровую глотку. Великан захрипел. В желтых глазах загорелись угольки ярости, но ее не хватало, чтобы соткать осязаемое черное копьё. Обычно чувства ананси и унголов вне их аур меркли и рассыпались, как вынутый из костра хворост. Слишком слабые. В оружие годились только эмоции людей. Ману бы сюда.

Унгол врезал сверху. Отбив свинцовый кулак, я едва не сломал себе руку. На предплечье сразу рухнул еще один громовой раскат. И еще. И еще. Пять камнедробильных ударов.

После последнего я быстро развел ладони. Хлопнул великана по желтым ушам.

Унгол всхрипел, сильная шея вздулась. Моя нога онемела, пытаюсь ее сдвинуть. Уши унгола опухли. Я снова хлопнул по ним. И снова. И снова. Пять хлестких затрещин. Великан бухнулся носом в траву.

Я вытащил ногу из-под неподъемной туши и увидел Дарсиса-младшего. Ананси навел гравипушку на нокаутированного унгола.

– Зачем его поднимать? – спросил я и увидел, что дуло не квадратное – треугольное. Ананси нажал на спуск. Вмиг унгол рассыпался, растаял, исчез. На траве осталась только круглая лужа. Грязная, светло-бурая лужа. К корявым сушням поднимался горячий пар с запахом жженого сахара.

Я прошептал:

– Зачем ты убил его?

– Декрет Совета архонтов номер сто семьдесят четыре, – сказал Дарсис-младший. – Каждый унгол умрет.

Я не отрывал взгляда от лужи и не заметил, как ананси ушел. В реальность меня вернул треск пуль, приглушенный лесом. Дарсис, Мана все еще играют в салки со смертью. Я кинулся на звуки.

Только полез на крутой бугор – и сразу прижался к земле. Над головой пролетел перевернутый вверх ногами унгол. Светлая курчавая борода лизнула мои волосы. Я вздрогнул. Холод ошпарил от макушки до шеи.

Унгола бросило в шеренгу хвойного подроста. Треснули сучья, с криком взметнулась птица. Запутанный в зеленом плаще тяжеловес сполз по гладким стволам в траву и оттуда не поднимался.

На вершине бугра Мана целила в меня гравипушкой.

– Где тебя носит? – бросила бразильянка, отворачиваясь. – Бежим скорее.

Мы ринулись сквозь густую чащу. Сквозь многослойную ширму леса просвечивались векторные пучки – два алых и один лиловый.

– Где взяла гравипушку? – спросил я.

– Маленький Дарсис дал, – выдохнула Мана. – Сказал, что я не погибну. Иначе большой Дарсис ни за что не привел бы меня сюда.

– Значит, погибли унголы, – сказал я. Перед глазами всплыла грязная лужа.

У границы чащи приникли к деревьям. Впереди за небольшой прогалиной двое унголов бомбили из огромных ружей по стене зарослей. Женщина с косой целилась и стреляла первой. Следом грохотало ружье второго преследователя.

Между выстрелами тихо шелкнуло – и голова унгола-мужчины испарилась. Только тонкая струйка дыма потекла вверх. Запахло жженым сахаром.

Снова шелкнуло. Правая рука женщины исчезла. Тяжелое ружье рухнуло в траву. Крича, женщина упала поверх него.

Из расстрелянных кустов вышел Дарсис-старший. Серьезный, спокойный, без единой царапины. В голубой руке серел треугольный ствол.

– Дарсис! – Мана бросилась через прогалину к ананси. Он отвернулся.

– Тебе нельзя было видеть, как я убиваю.

– Как же, как же? – Мана взяла его руку с бозпушкой, погладила. – Я же – твой щит, забыл?

– Но я...

Мана потянулась и поцеловала голубую щеку. Дарсис ответил ей бесконечным взглядом. Она приняла его. Так они и стояли, глядя друг другу в душу. В это время душа раненой женщины покидала ее вместе с прозрачным паром, вытекавшим из обрубка руки. Мана и Дарсис смотрели друг на друга. А я смотрел на безголовое тело у их ботинок.

– Хшшшрш пш, – прошипела женщина. Мягкий голос в моем наушнике перевел: «Ты будто старше».

Кровь брызнула и бледно-желтых губ со словами:

– Тмршр? Му х тмршр?

«Петля? Мы в петеле?»

Дарсис ответил на унгольском.

«Да, Мишаба, – пропел сахарный голосок в моей голове. – Ты умерла на этой прогалине три года назад».

Женщина вскинула голову.

«Три года? Нет, врешь, убийца»

«Через полторы минуты» – Дарсис посмотрел в кусты за

прогалиной. – Нет, через семьдесят пять секунд ты увидишь: я не вру».

Слезы потекли из бледно-желтых, почти белых глаз унголы.

«А ты выживешь? Снова? Ты убил моего отца. Ты убил мою мать. Сестры, братик – всех ты убил. Убил мой город. Теперь убьешь и меня?»

Целая рука Мишабы вытянула из-под полы плаща небольшой топор. Лезвие сверкнуло в лесной тени.

Дарсис и Мана отступили на шаг.

Рыча, Мишаба дернулась и встала на колени. Кровь текла из ее рта, смешивалась с грязью и слезами на шее.

«Ну давай же, Красный убийца сотен! Давай же, ублюдок, прикончи меня!»

Мишаба прыгнула прямо с земли. Сильные ноги ее выстрелили пружинами. Плащ раскрылся, словно крылья бронекрыла. Коса вспыхнула на солнце.

Дарсис не шелохнулся. Дуло бозпушки смотрело в траву под его ногами. Мана рванулась навстречу Мишабе. Бронзовые руки пронзили крылья плаща, дернулись к глотке мстительницы.

И схватили только воздух. Топорик воткнулся в дерн. Ключья плаща упали в светло-бурую лужу. От тошнотворно-сладкого сахарного запаха заслезилось в глазах.

Дарсис-младший опустил треугольный ствол.

– Почему не стрелял? – спросил он взрослого себя.

Бозпушка Дарсиса-старшего по-прежнему была опущена. Мана подняла топорик с земли и растерянно огляделась. Я не мог оторвать глаз от лужи. От жидкого трупa Мишабы.

– Не было нужды. Я помнил, как убил ее, – сказал Дарсис-старший. – Как ты убил ее.

– Звучит как отговорка. Глупо надеяться на обстоятельства, когда решение проблемы – в твоих руках, – возразил Дарсис-младший, кивнув на оружие. – Почему не стрелял?

Рука Дарсиса-старшего с бозпушкой вдруг поднялась и нацелилась на Дарсиса-младшего.

– Еще не поздно исправить.

– Дарсис! – вскричала Мана.

Длинный палец задрожал на спуске. Дарсис-младший хмыкнул.

– Не могу поверить, что через три года стану таким слабаком.

– Просто тебе еще не снятся кошмары, – Дарсис-старший сощурил глаза. – Убирайся.

– Пожалуйста, Дарсис, не убивай его! – заплакала Мана. – Его ведь дома тоже жду я, другая я. Маленькая, глупенькая, помнишь?

Дарсис-старший вздрогнул. Рука с бозпушкой опустилась медленно-медленно, будто металлический кран с грузом. Младший Дарсис еще раз хмыкнул.

Я не выдержал.

– Еще раз так сделаешь, и взмылю твою цветастую шею.

– Чего такие все нервные? – поднял бровь мелкий паршивец. – Мишабе суждено было умереть в этой петле.

– А в какой петле мне суждено надрать твою *бунду*? – зарычал я. – Уважай мертвых, сопляк.

Мелкий головорез молча нацелил на меня бозпушку, и его голубой палец на спуске не дрожал. Мана сказала:

– Убирайся, – бразильянка протянула Дарсису-младшему его гравипушку. – Пожалуйста.

Сопляк поджал губы, затем схватил оружие и бросился в заросли.

Когда мы покинули окраину чащи, грязная лужа возле обезглавленного тела все так же источала запах жженого сахара.

Глава 18

Еще совсем недавно, в век беззаботного рабства, я наполнял ванну для Юли. Только повернул краны, как она оперлась рукой о мою согнутую спину и плюхнулась в воду. Моя рубашка намочла от теплых брызг.

– Горячее, Стас. Еще горячее.

Она села, прижав голые колени к голой груди. Вода едва достала ей по щиколотки. Я схватил с полки пластиковый флакон и вылил вниз. Весь без остатка. Над водной поверхностью вмиг распухло мегапушистое одеяло белой пены и полезло через края ванны. В мыльной лавине Юля исчезла до самых глаз, как захлопывается при падении книжка с яркими иллюстрациями.

– Пф-ф, – Юля мотнула головой, сплюнула мыло. – Зачем это?

– Какая же ванна без пены? – я постучал ладонью по дну флакона, вытряхивая остатки на все еще видимые участки горячей и мокрой кожи. – Расслабиться не выйдет.

– Она щекочет, – Юля потянулась рукой между коленей. Прежде чем голубые пальцы воткнулись в белые пористые холмы и соскребли их, я рванулся и всунул Юле в руку желтого утенка.

Кря-я-я! – пискнула резиновая игрушка. Юля молча ткнула ею мне в нос.

– Утка – чтобы ты не скучала.

Я отодвинулся и закинул в ванну еще ворох резиновых игрушек – туда, где подтаяла пена на бедрах Юли.

– А эти?

– А эти – чтобы не скучала утка.

Рука Юли сжимала и разжимала утку – кря-кря-кря.

– Похоже, ей весело, – Юля пододвинулась к шумящей струе из крана. – Хочу горячую.

Ее мокрая спина, у самой талии лишь слегка обернутая пеной, наклонилась передо мной.

– Замри!

Я горстями перекинул плавающую без дела пену Юле на плечи и ниже.

– Оп-п. А то не расслабишься.

Потом я зажег ароматическую свечу. Потом выключил свет – полумрак скрыл то, что оставила пена. Только желтые глаза отсвечивали крошечное пламя.

Всего только мое мнение, – сказала Юля, – но мне казалось, принять ванну – значит просто смыть грязь, в смысле ничего особенного.

Юля повернула кран горячей воды. От повалившего пара защипало в глазах.

Всего только мое наблюдение, но как только мне стукнуло тринадцать, я не мог ни просто смыть грязь с Юли, ни просто одеть, ни просто поднять ее с кровати. Для меня стало просто находиться с ней рядом ни черта не просто. Как тут

расслабишься? Разве что только с помощью тяжелых наркотиков. А где их взять?

Я сказал:

– Это показывает только, что тебя совсем запахали на том флаере. Чтобы хорошо работать, надо правильно отдыхать. Это как религиозный обряд. Неправильно Богу помолишься – и жди Великий потоп. Принимать ванну с пеной и желтой уткой – священно.

Юля только утку пожимала: кря-кря. Все ананси были атеистами и не заморачивались религиями с молитвами.

– Как мыться, если ничего не видно?

– Я знал, что так будет! Вечно придираешься ко всему, что я делаю для тебя. Нельзя хоть раз сказать «спасибо»? Хоть раз!

Тут губку в черепе зашипало, я ощутил жар в теле Юли. Жар распахнутой духовки. Жар свеженакатанного асфальта.

Я бросился нащупывать кран. Струя кипятка ошпарила руку.

– Твою мать! – зудящими пальцами закрыл винт горячей воды. Дернул винт холодной. – Вставай, ты, дура глупая! Сваришься, бестолковая!

– Ничего, в термокамере жарче.

Замахал руками. Схватить за уши, волосы, выдернуть из кипящего котла – но нет, не цеплялась мокрая прядь, не попадалась распаренная кожа. Только булькало в темноте рядом. Уворачивалась что ли?

Ткнуло в руку что-то скользкое, гладкое, словно резина или пластик. Я сжал пальцы, рванул на себя.

Кря-я-я!

Отбросив чертову утку, врубил свет. Голова Юли торчала над дымящей пеной в стороне, где раньше лежали ее ноги. Ее волосы и пот скапливались в ложбинках над ключицами. Юля откинулась назад, закрыв глаза.

Я потянулся к ней.

– Не надо, – она приоткрыла один глаз, прищурилась на мою покрасневшую руку. – Иначе нырну.

– Сдурела?

– Если рыцарь неправильно спасет принцессу, не рискнет своей жизнью, то не женится на ней, – сказала она. – Это как религиозный обряд.

– Принцессу?

– Так же ты с Мануэлой и другими землянами называете меня? Принцесса-инопланетянка? Тогда ты, значит – мой рыцарь, который вызволит ее высочество из морской пучины.

Мой глаз задергался. Зря я приносил домой книжки из библиотеки «Диснейленда». Особенно фэнтези-сказки.

– Это дурацкий стереотип. Дай вытащу тебя.

А Юля бросила:

– Попробуй.

И нырнула под хлопья пены. Я кинулся за ней, руки сразу обварились. Задушил плач и вопли. И дернул Юлю. Дернул

Юлю. Ква-а-а! – не Юлю – драную резиновую лягушку.

Я упал на колени перед ванной и схватил под водой что-то длинное и мягкое. Точно Юля. Она отбила мои ладони.

«Если рыцарь... не рискнет своей жизнью...».

Ах, драмы захотела? Обоим свариться у себя в ванне, как последние кретины?

Я перепрыгнул через белый акриловый борт. Накинулся на Юлю, сдавил ее мокрые, горячие голубые бедра и грудь – чтобы не выскользнула как селедка. На всякий завернул ей правую руку за спину. Перевалился вместе с ней обратно через борт.

Шероховатый кафель пола ударил меня по зубам. Хрипя в узор на голубой плитке, я судорожно затрясся. Кожа горела, будто в нее вкололи криптонитовый раствор.

– Я тебя сделал... – хрипел. – Сучка, я тебя спас и сделал...

Юля, вся в лиловых ожогах, поднялась к крану. В уши ударил шум льющейся воды. Ох, только не снова.

Юля схватила меня за шиворот мокрой рубашки и перекинула в ванну. Ледяная струя ударила в глаза, свежесть растеклась по лицу, заскользила дальше вдоль шеи.

Я развалился по всей длине ванны, пыхтя. Мягкие потоки ласкали горевшее тело. Сил не было втащить Юлю сюда, ко мне, в холодно-пенистый рай. Она сидела на борту и смотрела вниз. Лиловые волдыри распухали и кровоточили по всей ее коже.

– Никакой ты не мой рыцарь, всего лишь питомец, – сказала моя хозяйка. – Слабый, беспомощный человек. Запомни. И вспомни, прежде чем снова ринешься меня спасать. Иначе только умрешь.

Она перекинула через борт левую ногу, кровоточащие пальцы коснулись воды. Качнулись. По ровной глади разбежались круги, пена попала мне в рот. Я закашлялся.

– Не строй из себя героя, глупый человек. Никогда. Веселись как другие земляне. Катайся на аттракционах, развлекайся с женскими особями своего вида – мне все равно. Ясно?

Тогда, сплевывая мыло, я не думал, что, возможно, Юле уже сообщили: она улетит на орбиту до того, как пройдет ее гормональная дисфункция. Не думал, что, возможно, Юля пыталась садистко-мазахистским уроком убережет меня от своего отца.

В конце концов, я все равно выбрал слинять от нее.

Юля велела фабрикоиду вызвать санитаров. Вскоре нас укатали на тележках в инкубаторий. К следующему дню от ожогов не осталось даже отметин на коже. Только воспоминание.

Сук трещал под рукой, я висел на нем, оглушенный рвущим барабанные перепонки лаем. Висел, болтал ботинками в воздухе – в метре от пасти дьяволка. Зверь ревел, вставал на задние лапы. Когти передних лап сдирали кору с подно-

жия ствола. Между клыками-кинжалами стекали ручьи салатových слюней.

Век беззаботного рабства... блин, не такой уж ты был паршивый.

Мана и Дарсис сидели на ветвях выше. Мана схватила меня за руку и втянула к себе в густую листву. Ветка на нижнем суче зацепила шнурок на моем правом ботинке. Затрещала согнутая древесина. Шнурок натянулся и лопнул – и сук тоже.

Я прижал пальцы ноги к голени, чтобы не слетел ботинок. Пропала обувь в диких землях – пропал сам.

Дьяволк поймал упавший сук в зубы и раскрошил его тремя прикусами. Глаза зверя отсвечивали алым в тени костяных рогов.

Погиб отряд Мишабы, и солнце еще три раза пронеслось над Вихревым лесом до того, как мы выбрались к бескрайним плоскогорьям лотов. Почва стала глинистой и такой мягкой, что продавливалась под подошвой. Высокие травы щекотали подмышки. Жаркий сухой ветер доносил жужжание шмелей.

Когда удавалось, мы двигались под сенью редких лесных полос – низкорослые деревья росли в долинах у полувывсохших ручьев. На опушке такой полосы я и увидел дьяволка.

Выше мула, крупнее любого пса, любого волка, любого льва, рыжий зверь несся на нас сквозь рассветные сумерки. Клубы пыли, выбитые из-под лап, стелились за лохматой

спиной дымчатыми крыльями размахом с саму степь. Словно вилы, три прямых рога торчали изо лба.

– Что за?.. – я обернулся к Дарсису и Мане. В густой траве валялись брошенные рюкзаки. Поискал взглядом, прежде чем увидел, как моя парочка лихо карабкается на дерево. Мана махнула мне рукой. М-да. Вот тебе и Красный убийца сотен, и бесстрашная валькирия.

На верхушке дерева я подогнул под себя ногу с болтающимся ботинком. Дарсис вынул из кобуры бозпушку.

– Не надо, – сказал я. Ананси навел оружие на рычащего зверя. Я ударил ладонью по треугольному дулу.

Дарсис скривил губы.

– Знай место, умник.

– Хватит с меня грязных луж!

– Согласен, – ствол слегка дернулся, будто само по себе, но теперь черное бездонное дуло целилось в мои руки, стиснувшие ветви. – Чего тебе не хватает – так тесно пообщаться с псиной внизу. Устроить свидание?

Я вздрогнул больше от удивления: Дарсис впервые пошутил на моей памяти. Он ведь пошутил?

– Минуту, – я глянул на Ману. – Дайте одну минуту.

Мана сжала плечо ананси и тихо сказала: «Дарсис». Тот хмыкнул, но смертопушку опустил.

Я плотно прижался к стволу, в коре отдавался стук моего колотящегося сердца. Пульс, наверное, зашкаливал за сотню. Серые хлопья страха стекали из пор моей кожи, медлен-

но спускались на траву и холку зверя. Сейчас он, мой страх, – моя двустволка. Моя страхпушка.

Взмахнул рукой, запустил серую переливающуюся пулю прямо в разинутую пасть зверя.

Дьяволк заскулил и понесся прочь из-под тени рощи. Солнечный свет заиграл на рыжей шкуре.

Мы спустились с дерева. Дарсис не убирал бозпушку, стоял и глядел на удирающего монстра.

– Умник, – процедил он сквозь зубы. – На сколько лиг хватит твоей трусости?

Мои поджилки все еще тряслись, и я сказал:

– До самой Адастры.

Бразильянка делала вид, что разглядывает рыжую точку среди высохших трав.

– Это был наш секрет, – только сказал я. Глаза защипало. – Твой и мой.

Щеки Маны побагровели. Ее защитная реакция – всегда орать. И она заорала:

– Сам-то! Разве не рассказал Юле?

Я был очень тихим:

– Не рассказал. Только тебе.

Мана вся съежилась и отвернулась.

Возможно, Юля догадалась. Очень возможно – после стольких раз, когда я лечил ее от припадков. Но никогда мы с ней не разговаривали о моей силе. Никогда. Только с Маной. Сквозь слезы на ресницах я попытался разглядеть остатки

шнурка в траве.

– Гертен знает?

Дарсис сощуренными глазами оглядывал желтую даль.

– Твоя аномалия не показалась мне сколько-нибудь значимой, чтобы беспокоить Совет архонтов, – Проводив взглядом рыжую точку за горизонт, ананси засунул бозпушку в кобуру. – Моя ошибка.

Меня передернуло.

– Жалеешь, пришелец? Из меня бы вышла неплохая лужа, так?

Дарсис пожал плечами.

– Умник, можешь играть в обиженного ребенка. А можешь использовать ситуацию и добыть информацию, которой тебе вечно не хватает. Выбирай.

Я двинулся к ананси, волоча по земле ботинок без шнурка.

– Информацию, говоришь? – увечный ботинок зацепился носком за спрятанный в траве корень. Я чуть не рухнул, взмахнул руками. – Уф...Ну рискнем. Я управляю только эмоциями людей. Но не ананси и унголов – их могу только поглощать. Почему?

Дарсис помолчал.

– Что еще?

– Подсказку хочешь? Может, лучше «Звонок другу»? Или «Замену вопроса»?

Белоснежные зубы пришельца заскрипели.

– Что еще, умник?

– М-м-м. Если я вколю тебе чуток своих эмоций, – там: радости, беспокойства, скуки, – я глянул на Ману, – обиды – ты слетишь с катушек. Любой ананси – унгол тоже, наверное, – спятит или вообще откинет копыта от комариной дозы переживаний людей. Ну, сам наверняка помнишь, как в столовой Центра накинулся на Ману...

– Болевой порог, – сказал ананси. – У ареопов он в десятки раз ниже, чем у людей.

– Причина в низком болевом пороге? – перед моими глазами на акриловый борт ванны снова села Юля – нагая, мокрая, горячая. Вся во влажных лиловых ожогах. Ни капли мучки на лице, только арктический холод в глазах – а вокруг них сожженный эпидермис кожи.

– Не только, – сказал Дарсис. – Другие рецепторы – вкуса, обоняния, терморецепторы – у нас тоже менее выражены. В целом ареопы воспринимают мир не так остро, как земляне. Поэтому любая человеческая эмоция для нас слишком сильная.

– И поэтому я не могу совладать с эмоциями ананси? Обычно они такие жидкие, что просто вытекают сквозь пальцы. Но только не в момент истерического приступа.

Не глядя на меня Мана села на корточки у своего рюкзака и стала в нем рыться.

– Клетки ананси генерируют нервные импульсы в нестабильной амплитуде, – сказал Дарсис. – Обычно наши нерв-

ные окончания находятся в спокойном режиме. Но при стрессе или сильном напряжении...

– Бомбят по полной?

Дарсис хмыкнул.

– Тебя нужно исследовать. Без медицинских тестов и анализов нельзя сказать точно, что с тобой, – ананси тоже шагнул к рюкзакам. – Двигаемся дальше.

Я схватил его за аксамитовую повязку на рукаве.

– Не так быстро. Информация, помнишь, *Красный убийца сотен?*

Мед потемнел в глазах Дарсиса.

– Что еще?

Я молчал в Вихревом лесу ради того, чтобы Дарсис вывел нас из зоны временных петель. Но хватит. Пора брать дьяволка за рога:

– Сколько унголов ты убил по приказу архонтов?

Ананси молчал, а затем его тонкие, плотно сжатые губы разомкнулись и почти неслышно произнесли:

Многих.

– Кого именно?

Снова – словно эхо прошлого ответа: Многих.

– Солдаты?

Беззвучное, одними губами: Да.

– Женщины?

Да.

Ледяной пот ошпарил мою спину.

– Дети?

ДА.

– Боже мой, – земля пошатнулась подо мной.

Сидя у рюкзака, Мана молчала. Она знала. Черт, Мана все знала. И все равно любила Дарсиса. Дурацкая «сыворотка».

– Ты не пойдешь дальше.

Дарсис отдернул лицо в сторону.

– Без меня ты бы не зашел так далеко.

– Паруса – ваши, ветра – наши. А вообще, прими мою благодарность, – сказал я. – И проваливай.

Мана вскочила с корточек, сжимая правый кулак.

– Стас!

– Мана, мы уже убили пятерых унголов! – закричал я. – Плевать, что технически они погибли три года назад. Я шел говорить с унголами, просить помощи, а вместо этого приведу к ним массового головореза? Убийцу их жен и детей? Нас повесят на первом же торчатнике.

– Не повесят! У Дарсиса есть план...

– Если мы мирно придем в Седые равнины, законы унголов не разрешат нас казнить, – сказал Дарсис. – Только судить поединком богов.

– Отлично, – прошипел я. – Перебьешь всех унголов по одному? Зато по закону!

– Не всех. Только одного противника. Победа докажет мою честность в глазах их богов. Повторно вызвать меня не смогут еще год.

– Но одного-то все равно убьешь? Лучше я сам тебя придушу.

Рука Дарсиса сразу потянулась к кобуре.

– Ага, давай смелее, – сказал я. – А ночью жди в гости в своих кошмарах.

Дарсис опустил руку и отвернулся. Все трое мы глядели на иссушенные стебли под ногами и молчали. Ждали слова Маны. Наконец она сказала:

– Отойдем, Стас.

В глубине чахлой рощи я волочил ботинок за Маной и не отрывал взгляда от ее стиснутого кулака.

– Мана, нужно решить...

– Да, но вовсе не то, что тебе кажется, – Мана обернулась. – Нужно решить, пойдешь ли ты с нами.

Я уставился на нее разинув рот – кретин кретином.

– «Сыворотка»! Это все чертова «сыворотка»!

Мана покачала головой.

– Какой же *ступидо*, тупой, – она смотрела на далекую фигуру ананси между тонкими стволами. – Уже больше недели нет никакой «сыворотки». Только мы сами.

– Может и так. Но в самом начале чувства к нему в тебя занесли инъекцией. Господи, Мана, шесть лет каждый день в твои вены вкалывали приворотное зелье! Без следа такое не проходит!

– Плевать, что это за химия – залетная или выработанная моими надпочечниками. Я люблю его, понимаешь? Люблю,

люблю, люблю!

В груди что-то глухо упало. Меня затошнило. Я оперся спиной о корявое дерево. Почему? Что со мной?

– Хочу, чтобы ты знал. Я пошла в поход в первую очередь не спасать Динь-Динь. И уж точно не ради возвращения в Сальвадор.

– Но твоя семья бедствует в трущобах, разве нет? Как же твоя *эво*, бабушка? Как же твоя мама?

– Как же мой отец, да, Стас? – Мана засучила правый рукав. Белесые изгибы шрамов выглянули наружу. – Когда я его последний раз видела, он достал складной нож и исполнил мне руки. Сказал заплетающимся от текилы языком, красивым темнокожим девочкам лучше не жить на этом свете. Он бы и лицо мне разукрасил. Но *эво* как раз позвала на ужин – приготовила его любимые свино-курино-говяжьи шураско. Моя мать тайком бросила в меня пачку бинтов и велела спрятаться.

Приступ тошноты не проходил. А Мана сказала:

– Как послушная дочь, я на совесть выполнила материнское поручение. Спряталась на противоположной окраине города и больше не видела ни *эво*, ни маму. Ни отца, слава Санта Марии. Рылась в баках, побиралась, воровала. А потом вдруг оказалась на Люмене. Архонт Гертен взял меня за руку и отвел к Дарсису.

Рвота подступила до передних зубов. Я проглотил ее и закашлялся. Мана подошла и похлопала меня по спине. Пра-

вый ее кулак все еще что-то сжимал.

– В первую очередь я пошла с тобой, чтобы всегда быть рядом с Дарсисом. У меня нет ни семьи, ни друзей. Только – он. И пусть.

Я выпрямился. Мана щурилась на мое лицо.

– Вытри рот.

Я вытер. Сказал:

– Пойдем втроем – погибнут унголы. Один точно – если поединок богов не фантазия твоего идола.

Мана покачала головой, спустила рукав и провела шероховатой тканью по моему подбородку.

– Не факт. Дарсис что-нибудь придумает, – она сама в это не верила, я видел. Она готова была спалить всю планету, лишь бы надменный говнюк почесал ее за ушком. Мы и правда превратились в послушных псов. В слабых, услужливых питомцев.

– Не факт, – согласился я. – Может наоборот: умрет твой Дарсис.

Темно-карие глаза буравили меня взглядом. Бронзовая рука снова поднялась, кончики пальцев подтерли уголки моих губ. Талия Маны согнулась, чтобы вытереть пальцы о траву. Копна черных завитушек накрыло смуглое лицо.

Вот на что следует давить – на драгоценную жизнь этого ассасина.

– Однажды Юля вздумала свариться в ванне с кипятком, – сказал я. – Она не хотела вылезать, упорно ныряла. Чтобы ее

спасти, я дрался с ней. Мана, сейчас Дарсис не отличается от Юли. Он нацелился в самый центр кипящего котла. В Седых равнинах нет инкубатора.

Полдекады назад ради того, что осталось от моей семьи, ради Лены – и ради себя – я предал свой закон, свое кредо. Юля должна выжить.

– Воля Дарсиса – закон для меня.

Но принципы Маны не изменились.

Запрокинув голову, перебросив кудрявый выющийся водопад за спину, Мана выпрямилась.

– Если бы даже он решил погибнуть, все равно, – она пожала плечами. – Я просто умру вместе с ним.

Черт! Все не закончится так.

– Нет, – сказал я. – Никто больше не умрет. Ни унголы, ни ты, ни твой серийный убийца.

Никто. Только Юля.

Я сказал:

– Ясно?

– То есть ты идешь с нами?

– Нужно следить за ним. За вами обоими.

Мана подняла сжатый кулак. Что в нем? Камень – прибить меня?

– Если вдруг что – не вздумай вставать на нашем пути. Ты – слишком добрый. Никогда не понимаешь, что завел врага, пока он не надерет тебе *бунду*.

Удивляла Мана меня так раньше? Не помню.

– Сожалею, что думал, что не дерусь с тобой.

Мана вздрогнула и быстро зашагала в сторону опушки. Через три шага остановилась, вернулась обратно, взяла мою руку. Бронзовый кулак разжался и мне на ладонь упал сложенный в несколько раз шнурок от ботинка.

– Запасной, – сказала бразильянка и отвернулась.

Глава 19

Пики солнечных лучей били нам в головы. Каждый день, с рассветных до вечерних сумерек, мы вгрызались все глубже в охваченную душным жаром степь. Мой нос обгорел и шелушился. Хоть Мана и натягивала капюшон кофты до подбородка, прятала руки в карманах, ее лицо и руки все равно стали черными как плащ Бэтмена. Почти *негра*. Кожа Дарсиса тоже потемнела – вокруг желтых глаз словно вырезали по трафарету кусок предвечернего неба.

Ночью Мана всегда ложилась в спальник Дарсиса. Гладила его. Напевала тихую мантру ему в ухо. А себе в ухо тянула его мокрое лицо. А мои уши болели от этих сливавшихся с плачем цикад тягучих звуков. Красный ассасин плакал и потел, не просыпаясь. Золотой свет трех полных лун стекал с их прижатых друг к другу лиц на колышущуюся траву. Меня не стеснялись. Что им я? Что им весь мир?

А я уже понял: моя задача – держать этих двоих порознь. Пока Мана тоже не превратилась в бездушного ассасина. Но ночью оставалось только притворяться спящим и искать виноватых во всех бедах. Кандидатов хватало. Контроллеры на Земле. Пришельцы с их безыгольными шприцами. Дурацкая «сыворотка». Дурацкая жизнь.

Когда я наконец засыпал, то видел человека без лица. Иногда на нем сверкал медалями синий мундир, иногда на

пустоте вместо лица вдруг прорезались узкие шафрановые глаза.

Из дичи попадались только костлявые ящерицы и пальчиковые змейки на один зуб. Консервы с печеньем берегли. Однажды я проснулся в темноте от того, что больно кусал пальцы.

На девятый день в степи, преодолев гребни редких холмов, мы наткнулись на маленькое озеро – оазис посреди жарких равнин. Чистая вода качалась в обруче золотых песчаных берегов.

– Отсюда двигайтесь тихо. Место хорошее для стоянки табуна, – сказал Дарсис, когда остановились на короткий отдых на подступе к озеру. – Главное, не наткнуться на кочевое племя лотов. Мизгоров или сетников.

– Сетники? – сказал я. – Что у лотов за любовь к паучьим клещкам? А у них нет племени муховоров? Или ниткопрядов?

Только брякнул «нитко...» – сразу скинул рюкзак с плеч. Вытряхнул его содержимое на пыльную землю. Консервные банки звонко стукнулись. Дарсис закатил узкие зрачки.

– Сказал же – тихо.

Серый мешочек с осьминогом забился в угол рюкзака. Вот он: забытый подарок. Аксамитовая нить исчезла, – конечно, испарилась дней двенадцать назад. Внутри мешочка смялась тонкая записка. На ней вытянутыми острыми буквами рука Юли написала:

«Стас вернется к Лене».

Я сморгнул непрошенную слезу. Темные глаза Маны сверкнули под клювом капюшона.

– Ты чего опять хнычешь?

– Дурацкая «сыворотка», – сказал я, вытирая пыльным рукавом глаза.

Сквозь мокрые ресницы я смотрел, как острые углы букв преломляются и становятся гладкими, округлыми и прекрасными, как непостижимое чувство во мне.

– Сколько раз повторять? Больше нет никакой «сыворотки». Только мы, мы!

Я растерянно посмотрел на нее. Как же больше нет «сыворотки»? Этот грубый резкий почерк ведь кажется мне таким правильным, таким родным, разве нет? И ноги опять тянет назад. Назад в Адастру?

– Да что с тобой?

– Замолчи, глупая.

Мана вынула руки из карманов и начала сгибать черные пальцы со свирепостью пантеры.

– Ну-ка, повтори, плакса.

Я попытался с яростью взглянуть на нее, но лишь громче всхлипнул. Еще и затараторил, как ребенок:

– Глупая, глупая, глупая! Теперь еще и черная.

Легким движением Мана выбила из-под моих ног землю. Толстые стебли и мягкий дерн ударили по лицу. Гулкая тишина хлопнула по ушам. За ней звук раздраженного голоса:

– Это загар, понял? Загар! И не сплошь черный, а слегка золотистый. Правда, Дарсис?

– Вы сильно расшумелись.

– Извини, но загар же золотистый, не абсолютно черный? Скажи, а?

– Ладно. Золотистый.

Я открыл глаза. Из мешочка с осьминогом в траву выкатилась круглая жестянка диаметром с подушечку большого пальца. На маленьком диске торчал прозрачный колпачок. Внутри колпачка из металла выступала пластиковая синяя кнопка.

– Дарсис, ты, правда, так думаешь?

– Да, золотистый, как Гагатовый обелиск южных ареопов.

Я пошарил руками по земле, пока не попался листок.

– Дарсис, ты что, хочешь меня обидеть? Сам же рассказывал: этот обелиск черный как деготь.

– Не для южан. В их глазах обелиск – золотой. Как солнечный свет, который он символизирует.

– О, как мило, Дарсис!

На обратной стороне листка новые слова складывались в предложение, в маленькую надежду:

«Если не сможешь вернуться домой, позови меня».

Я быстро схватил жестянку и засунул ее в рюкзак.

Спустились по откосу к озеру. На берегу Дарсис поручил нам с Маной собирать хворост для костра. Сам «великий ко-

мандир» взял на время у бразильянки гравипушку и побрел охотиться в лесок у протоки.

Я все удивлялся, почему на всем пути от Адастры почти не попадались съедобные ягоды и грибы. Чуть ли не единственная добыча – редкая, истощенная, колючая дичь. Кроме, конечно, рыжего дьяволка, от которого мы сами драпали как зайцы.

Темнело. Что-то зашуршало в кустах рядом. Я мигом состряпал страхпулю – материала хватало с лихвой. Между листьями показались кудрявые завитки. Я выдохнул.

– Не пугай так.

Мана вылезла из зарослей с корягой наперевес. Моя *бунда* предательски заныла. Какое-то колдовство вуду.

– Напекаешь: я так загорела, что сливаюсь с темнотой?

– Скорее, твой страстный взгляд даже не намекает – вопит! – мы втроем займемся сейчас чем-то непристойным.

Темнота совсем не скрывала, как вспыхнул румянец на ее почти черных щеках. Как и светло-фиолетовые векторы возбуждения-любопытства.

– Что? Втроем?

Она бросила взгляд в сторону деревьев, куда ушел Дарсис.

Я сказал: Ага. Подобрал ветку, глянул, как сильно она сжимала корягу, и спросил:

– А это не слишком? Хотя, чем черт не шутит! Я так-то не против. Что-то новенькое попробую, да и ты перестанешь разрываться между нами.

Мана замаялась, все же подняла корягу, словно отгораживаясь ею от меня.

– Нет. Так же неправильно. Вообще это слишком, по-моему. И Дарсис рассердится... – вдруг она отвела корягу в сторону, раскрывшись, словно жемчужина в устрице. – Или, думаешь, нет?

Я хмыкнул.

– Давай быстрее сделаем это, пока твой ревнивый ассасин не застал нас.

– Ч-что?

– Все останется в секрете между нами тремя.

Ее лицо вытянулось.

– Кем это – тремя?

– Тобой, мной и корягой, конечно.

– Ах ты, извращенец!

Я едва успел отскочить: коряга пробила листву за спиной и улетела в ночь. Мана отвернулась и пошла прочь.

Так, валькирию спровадили и руки-ноги-голова-бунда целы. Теперь вторая часть плана.

Я взобрался на лысый холм над озером, где оставили рюкзаки. Вода внизу словно впитала тьму и лунный свет. Рябь бегала по отражениям звезд. Бросив в траву хворост, я вынул из рюкзака круглую жестянку. Открыл большим пальцем колпачок. Дойдет из глуши сигнал до Юли?

Я глянул на звездное небо под ногами. Тень и свет кружили в танце.

Где-то три года назад нас, беззаботных питомцев, повезли купаться на похожее озеро с теплым песочным пляжем. И час не проплавали, я бросился на берег – искать дикие розы.

К крошечному кусту с лиловыми бутонами меня словно привел приторный нежный запах. В жаркую и сухую погоду неуловимый тонкий аромат розы усиливается, наполняется сочетаниями мха, пряностей, меда. Тогда как раз стояла жаркая и сухая погода. Из тонких упругих веток я связал аккуратный веночек. Такой впору сказочной принцессе, или королеве школьного бала, или любой другой альфа-самке. Шипы не обрезал: оставил на потом.

Веночек я спрятал под причалом на озере – чтоб забрать перед отъездом в Центр – и снова побежал купаться. Только веночек нашла еще раньше Мана: бросились в глаза лиловые цветы в щелях между досками причала. Как я увидел, сразу вылетел на берег, словно заряд из гравипушки. Чуть не оставил плавки в воде.

– Отдай.

– Это ты сделал? – Мана разглядывала соцветия венка. – Для своей принцессы-инопланетянки?

– Не твое дело, – потянулся я к венку. – Отдай.

Мана отвела веночек в сторону.

– Скажи, для кого – отдам.

Всем и так было ясно, для кого, но не поиздевайся Мана надо мной – и это уже не Мана, а мутант Мистик в ее облике.

– Не твое дело! Отдай! – я накинулся на нее. Мы повалились и покатались по песку.

Колени Маны оттолкнули меня, бразильянка вскочила также с венком в руках. И с приличным куском моих плавок на шипах роз.

– *Ами*, приятель, – засмеялся Динь-Динь, загоравший на полотенце. – Твои доспехи пострадали в бою. Сбегай – переоденься.

Мне ощутимо поддувало сзади, но я и не подумал отступить без венка.

– Отдай же.

И Мана тоже не отступила.

– Сразу, как скажешь, для кого сделал.

– Блин, для тебя.

Глаза Маны округлились.

– Правда?

– Да шас.

Я снова на нее накинулся. И мы кувыркались на песке. И я давил Ману сверху. И все на пляже могли обозреть огромную прореху в моих полиэстеровых «доспехах» сзади.

– Эх, молодежь, – цокал языком Динь-Динь. – Любви стесняется больше, чем голого зада.

Тени и звезды качались между камышами, а я все гладил пальцем кнопку. Знал: она не прилетит, даже если нажму. А если и прилетит, то увидит, что тревога ложная, что я все так же пры к унголам, как упрямый овцебык, и сразу умчится

обратно. К своей красной звезде смерти.

Я почти позвал Юлю, почти нажал кнопку.

Меня позвали первым. Не словами, не радиосообщением – сигналом, который мог принять только один жалкий питомец. Адской болью.

Черные заросли пронзили красные вспышки. Губка бросилась к зову. Вырвалась вместе с частью меня наружу. Ливень огня ошпарил внутренности. Я упал на прохладную землю. А во мне вскипала горячая кровь.

В то же время словно другой я, бестелесный, призрачный, парил в воздухе над холмом и озером. Над упавшим собой. Залитое лунным светом небо бросилось под ноги, отпружило от них как гигантский батут. Накрыла черная воронка космоса. Сон наяву. Рев тишины.

Гигантская тьма сжалась до узкой каморки. Серые стены, слабый дрожащий свет над койкой. На стекле низкого круглого окошка зияли глубокие царапины.

На полу в ореоле красно-черных векторов лежала она. Ее губы, потрескавшиеся и искусанные, кричали. Ни звука. Юля хлопала ртом, как рыбка на осколках разбитого ею аквариума.

Вот оно, повторение пройденного. Вот он, ад.

Дрожащей рукой Юля вцепилась в окошко. Ее ладонь раскрылась, подранные пальцы идеально подошли к пяти длинным бороздам на толстом стекле.

Я поднял бестелесные руки и взял Юлю за виски. И мы

безмолвно закричали вместе.

Когда красное-черное пламя, эта всю жизнь терзающая нас агония, затухло, я увидел отражение пустой комнаты в ее узких зрачках.

– Это и вправду ты...

Уголки ее губ слегка поднялись.

«Вправду я...»

Немые мысли-слова. Я слышал их всем призрачным существом.

– Здесь тихо. Очень тихо.

Она села на койку, тонкие руки упали на колени, как стебли обрубленной лианы.

«В камере звук не отражается. Совсем. Отец говорил, самый сильный землянин сможет пробыть здесь только тридцать минут. Дольше – сойдет с ума».

– Сколько ты здесь?

Она мешкала, но мысль спрятать от меня не вышло:

«Три дня, – на ее лбу прорезалась морщинка. – Как же там рыбка без меня?»

Я стиснул призрачные кулаки.

– Ублюдок! Так издеваться над дочерью, – это я, конечно, о Гертене. – Юля, я нашел твой приемник. Как только вернусь, отправлю сигнал. Слышишь?

Юля покачала головой. Алый отблеск плясал в черных прядях волос.

«Глупый человек, в безэховой камере нельзя слышать.

Звук не отражается, помнишь?»

– Как же мы разговариваем? Что ли чувствуем мысли друг друга?

«Видимо».

– Значит, почувствуй. Примешь сигнал – сразу лети! Садись в свой дурацкий флаер и лети ко мне!

«Нет».

– Не глупи, Юлия. Конечно, я – никто, пустое место, питомец. Но послушайся меня только один единственный раз, и можешь дальше упираться, командовать мно...

«Не могу, – острый подбородок дернулся как от удара. – Не могу больше командовать тобой. Ты больше не мой питомец, разве не понятно? Уходи».

– Но...

Ее лицо превратилось в мертвую личину, как у человека, который собрался убить часть себя. Отрезать собственную руку по локоть, или вырвать глаза, или содрать кожу с лица. Уголки губ опустились. Весь лоб исказился в морщинах, будто она сдерживала поток мыслей и чувств.

«Найди наконец в себе мужество жить, как решил. Наши пути разошлись. Точка. Если тебе хватит глупости отправить сигнал – я передам координаты отцу. Тебя схватят, ты снова станешь собачкой ананси. Так что я согласна: отправляй сигнал и возвращайся в ничтожные прислужники, глупый человек. А прямо сейчас *уйди*».

Мое сердце рухнуло в колени. Воронка космоса вновь на-

крыла меня куполом. Тени поглотили дрожащий свет лампы.

Вернувшись, я свернулся калачиком на склоне холма. На моей ладони по-прежнему лежала жестянка с открытым колпачком.

Из-за вершины холма послышался голос Маны:

– Стас! Стас! Куда ты пропал? Сегодня ужинаем – Дарсис подстрелил дрофа. В полной темноте почти, представляешь?

Я не удивился. После того, как Дарсис сказал, что убивал женщин и детей, он больше ничем не мог меня удивить.

С озера повеяло холодным воздухом. Я вздохнул полной грудью и большим пальцем защелкнул кнопку колпачком.

Мне все мерещилось, что перед тем, как я исчез из безэховой камеры, Юля подумала: *не уходи.*

Глава 20

На следующий день, пока мы двигались вверх по течению притоки, я все пытался испробовать новые телепатические силы на Дарсисе с Маной. Пялился на них до тех пор, пока не чувствовал, что голова вот-вот взорвется. Но нет, я точно не был внебрачным сыном Джины Грей или вулканца Спока. С дуэтом ассасин – валькирия никак не выходило создать мысленный контакт, как с Юлей. Дарсис ощутил мой настырный взгляд, бросил:

– Скажи кое-что, умник. Всего одну вещь.

– А?

– Тебя пристрелить?

Я хмыкнул. Забавный все-таки парень, этот убийца сотен. Мана молча смотрела себе под ноги. Короче, веселились, как могли.

Заросли на побережье реки густели, превращались в тонкую нитку светлого леса посреди полотна желтых трав. Иногда мы сползали по откосам холмов в странные глубокие овраги. По их накрытому тенью высоких склонов дну стелился густо-серый туман не выше коленей. Первый раз увидев туман, я вступил в сизые клубы и не смог сдвинуться с места. Завяз как в зыбучих песках. Плотная дымка поднималась по штанам вверх.

– А с туманом-то что не так?

– Не туман, газ. С изменчивой молекулярной массой, – Дарсис отошел от кромки колышущейся пелены на два шага. – Его выделяют грибы Пахучники, которые растут на дне оврагов. Спустившиеся в овраг животные застревают в газе, который при движении в нем тяжелеет как грунт. Тела со временем разлагаются, и грибы всасывают готовую органику.

– Грибы-мутанты? Боюсь узнать, что еще за чудищ насоздавал ваш Свет, – я протянул руку. – Ну же вытащите меня.

Дарсис брезгливо посмотрел на мою руку и попросил у Маны гравипушку. Пара выстрелов – и серые клубы разбросало к склонам по бокам. До конца оврага обнажилась голая прибитая земля, кое-где маячили широкие коричневые шляпки. Узнавать, съедобны ли монструозные маслята, мне не хотелось. Когда мы прошли насквозь овраг и поднялись, пробоина позади затянулась новыми сизыми волнами.

На следующий день река раздалась в стороны. Лес на берегу стал гуще, в самой его середине изредка попадались широкие открытые поляны. Тогда сквозь ширму стволов и листьев я увидел пучки векторов. Слабые, почти бесцветные.

– Ареопы, – сказал я. – Впереди где-то в пятистах метрах.

– Ллоты, – уверенно сказал Дарсис, не останавливаясь.

– Нужно сворачивать.

– Нет.

– А как же «Главное, не наткнуться на кочевое племя ллотов»?

– Случайно не наткнуться, умник, – Дарсис расстегнул ко-

буру бозпушки. – Нам нужны их гекконды – ездовые животные.

Я преградил ему дорогу.

– Ох, извини: Мана, видимо, не передала мои слова, – я поднял руку и похлопал ананси по плечу. – Специально для «великого командира» еще раз: Никто больше не умрет. Будем топтать и дальше на наших двоих.

Мана вся подобралась и бросила взгляд на Дарсиса. Он молчал, лишь сверкали медово-желтые глазища.

– Поздно, умник, – вдруг прошептал ананси. – Они здесь.

Сзади хрустнула ветка. Дарсис прыгнул вбок, в заросли, на лету выхватывая бозпушку из расстегнутой кобуры. Мана за ним. Я обернулся.

В траве в двух шагах от меня торчали три стрелы. Я тупо уставился на зеленые перья на древках. Что еще за лучники-ролевики?

Заревели десятки глоток. Туча из черных копий заслонила небо. Я удивился: кого могла пробрать такая чудовищная злость?

Щелкнула пружина гравипушки. Тучу смело прочь. Только когда в стороне острые наконечники изрешетили заросли, до меня дошло: это не векторы злости. Это стрелы. Мана спасла нас.

– Бегите, – бросил Дарсис, вскидывая бозпушку. Щелк – стену листвы перед нами пробила узкая брешь. Из-за деревьев раздались пронзительные крики и стоны. Запахло кро-

вью и жженым сахаром. Мы снова убивали.

Брешь в листьях расширилась. Раздвинув ветви, наружу вылетел полуголый зеленокожий индеец. Копье в его худых руках нацелилось в Дарсиса. Я шарахнул в индейца страхпулей. Ллот рухнул, крича, бешено задрыгал ногами. Его дерганые нервы ареопа пылили яркими векторами.

Лес забурлил, листва взорвалась ордой индейцев. Засвистели стрелы. Щелк, щелк... Мана не прекращала спускать курок. Взметались вихри сломанных древков и стальных наконечников, ломая лес вокруг. Индейцы приближались. Развевались на ветру их длинные морковно-рыжие волосы и разноцветные ленты на копьях.

Дарсис и Мана бросились в заросли. Я следом. Тут же мягкую землю передо мной вспорол ряд стрел. Я развернулся и скакнул под защиту старых толстоствольных деревьев.

Я метался по кустам, катился по откосам, спотыкался, падал, вспрыгивал, снова бежал, снова спотыкался. Швырял страхпули назад. Цели достигали все, точно притянутые на веревке – видел по вспыхивающим красным векторам. Стрелы рвали листву вокруг. Одна оцарапала мне плечо, скользнув по касательной. Вторая задела ухо.

Не останавливаясь, я резко скользнул вправо, на развороченный давними полноводьями берег. Сухая глина только рассыпалась под ботинками, следов не оставалось. Со стороны реки я полез на взгорок. Обернулся. Не гнались.

Взгорок оказался плечом высокого холма. С его голой вер-

шины обозревалась вся лесная долина. Через круглую поляну за осыпавшейся прибрежной полосой индейцы вели в поводу чешуйчатых животных с седлами. Ткань или аксамит древесного цвета обтягивали только худые ноги лотов. Сверкали в зеленоватой тени наконечники копий и стрел.

Я увидел девочку. Безоружная, худенькая как травинка, она брела с опущенной головой среди трех десятков индейцев. Тоже светло-зеленая кожа. Тоже коричневые обертки аксамита вокруг бедер и груди. Тоже буйная рыжая копна волос. Но пленница: ее толкали и тянули за ремень на шее. Вели в поводу, как лошадь.

На другой поляне, через ширму деревьев, Дарсис и Мана стояли плечом к плечу. В маленьких смуглой и темно-синей руках поблескивали металлом серые пушки. Груды сломанных копий, стрел валялись на противоположном краю поляны. Пять индейцев мчались прочь, рвались под защиту ветвей и стволов. Добежал ли кто? Не знаю. Гравиволны швыряли лотов на землю, затем зеленоватые тела исчезали в воздухе. Один за другим. Неровные лужи растеклись в желтоватой траве, яростное степное солнце тут же отразилось от грязной воды, как от зеркала.

Мы снова убивали.

Мой взгляд заметался от одной поляны к другой. Тридцать индейцев двигались в сторону Дарсиса и Маны. К своей смерти. Красный ассасин не подавится, сожрет их с потрохами. Как уже сожрал жизни сотен унголов. Мишаба, ее

сестры, ее братик, ее город.

Ту девочку тоже вели умирать. Сколько ей лет? Двенадцать? Тринадцать?

Лене сейчас тринадцать.

Ветер перебирал мои волосы, словно пальцы девушки.

До поляны Дарсиса с Маной мне не добраться быстрее индейцев. Зеленокожих не спасти. Разве только... Я сложил дрожащие ладони рупором.

– С-ю-ю-да!

Разве только принять удар на себя. Я закричал:

– Сю-ю-да! Здесь никого! Быстрее!

Индейцы развернулись ко мне, некоторые взобрались в седла и поскакали рысью – к реке заросли редели, тощие четвероногие звери легко пролезали между кустами.

Бросив рюкзак, я кубарем скатился с холма. Молодец. Теперь сам не помри, дурак-мироходец.

Снова кинулся в лес. Меня сразу взяли в полукольцо – видеть не видел за деревьями, только стрелы теперь жужжали с трех сторон. Гнали индейцы, не показываясь. Значит, боялись страхпули. Значит, не зря я дрожу, как заяц.

Кровь капала из раны на плече. Стрелы свистели все ближе-ближе-ближе-ближе. Минута-другая – индейцы пристреляются на хруст валежника, утыкают как дикобраза. Без спора, потом Мана отомстит за меня. Прикончит их всех. Вместе с девочкой.

Я бросился на врага. Вправо, откуда летело меньше стрел.

Губка внутри распоясалась, жалила в мелькающие повсюду фигуры длинными очередями. И пусть. Страхпули не убивают. Наверное.

Рывок сквозь кусты. Налетел на индейца. Вместе с ним рухнули наземь, покатались по крутому склону. Он схватил меня за раненое плечо и шею. Страхпули кончились: я перестал бояться. Только злился. Я боднул его головой в лицо, услышал, как нос ллота хрустнул об мой лоб.

Склон резко оборвался под нашими спинами. Ллот упал в овраг, следом я. Мои руки и ноги заскользили по стене глинистой земли, пока подошвы ботинок не уперлись в твердое дно.

Я осмотрелся, опустил взгляд. В мои подмышки словно впились ледяные когти. Страхпули тут же заполнили невидимую обойму внутри.

Сизый дым окутал мои ноги, по самые колени. Я угодил в газовую топь грибов Пахучников. И не было гравипушки под рукой. Тяжелые дымчатые языки медленно ползли по штанам вверх.

Ллоту не повезло еще больше. При спуске его колени полусогнулись, серые щупальца опутали вместе с ногами опущенную зеленую руку почти до локтя.

Свободная рука индейца выхватила нож из-за пояса. Быстрый блеск стали. Я перехватил тонкое запястье у своего горла. Индеец хрипло задышал.

– Ми моко!

«Я сильнее!» – пропел в ухо сахарный голос переводчика.

Полминуты мы боролись, затем я вырвал захватом нож. Ллот чуть не рухнул лицом в газ. Я успел дернуть его за длинные волосы, удержав на ногах. Ллот стиснул зубы. Со сломанного носа лиловая кровь капала на клубы газа. Ни капли страха в желтоватых глазах – только глупая ненависть.

– Переводчик – язык ллотов, – сказал я. – Перемирие.

Ласковый голос в навороченном компьютерами наушнике пропел: «Макая».

Я повторил по слогам: Ма-кая.

Ллот вздрогнул и нехотя кивнул. Я отпустил его. Пока мы боролись, газ поднялся мне уже до пояса, индейцу – по грудь. Держа его на краю поля зрения, я снял куртку и растелил ее перед собой на твердом сером облаке. Облокотившись на куртку, потянулся и вонзил нож индейца в отвесной склон оврага. Вонзил как можно выше. Потом еще и еще. С нескольких ударов небольшой металлический клинок вошел в глину по рукоять.

Сквозь толщи земли засияли приближающиеся пучки векторов. Кончено, индейцы искали меня в зарослях и пока не додумались заглянуть в овраг. Надо вылезать быстрее, быстрее.

Как на бруске, я попытался подтянуться на ноже вверх. С воплем ллот вцепился в рану на моем плече. Всю руку пробрало до кости.

– Кретин, – вскричал я. Милая переводчица перевела на

ллотский. Увы, сквозь пелену боли я мог ругаться только на великом и могучем. – Отцепись, фисташковый баран. Себя погубишь, жабья отрыжка.

Одной рукой индеец драл мое плечо. Языки газа уже гладили его по шее, а он дергался, утопая все глубже. Я перестал чувствовать пальцы, но, слава Новым богам ДиСи, они пока не разжимались. Газовые клубы все больше и больше оплетали нас с ллотом.

Лезвие ножа разрезало пласт глины и выскользнуло из отверстия. Черт! Серое облако обхватило меня по шею, сдавило грудь.

– Доволен? – прохрипел я.

Ллот задрал лицо к небу. Его волосы с ушами исчезли в облаке, курчавый дымчатый язычок лизал его худую щеку. Но глаза светились победой.

– Ми моко! – шипел индеец еле слышно, задыхаясь. «Я сильнее» – вторил дураку ласковый голосок в наушнике.

Индейцы рыскали совсем рядом – у противоположного края оврага. До меня дошло: я обречен. Не задохнусь, так застрелят. Но «жабьей отрыжке» незачем умирать.

– С-ю-ю-да! – закричал я. – Спа-а-а-сите! Сю-ю-ю-да!

Пучки векторов заспешили к оврагу. И вот так придет мой конец? В остром наконечнике стрелы? Нет, я договорюсь с индейцами, подольщусь к ним, пятки им вылижу, снова стану пленником, позволю этой гадостной планете снова обуздать себя, но выживу.

– Стас!

Тяжелое облако резко развеялось. Я упал на четвереньки и закашлялся. Рядом на голой земле стонал полуживой ллот. Газ скатался ворохом дымчатых одеял у другого склона.

Загрубевшие ладони нежно коснулись моего лица.

– Оставила тебя ненадолго... а ты успел вляпаться в такое.

– Мана?

– Шестнадцатилетний *беби*, дите, ей-богу.

– Мана, пожалуйста...

– Тс-с-с, отдышись сначала. А то еще придется тебе делать искусственное дыхание. Да ты, поди этого и добиваешься?

– Мана, не убивайте их. Пожалуйста, не убивайте больше никого.

– Что?

Резкий как хлыст голос:

– Мануэла, идут. Где гравипушка?

– Мана... нет... с ними девочка...

Руки отпустили меня. Захотелось орать. Она снова выбрала его. Она всегда выбирает его. Дурацкая «сыворотка»? Больше не уверен.

Прямой как шпала Дарсис шагнул под высокий склон. Синая рука нацелила гравипушку под небольшим углом вверх. Все ближе шумел лес.

На узкий обрыв над оврагом, точно над одеялами из газового облака, выпрыгнули десятки индейцев. Каждый зеленокожий нацелил в меня с Маной или копье, или стрелу, или

камень в праще. В кустах за их спинами ревели оставленные животные. Плотная тень склона прятала Дарсиса от глаз индейцев. Ананси подождал, пока все индейцы не скучкуются на обрыве. Тогда он выстрелил.

Гравиволны разорвали склон, земля рассыпалась под ногами индейцев. Весь отряд зеленокожих с криками рухнул в газовое облако. И рыжая девочка тоже.

Шатаясь, я рванулся к ассасину.

– Дарсис, отдай гравипушку. Быстро!

Ананси внимательно смотрел на задыхающихся ллотов – на тех, кто не упал лицом вниз и не умер сразу. Девочка глотала воздух среди них. Слава богу, жива.

– Зачем?

– Среди них пленник. Девочка! Нужно спасти ее.

Мана не отрывала взгляда от Дарсиса, он спросил:

– Только ее?

– Нет, конечно. Всех, нужно спасти всех.

Ллоты кричали и плакали. Дымчатые языки опутывали их грудные клетки, сдавливали легкие, забивались во рты. Рыжая девочка молча хлопала губами. Как рыбка на осколках аквариума. Как Юля в безэховой камере. Новый старый ад.

– Дарсис, пожалуйста! Они умирают!

Дарсис смотрел на лица ллотов. Изучал судороги на зеленой коже.

– Всех не спасти.

Я оглянулся на Ману. На ее ресницах блестели слезы, го-

лос дрожал, но слова, слова были ужасны:

– Они враги.

Мир рухнул. Теперь я знал: Мана всегда выберет Дарсиса. Даже если он сам дьявол во плоти. Возлюбленная Сатаны.

А я всегда выберу жизнь.

Я пнул Дарсиса под колено сзади. Сразу ударил кулаком в скулу. Ананси пошатнулся, попытался ответить. Но я ша-рахнул в него страхпулями – всей обоймой. Ассасин закричал. Рев обезумевшего зверя, взгляд жертвы автомобильной аварии: ты вел машину, ты заснул, ты живой, а все остальные в твоей машине нет – ты их убил. Только ты.

Гравипушка выпала из пальцев Дарсиса. Я поймал ее в воздухе и навел на Ману.

– Стой на месте.

Секунды уходили. Последние секунды жизни лотов.

Дарсис осел на землю, тяжело дыша. Глаза Маны сверкнули как раскаленные черные алмазы.

– Иначе что? Пристрелишь?

Я не ответил. Она бросилась к Дарсису. Ананси уже отходил – поднимался, бешено мотая головой. Он был слишком сильным даже для моего отчаянного страха.

Я навел гравипушку на газовые клубы. В четыре выстрела тяжеловесное облако разлетелось в клочья. Развеянная пелена оставила после себя голую черную землю и зеленые тела на ней. Некоторые ллоты не двигались. Большая часть индейцев стонали, откашливались, пытались уползти прочь.

Кое-кто хрипло пел. Сладкий голос в наушнике переводил слова молитв.

Я шагал между индейцами, рассматривая лица и живых, и мертвых. Голенастая девочка-ллот сидела у глиняных обломков склона. Тонкие руки сжимали ободранные коленки так крепко, будто ноги могли сбежать от нее.

Я протянул ей руку и сказал слова, которые обрадуют любого пленника:

– Ты свободна, – подождал своего переводчика и повторил за ней на ллотском: – Ки мот.

Краткий миг растерянности и неверия. Затем девочка заплакала и обняла мои ноги.

– Мямя.

«Спасибо».

– Разворачивайтесь на восток, – сказал я.

Лила из племени тенетников тихо сидела на поваленном дереве и глядела на нас огромными глазами с сочно-желтыми радужками и вертикальными зрачками. Любопытный рыжий котенок.

– Все это слишком далеко зашло, – сказал я. – Возвращайтесь в Адастру. Вы оба.

Дарсис и Мана переглянулись. Дарсиса все еще слегка пошатывало. Я вспомнил, как драпал дьяволок после одной единственной страхпули. Красный убийца выдержал целый град. Все, чем мой испуганный разум мог пульнуть.

Рука нащупала рукоятку гравипушки в кармане. Смогу я одолеть Дарсиса? Я взглянул на Ману. Одолеть их обоих.

После того, как я спас лотов, наступило безмолвное перемирие между мной и убийцей. На некоторое время. Лила и убийца слишком ослабли. Разбитые ллоты снова могли напасть. Я нес Лилу на руках, Мана поддерживала плечо Дарсиса.

В полукилометре от злополучного оврага я развел костер. Сбегал на пляж за рюкзаком. Пока возился с хворостом и горелкой, Лила щебетала о себе. Пастбища ее племени простирались на юге, вдоль границы Седых равнин. Ее бабушка – Великий Мастер-ткачиха тенетников, Зоча – отблагодарит каждого спасителя ее внучки доспехом *бурга*, воина-брата вождя: костяными нагрудниками и шлемами, выточенными из цельного куска китового уса. Один доспех бурга стоит тридцать породистых геккондов. Отец Лилы, вождь племени, вручит мне *томагавк* избранника его дочери. Не меньше трех дней все племя будет пировать и праздновать. В каждом *викионе*, жилище будут веселиться и пускать по кругу *калуметы*, курительные трубки. В каждом *викионе* будет витать дым торжества.

Солнце медленно клонилось к буграм холмов на горизонте. Слишком длинный день не спешил заканчиваться. Я стоял перед Дарсисом и Маной.

Дарсис повел головой, чтобы в шее хрустнуло, и сказал: – Мне нужны ответы. Чтобы их получить, я использую

мощь унголов.

Я сверлил взглядом его бесстрастное бледное лицо с фингалом на щеке.

– Разве ты шел в Седые равнины не просветиться, зачем архонты выковали из тебя массового убийцу?

Ассасин хмыкнул и мотнул головой в сторону Лилы.

– Унголы ненамного цивилизованней дикарей-ллотов. Их ценность для меня – численность в десять миллионов особей. Армия, способная смести Западный филиал ананси и достать мне высокопоставленного чиновника с секретными допусками.

– Дранный шакал, – прошипел я. – Стервятник. На самом деле ты хочешь еще больше новых трупов. Тебе их всегда мало, скажи?

Лила вздрогнула и отвернулась. Мана молча скрестила руки на груди. Костяшки побелели на ее стиснутых кулаках.

– Сказать что? – отозвался Дарсис. – Что ты хотел того же?

– Ч-ч-что? – я вздрогнул. – Нет, никогда.

– Как ты планировал освободить друзей, заточенных в Западном филиале? Как собирался вернуться на Землю, если дверь туда всего одна – орбитальная станция ананси. Если ты не планировал драться за свои цели, то ты еще больший глупец, чем я думал.

У меня перед глазами всплыл жидкий прах Мишабы. Виски закололо. Я планировал драться. Я не планировал убивать. Но как же глупо это звучало.

– Возвращайтесь в Адастру, – прошептал я. – Прошу.

Прошу: хватит смертей.

Дарсис безжалостно посмотрел мне в глаза. Пришелец, который испытал мои страхи и не сломался. Убийца, чье одно дыхание источало запах смерти.

– Единственный, у кого есть причина возвращаться в Адастру, – человек Станислав Волвин, – ананси повернул голову на восток. – Если ему дорога жизнь его «сестры» по гешвистеру ананси Юлирель.

Мои колени чуть не подкосились. Мана округлила глаза.

– Говори, – прохрипел я. – Говори, наконец, все, что знаешь.

Дарсис протянул пустую ладонь. Не колеблясь, я вынул из кармана гравипушку и отдал ему. Теперь его с Маной не одолеть. Точно не мне. Черт, ну и пусть.

– Через семнадцать дней Юлирель уйдет в Свет. Ее ждет нулус.

Я покрылся холодным потом. Вспомнилось, как Юля прощалась, как она сказала: «Избранные ананси ушли в нулус, безмерное пространство внутри Света ... никто из них не вернулся».

«Никто».

– Ты врешь!

Я бросился на Дарсиса. Попытался схватить за грудки. Быстрая как тень, Мана перекрыла мне путь, ее почти черные руки встретились с моими. Наши ладони хлопнули друг

о друга. Лила вскрикнула.

– Даже не смей думать, – сказала бразильянка.

– Ой, уже, – оскалился я. – Ой, опять. И опять. И опять.

Лила бросилась к нам и схватила за края наших с Маной курток.

– Но нок, – плакала она. – Но нок. «Не деритесь. Не деритесь».

Мана погладила девочку по рыжим кудрям:

– Но ноку, ля, ми ре. Ки нору е. «Конечно, не деремса, милая, мы так разговариваем. Последи, пожалуйста, за огнем».

Лила подозрительно глянула на нас, надула губы, буркнула на ллотском: «Я вам не глупая. Я – дочь вождя, да». Но куртки отпустила, пошла к костру. Едва девочка отвернулась, меня прорвало:

– Говори! Какой, к черту, нулус? Юля – межзвездный пилот. Как капитан Кирк!

Дарсис уселся на поваленное дерево ближе к своему рюкзаку. Не глядя на меня, он достал короткий шомпол с бутылочком масла.

– Гиперпилот – только прикрытие.

Опрыскать шомпол маслом по всей длине. Погрузить шомпол внутрь ствола гравипушки. Неторопливо Дарсис смазывал оружие и говорил:

– Если унгольские ярлы узнают, что Юлирель избранная, положат сотни тысяч воинов, только бы снести ей голову. – Шомпол ходил туда-сюда вдоль ствола. – Сотни тысяч жиз-

ней ради одной смерти.

– Но почему?

– Почему? Потому что унголы невежественные глупцы? Потому что они готовы погубить завтрашний день ради сегодняшнего?

Шомпол ходил туда-сюда.

– Опять говоришь загадками.

– Потому что я не знаю. – Дарсис вынул шомпол из ствола и снова опрыскал его маслом. – Почти с самого рождения я изучал повадки белых ареопов, выслеживал их, загонял до полусмерти, добивал, как зверей. В тринадцать лет я стер с лица земли их город. Пока ты учился смеяться, плакать, бояться, я уже убивал. Но до сих пор не знаю, кто прав.

Я схватился за голову.

– Ты врешь.

Рука Дарсиса продолжила водить шомпол внутри ствола.

– Всю жизнь меня натаскивали убивать, Юлирель же готовили к нулусу. Шевели мозгами, кто с ней жил? Ее тренировки и тесты были намного тяжелее, чем у прочих подопечных Центра. – Дарсис вынул из квадратного ствола шомпол, положил на рюкзак. – Многие ее предшественники сошли с ума.

Я вновь услышал мысли Юли. *Горела в термокамерах. Задыхалась в барокамерах.... Осталось последнее испытание.* Теперь ее мысли стали моим откровением.

Я схватил рюкзак, бешено задергал застёжки. Ну нет,

Юля. Войти в нулус, исчезнуть внутри Света – не испытание. Это казнь. Как электрический стул.

Внутри рюкзака, внутри серого мешочка омамори лежала только смятая записка. Где? Где?

– Не это ищешь? – Дарсис положил что-то возле себя на кору дерева. Маленький металлический диск с синей кнопкой. Ананси уткнул чистое, смазанное дуло гравипушки в ободок диска.

– Прости, умник, – сказал он и нажал спуск.

– Не-е-е-т!!!

Я попытался убить его. Вонзить ребро ладони в неподвижный как мишень кадык. Встречным взмахом руки Мана отсекла мою попытку перебить трахею убийцы. Тогда мы с ней затанцевали. Не румбу, не самбу. Если бы в этой пляске смерти, хоть бы один мой удар достиг цели, я бы никогда себя не простил. Лишь когда черный кулак задел мое позабытое раненое плечо, я понял: не хочу. Не хочу стать таким же, как Дарсис Красный убийца сотен.

Не хочу превратиться в дьявола.

Я отшатнулся от Маны. Оба мы тяжело дышали. Мана вытерла пот со лба. Все мое тело болело. На коре ствола, там, где лежал диск, зияла круглая вмятина.

Дарсис снова двигал шомполом туда-сюда. В треугольном дуле бозпушки. Я похолодел.

– Если отправить в Анансию радиосигнал из такой глуши, – сказал Дарсис, – архонты его заметят.

Я сказал: Ты убил ее, будь ты проклят. И принялся собирать рюкзак.

Прости, Лена. Прости, сестренка. Придется тебе подождать меня еще немного.

Собравшись в дорогу, я замер. Лила сидела у костра, закрыв рот ладошками. Как же мы ее напугали.

Бразильянка подошла к девочке и обняла ее. Уткнувшись ей в грудь, Лила заплакала. Мана гладила ее рыжие кудри и шептала на ллотском: «Все позади, милая, мы не деремся, не деремся». Но ноку, но ноку.

Когда-то я так и думал. Что не дерусь с Маной.

– Не волнуйся, Стас. Мы отведем Лилу домой, – сказала Мана. – Да, Дарсис?

Убийца кивнул.

– Земли тенетников по пути. Вернув себе дочь вождя, ллоты отблагодарят нас припасами.

Я мешкал.

– Откуда мне знать, что вы снова не скинете ее в смертельное газовое облако?

Мана замахала рукой перед лицом Лилы, отгоняя дым костра от ее заплаканных желтых глаз.

– Не скинем. Обещаю.

И я ей поверил. Что еще оставалось?

Чтобы не заблудиться, я пошел по пустынному пляжу, подалее от деревьев. Золотые лучи закатного солнца освеща-

ли путь на северо-восток. Скрипел песок под резиновыми подошвами.

Темнело, я продолжал шагать. Если убийца не соврал, у меня только семнадцать дней. И шестнадцать ночей.

Рассеченное плечо заныло. Я сел на прибитые прошлогодними половодьями гнилые доски. Брызнул на рану перекисью водорода из тубика, обмотал бинтом, как умел. На секунду усталость взяла свое. Я уснул.

Лена прыгнула и упала на что-то твердое и узкое. Кофта на ее животе задралась, кожи коснулся холодный металл. Голову и тело до пояса продрал ледяной ветер. А босые ноги – нет. Открытое окно? Лена лежала на металлической раме распахнутого окна?

Свисая вниз, Лена за что-то зацепилась, попыталась вытянуть себя наружу. Ее схватили за ногу, дернули назад. Острая рама впиалась в живот.

Кровь прилила к голове сестренки. Ее схватили за ремень на поясе и втянули внутрь. Несколько грубых теплых рук свели вместе и вытянули ее ноги. Голые щиколотки сдавила колючая веревка или проволока. Лена дернулась, ее тут же ударили лицом о твердый пол. Веревка сдавила запястья сестренки. Тряпка с эфиром прижалась к ее рту и носу. А затем – ничего. Пустота.

Мои глаза открылись, я посмотрел на пустое ночное небо. Все черное, ни капли звездного света. Я взвалил рюкзак на плечи и зашагал обратно на юго-запад в полной тьме.

Юля, если слышишь, если чувствуешь.... В общем прости. Прости, Юля.

На ресницах скапливались слезы. Дурацкая «сыворотка», сказал бы я утром.

Я, скажу сейчас. Только я.

Слезы застилали глаза, искажали мир. Я их не смаргивал. Зачем? Все равно было ничего не видно.

Глава 21

В темноте ласковый голос пел:

«Ты – моя невеста. Мы не расстанемся, да. Я обожаю тебя, я боготворю тебя, люблю, люблю...».

Еще не просыпаясь, я узнал Барбару – так прозвал голос в наушнике.

– Ничего не имею против двумерных девушек, – пробормотал я. – Но ведь ты – всего лишь цифровой звук. Код из нулей и единиц. Даже без картинки. Как мы...

В мои ладони ткнулась мягкая теплая кожа.

«Обнимаю тебя, ласкаю, целую».

Мои веки тут же раскрылись. Темный силуэт на фоне трех желтых дисков. Я дернулся.

– Кто ты?

Слова на непонятном языке, следом нежное сопрано Барбары:

«Твоя невеста, да».

– Черт! Лила, ты что ли? – Барбара перевела, и я повторил ее слова, свои слова на лютском: – Что ты вытворяешь?

Под унгольским зеленым одеялом девочка прижималась ко мне плотно, всем телом. Запасной спальник, который я дал ей, валялся рядом пустой и смятый. Голова девочки нависла над моим лицом, из-за зеленоватого уха свис рыжий локон и защекотал кончиком мне ноздри.

«Я просто шептала приворот, чтобы ты полюбил меня, да».

Она потерлась острыми коленками об мои бедра. Второй день мы углублялись в знойные и душные даже ночью степи, поэтому раздевались перед сном. Рука Лилы скользнула по моей голой груди. Кровь прилила в низ живота.

– Прекрати! Слезь с меня! Так нельзя!

Нельзя приворожить, шепча в ухо. То ли дело дурацкая «сыворотка».

Лиля повернулась так, чтобы луны смотрели нам в лица. В ее глазах задрожало отражение рыже-красных углей костра. Странные бледно-розовые векторы плели узоры вокруг детского лица.

«У меня набедренная повязка сбилась».

Из моего носа чуть не выстрелил фонтан крови. Она всего лишь ребенок, ребенок.

– Так натяни ее обратно и ползи в свой спальник.

Лиля глянула куда-то в сторону: «Из-за них мне страшно спать одной».

Луны ровно освещали выжженную равнину с буро-желтыми холмами. Травы, камни, редкие деревья, – всё, кроме напряженных лиц Маны и Дарсиса. Будто на их щеки, подбородки, скулы, губы света падало больше, чем на всю степь. Блекло даже пламя костра рядом.

Лежа поверх спальника Дарсиса, Мана то ли обнимала, то ли держала его. Ананси шипел, стиснув зубы. Мана пела

успокаивающую мантру ему в ухо. Как всегда в такие минуты, остальной мир их не волновал.

«Почему Синие уши и Мана так странно занимаются любовью? – спросила Лила. – Они извращенцы?»

Не они, стал понимать я, глядя в бесстыжие детские глаза дикарки.

– Иди в свой спальник.

«Но я боюсь...»

– Можешь лечь ближе ко мне, но только в спальнике.

«Но сон будет крепче, если я буду касаться кожей кожи своего спасителя. Вот так касаться...».

– Что ты делаешь? Нет, не смей... А-а-ах...Боже...аххх! То есть, черт! А-а-ах... Дважды черт! А-ахх...

«Трижды! И, по-моему, больше похоже на маленьких белых ангелочков, да.

– Быстро вылезай! Вылезай!

«Моего спасителя так заводят прикосновения женских рук. Прямо как мальчика».

– Быстро!

«Да пошла, пошла...»

Задолго до рассвета мы собрались и двинулись вглубь загорелого травяного моря. Едва восток улыбнулся нам в спины первой полоской света, пожухлая трава засмеялась, заблестела росой. Нас окружали бирюзовое небо, холмы, дымчатая даль – но я не видел степь. Не ощущал, как застывал

воздух. Я шел по дикому бурьяну и в тоже время вместе с Юлей стучал зубами в морозильной камере. Гертен все еще испытывал дочь перед тем, как убить ее.

Я сказал, что знаю, все знаю. Она молчала. Я кричал, предлагал выходы, взывал к ее разуму, обзывал «дурой», и «обмороженной», и еще как-то, умолял, рычал. Она молчала.

И когда я, бестелесный призрак, ляпнул-подумал: «Какого черта, Юля? Да пошла бы ты», – она посмотрела прямо мне в правую бровь и сказала:

– Нет, Стас, это ты шел бы.

Тихо, очень тихо. Корки льда на стенах блестели, как омытая росой степная трава в тысячах лигах отсюда.

– Передавай привет отцу, – сказал я. И связь оборвалась.

Мать вашу! Я снова топал под опрокинутой чашей неба. Роса уже испарилась, степь вся поникла под тяжестью солнца.

Мана скользнула взглядом по моему лицу.

– Что случилось? Привидение увидел?

– Близко, но нет, – сказал я. – Так, чету дьяволов.

Мана ускорила шаг – подальше от моих «лестных» реплик. Впереди на склоне Лиля обернулась и подмигнула мне. Напрягла голые икры – тонкие, сильные, как у бегуни на длинные дистанции. Вот еще коварный дьяволенок. А ведь не старше Лены.

К сестре я больше не проваливался после того, как ее

связали и усыпили эфиром. Вопросы, мучали вопросы. Кто схватил Лену? Сколько у меня времени? Жива ли она?

К полудню в траве закрипели кузнечики, жуки, сверчки. Под боком очутилась Лиля, девочка что-то верещала, Барбара что-то переводила.

Я резко остановился.

– Странное мрачное чувство.

«Похоть?» – обрадовалась Лиля.

– Что? Нет! – я огляделся и обомлел. Далеко на востоке, где небо сходилось с землей, ползли гирлянды из полупрозрачных шаров. Сотни пучков векторов. Сотни индейцев. – Похоже, где-то рядом крупная распродажа.

Когда я предупредил Дарсиса и Ману, далекие холмы накрыла тонкая бурая полоса.

– Пыль от копыт, – сказал Дарсис. – Скачут прямо на нас. Раз они верхом, нам не сбежать.

– Зачем им мы?

– Не мы, – сказал Дарсис и остро глянул на Лилу: «Выкладывай, дикарка».

От испуга у Лилы из кожи возле пупка полезли коричневые аксамитовые нити.

«Сам ты – дикарка, Синие уши. Я – дочь вождя. Награда, что алчут тысячи мужчин, да. Мечта принцев».

– Бросим ее тут, – решил ананси.

На лимонно-желтые глаза девочки навернулись слезы.

«Спаси-и-итель», – жалобно позвала она понятно кого.

– Что ж, надо так надо, – вздохнул я, подыгрывая убийце и надеясь, что тот не всерьез.

Лила вмиг прекратила плакать.

«Принц Форнех все равно не прекратит погоню. Он не простит вас за то, что вы отобрали его добычу, – лукавый взгляд в мою сторону. – За то, что играли с его игрушкой, да».

Мана подозрительно посмотрела на меня. Просто чтобы не спалиться, запел про себя: Я тучка, тучка, тучка, я вовсе не растлитель маленьких зеленокожих девочек.

Дарсис заскрипел зубами. Загорело-синяя рука скользнула по кобуре со смертопушкой.

«Я не буду больше повторять, *дочь вождя*».

Вздвогнув, Лила затараторила. Сексуально-женственный голос Барбары почти глушил детский:

«Бедняки-мизгоры тайком похитили меня. Они жаждут заполучить богатые земли тенетников. Наши уголья, наши водоемы, да. Брак принца и принцессы объединит два племени, даже вопреки воле одного из них. Мы породнимся. Если я рожу дитя от Форнеха, грязные мизгоры смогут пасти своих тощих геккондов на наших пастбищах. Свататься к нашим дочерям, да. Испражняться в наши реки, да».

Дарсис кивнул и сказал:

– Бросим ее, – убийца поднял руку прежде, чем я что-то сказал. – Для мизгоров она всего лишь краденая вещь, драгоценная безделушка. Ее будут беречь. Если возьмем с

собой, в драке ее могут зацепить стрелой.

Лила уперла ладони в бока.

«Синие уши, я останусь только, если ты переломашь мне ноги, да».

Дарсис хмыкнул.

«Смотри, дочь вождя, не сломайся сама».

Мы побежали по холмам и долинам. Музыка насекомых в траве притихла. Словно наступил антракт перед финальной частью рок-концерта.

Только ближе к вечеру Дарсис разрешил краткую передышку в тени одинокого высокого дерева, похожего на родной тополь. Мы попадали без сил и растянулись на колючей траве.

В разросшемся буром облаке на востоке сверкали редкие белые крапинки.

– Подзорные трубы, – сказал Дарсис. – Купили или украли у унголов. Нам не скрыться.

Мана завязала хвостом взмыленные волосы. Лила сидела на земле и наматывала поверх повязок на груди и бедрах свежие аксамитовые полосы. Блестела мокрая зеленая кожа на тонких руках и ногах. На жилистом животе.

Я тучка, тучка, тучка...

– Лила, тебе, на самом деле, лучше остаться, – вдруг сказал я. – Когда мы покончим с погоней, то расскажем твоему отцу, где ты. Уверен, твое племя тебя спасет от брака с принцем.

Не вставая, девочка подвинулась ближе ко мне.

«Когда доберемся до моего племени, отец подарит нам с тобой большой *викшюп*, жилище. С крышей из толстого тростника – закрыться от солнечного жара, и с ложем из бизоньих шкур, – разогреть наш собственный. Подарок только нам двоим, – она косо глянула на Ману. – Будем наслаждаться бессонными ночами вместе».

– Э-э-э... ты так «нет» говоришь?

«Скорее – «ни за что»».

Теперь впереди неслась Мана. Дарсис то и дело останавливался и припадал синим ухом к земле. Тянулась выжженная равнина, быстро темнело знойное небо, промелькнула над головами тень далекой птицы. Полночь застала нас в мыле возле низких кустов с высохшими ягодами.

Лила вдруг засмеялась и прыгнула в сухие ветви.

«Хвойник!»

Пришлось остановиться. Дарсис снова приник лицом к земле – послушать, насколько близко орда индейцев.

Назад Лила вылезла с горстью ядрено-красных ягод в ладонях.

«Открой ротик».

– Давай без этих вот игр, – попытался я соорудить строгого взрослого, но она тут же всунула три ягоды мне между губ. Кисловатая мякоть расслабила сухую глотку. Забывшись, я зачмокал языком. Вот он, рай.

«Лила, почему первому ты дала ягоды этому дурню?» –

Мана сверлила меня взглядом.

«Потому что он мой...»

– Да просто потому что я не черный как некоторые, – ляпнул, чтобы опередить малолетнюю бесстыдницу. Легкий поворот головы Маны – и я уже почему-то распластан у ее ног. Темные ладони заламывают мое предплечье.

– Ах, так и знала: ты чертов расист!

Ладони Лилы с ягодами протянулись над моим лицом.

«Возьми, все возьми – только не обижай моего будущего мужа».

Мана так офигела, что разжала ладони.

«Зачем тебе выходить за такого болтуна?»

«Он у меня первый...»

Это слово подействовало на Ману, как старт-сигнал в БД-СМ. Бразильянка прыгнула на меня, топча и избивая.

– Гребаный извращенец! Растлил маленькую девочку! Я тебя!

– Да нет, Мана! Нет! Ай, только не по коленям – еще же бежать.

– Уговорил. Вот тебе по бесстыдной роже!

«Он первый, кто заступился за меня», – звенел в ушах голос Барбары.

– Слышала? Я не извращенец, я – просто хороший парень. Убивать хороших парней – грех. Так в Библии написано, честно! Песнь Соломона, пятая сура!

– Ну и врун же ты! Из сур состоит Коран!

Спас убийца: велел всем заткнуться, а то топот дикарей не слышно. Потом ананси выругался.

– Упрямые – даже на ночлег не останавливаются, хотя нам и так и так деваться некуда.

Дарсис повел нас крюком, по гряде крутых холмов. Авось пара-тройка гекконодов ноги подвернут, понадеялся убийца.

На восходе далеко впереди осветились каменные руины на вершине плоского холма.

Лила сказала, что это место – остатки древнего города Гирго, воздвигнутого еще до того, как Синие уши зажгли Огненный столп на востоке.

– Там и примем бой, – решил убийца. Сейчас никого из нас не интересовала забытая древность. Каждый сейчас жил мгновением. Каждый хотел выжить, чтобы вдоволь поспать.

Мы не останавливались. В хвосте пыли позади уже различались отдельные силуэты всадников. С этой минуты длина наших жизней исчислялась в часах.

Лила споткнулась о булыжник или череп зверька в траве. Мана подхватила девочку, удержала на усталых ногах.

«Я могу бежать, я могу...» – слезы потекли из желтых глаз.

– Тише, тише, – Мана вытерла пальцем мокрый нос девочки. – Дарсис, остановимся ненадолго?

Убийца дал пятнадцать минут. Мы пили воду и разминали конечности. Мана сделала Лиле массаж икр. Девочка не отрывала горящих глаз от темного лица бразильянки.

«Мана, ты неутомимая как ветер! Твой отец точно могучий воин, раз взрастил такую крепконогую дочь»

Мана отвернулась.

«У меня нет отца, нет семьи».

«А Синие уши? Кто он тебе?»

Бразильянка пожала плечами.

«Что нужнее для жизни: солнце или воздух? Вот это он и есть».

«О, как я понимаю! Когда мой будущий муж спас меня, я решила, что всегда буду с ним. Особенно в постели, да».

Мана глянула на меня. К моим щекам прилила кровь. Я тучка, тучка, тучка, я вовсе не жених малолетней бесстыдницы.

«Видимо, твой будущий муж – хороший человек, хоть и извращенец, – неожиданно сказала бразильянка. – Пусть мысль о нем придаст тебе сил».

«Да, да!»

Из последних сил мы рванули к длинной галерее колонн на холме. Там есть шанс, вдруг сказал Дарсис на последнем километре. Там есть надежда, подумал я.

Колоннада из серого камня уходила к цепи кривых курганов. Мы не пошли дальше расколотой террасы на краю вершины холма. Внизу на травяное море накатывали волны из зеленых индейцев, скользких чешуйчатых животных и острого металла. Не меньше пятисот, считал убийца-ананси число своих будущих жертв. Может, уже завтра Дарсиса

прозовут Красным убийцей *тысячи*. Но, скорее всего, сегодня мы просто умрем.

Я поднял ладонь к лицу.

– Снова то же странное чувство.

«Прямо сейчас? – удивилась Лила. – Ну ладно. Мне раздеться?»

– Не вздумай! – я указал пальцем на юг. – Там еще ллоты, в половину меньше чем этих.

«В той стороне земли тенетников, – вскричала Лила. – Отец!».

Среди буро-желтых холмов едва различались клубы пыли.

– Не успеем добежать, – сказал Дарсис. – Мизгоры слишком близко.

Между разбитых колонн уже гуляло тихое эхо топота и рева геккондов.

– Успеем, – сказал я. – Если кто-то останется их задерживать.

Дарсис смотрел мне в глаза ровно три секунды.

– Мануэла и дочь вождя бегут за помощью, – сказал убийца. – Я и умник остаемся.

– Что? – вскричала Мана и я увидел черные векторы злости на ее лице. – Нет, я остаюсь, пусть Стас бежит с Лилой. Я сильнее его! И из нас двоих только я готова на... на все ради победы.

Я отвернулся. Ради победы или ради одного убийцы?

– Ты будешь спорить со мной? – сказал Дарсис очень тихо,

но мои колени сразу задрожали. Слезы набежали на глаза бразильянки. Мана выпалила:

– Я твой щит.

– Сейчас мне не нужен щит, – обрубил убийца. – Мне нужна большая огневая мощь. Я – амбидекстр, обоерукий и буду стрелять из грави- и бозпушек одновременно. Умник – сам по себе дальнобойное оружие. Ты не у дел.

– Но...

– Хватит скулить. Я отдал приказ.

Мана опустила голову. Глаза ее блестели как никогда, темные губы дрожали.

– Так точно.

Черные векторы растаяли, на их месте из воздуха соткались другие – тускло-розовые. Те же самые, что плели узоры вокруг лица Лилы, когда она лежала со мной под одеялом. Теперь розовые плети окутывали Дарсиса и Ману, соединяли их в одно целое. Я не мог читать этот цвет.

Лиля коснулась моей ладони. На детском лице играл оскал волчонка.

«Убей их всех, да!»

– Не будь такой кровожадной.

«Ладно, – дочь вождя постаралась мило улыбнуться. – Тогда убей половину. Может, остальные испугаются и разбегутся?»

Я покачал головой, сжал зеленоватую ладошку. Розовые векторы танцевали на сухой коже.

– Напугать их всех – это я обещаю.

Лила скорчила мину.

«Ну, хотя бы убей сколько нужно, чтобы ты выжил», – она вдруг приникла к моей ладони губами, чмокнула, и рванула, не оглядываясь, к далеким клубам пыли. Через секунду ее догнала Мана.

Я разглядывал гримасы пока еще далеких индейцев, а Дарсис тем временем искал шаткие каменные колонны и валил их. Гравиволны быстро перекидывали вытянутые глыбы вниз, нагромождали поперек склона четыре завала друг за другом. На склонах по бокам от завалов ананси разбросал осколки напольных плит и битые камни. Теперь враги слезут с седел – потер руки убийца. Глаза его блестели. Черные искорки в медово-желтой глубине.

Хотя бы животные не пострадают, искал я хоть что-то хорошее в скорой бойне.

Мы засели за третьим от подножия холма завалом. Четвертый был запасной – чтобы отступить, когда прижмут.

Сотни копыт грохотали в нескольких километрах от руин. Горланили индейцы, фыркали звери. Мы молча изучали косые линии копий, уже вскинутых для бросков. Дарсис поднял обе пушки. Костяшки синих кулаков обтягивали алые шипастые ленты.

– Почему ты не вернулся в Адастру? – вдруг спросил убийца.

Я снова ощутил грязную тряпку на лице, вдохнул дурманящий запах эфира. Испытал страх за сестру. Руки и ноги сдавили призраки колючих веревок.

– Я испугался, – бросил я. Секунду Дарсис удивлялся – выдавали слабые оранжевые векторы.

– Лучше бойся сейчас, умник, бойся как никогда не боялся, и твой страх спасет нас.

– Услуга за услугу, убийца, – сказал я. – Тебя не убивают – ты не убиваешь.

Дарсис лишь крепче стиснул рукоятки пистолетов.

– Сегодня из тебя выбьют эту карамельную чушь. В любом случае.

– Не прикидывайся пустополым солдафоном, – я смотрел, как индейцы приникли к чешуйчатым гривам геккондов в последнем рывке. – Слепому видно: ты не позволил Мане остаться вовсе не из-за какой-то дурацкой огневой мощи.

– Правильно, в драке я отвлекался бы на Мануэлу. На тебя же отвлекаться будет, – он вдруг оскалился, как волк, обли-тый синей краской, – некому.

Первые индейцы достигли подножия холма, дернули тетивы на луках. Я закрыл голову руками, упал на колени. Не дрогнув, Дарсис выстрелил из обеих рук.

– Правильно, умник, – бойся.

На полпути к нам тучи стрел развернулись, метнулись обратно. Индейцы с криками попадали с седел. Из голых зеленых торсов торчали короткие древки с перьями. Индеец,

что скакал впереди, стонал в траве, хватаясь за обожженную грудь. Гребаная бозпушка. Но почему не превратила в грязную лужу?

Дарсис высился надо мной с блестящим от пота лицом – как свежеевыкрашенный идол.

– Даже не думай, – прошипел он. – Просто берегу заряд аккумуляторов.

Я поднялся на дрожащие ноги. От гомона, криков и плача мизгоров кружилась голова.

Следующая волна индейцев рассыпалась по склонам холма. У груд разбросанных камней мизгоры спрыгивали с геккондов и бежали вприпрыжку. Навстречу им летели гравиволны и потоки бозонов Дарсиса. И мои страхпули. Как только сверкающие серые сферы всасывались в зеленую кожу, индейцы падали и визжали. Кто-то пытался выцарапать себе глаза. Часть страхупль зацепила оставленных геккондов. Звери бешено понеслись по склонам, врезаясь копытами-когтями в собственных хозяев. Индейцы плакали и возносили руки бирюзовому небу. Не слушая, кони скакали прямо по их лицам. Сломанные копья, обмякшие тела, лиловые брызги. Скольких я убил?

С самого верха солнце разглядывало то, что я натворил. Мой переход на Темную сторону.

Знойный воздух разорвал единый утробный клич сильных глоток. Клин из десятка индейцев метнулся напрямик через завалы. Дарсис ошпарил их потоком бозонов. На то-

щих телах раскрывались страшные лиловые раны, но эти индейцы даже не замедлились. С воплями боли, с потоками слез на искаженных лицах они мигом перелетели все три завала. Точно боевая элита племени. Спецназ апачей. Могучие, но бессильные – неостановимый поток бозонов испарил мускулы на их руках. Шипастые кулаки Дарсиса обрушились на их головы.

Над склонами закружила густая пыль. словно земля смешалась с воздухом. Из бурой пелены выныривали все новые индейцы. Жилистая рука чуть не вонзила коричневый аксамитовый нож мне под ребра. Я поймал руку и сломал в суставе. Больше она никогда никого не ударит.

В то же время губка палила страхпулями как из автомата. На краю моего слуха щелкали пушки Дарсиса. Я развернулся, нырнул под взмах копья индейца. Мои руки коснулись земли, чье-то упавшее копьё скользнуло в пальцы. Я хлестнул древком по ноге индейца. Он упал, я снова ударил туда же, едва слышно раскололась коленная чашечка под зеленой кожей. Я поднял голову. Что-то острое ужалило меня в лоб.

Я упал на горячие камни. Тени закрыли солнце, заливавшая глаза кровь закрыла тени. Мысли спутались. Все, конец?

В темноте замигали красные звезды. Я потянулся к звездам, и они привели меня в лабиринт стальных коридоров. Серебряный свет скользил по стеклу иллюминаторов, обрамлял ее лицо. Она глядела на мою голову и дрожащими губами говорила:

– Что с тобой? Это кровь? Кровь на лице?

Кровь, кивнул я. Да не там. Я показал ей прозрачные ладони. Много лиловой крови.

Она кинулась ко мне, но звезды забрали меня обратно в темноту.

Глухо ударило рядом, еще раз, кто-то закричал. С трудом я поднялся на четвереньки, кто-то подхватил меня под плечо, протащил куда-то чуть не волоком. Раскалывающуюся голову обтянула тугая повязка. Кровь прекратила течь на глаза, и я сморгнул ее с век. Красный конец повязки свисал вдоль лица до щеки.

Сидя за грудой камней, Дарсис стрелял по индейцам. Позади нас в степь тянулась серая колоннада.

Убийца оттащил меня за четвертый завал.

– Здор... здорово тебе вмазали, – сказал я, коснувшись аксамитовой повязки на лбу.

– Что-то сказал? – бросил ананси между выстрелами.

Я подполз к завалу и прислонился к гладкому камню.

– Сказал: вмазали тебе здорово. Бедняга! Враз позабыл, что на меня некому отвлекаться. Походу, тяжелой дубиной заехали?

– Хм, – Дарсис спрятал голову за завалом – стрела звонко стукнула по камню, – потом вдруг улыбнулся. – Походу.

Какое-то время он отстреливался, я пытался пополнить запас страхпуль. Но я не боялся. И не злился. Одна пустота в голове.

Индейцы ринулись вперед, словно тучи саранчи, с воплями преодолевая три завала и груды камней. Гравипушка швыряла их со склона, бозпушка жарила как гриль. Все равно избитые, опаленные мизгоры наступали. Дарсис весь выгнулся как перед прыжком.

– Хочу чтобы ты знал: я собираюсь убить всех дикарей.

– Хочу чтобы ты знал: когда все закончится, я крепко врежу тебе за это.

– Хочу чтобы ты знал: я ошибся. Ты навсегда останешься болваном с карамельной чушью вместо мозгов.

Заревели трубы. Индейцы вдруг попятились от нашего завала – в тыл им вонзились новые зеленокожие воины с лиловыми перьями в волосах.

– Дочь вождя подросла, – сказал Дарсис. – Пробиваемся к тенетникам.

Шатаясь, я побежал за ним вниз по коврам мятой, стоптанной травы. Ноги спотыкались о камни и неподвижные тела. Из-за поваленной колонны выбежали истрепанные враги, окружили нас. Их тут же опрокинули набежавшие сзади тенетники, копыя пригвоздили мизгоров к земле.

Бородатый тенетник в нагруднике из костяных трубок шагнул к Дарсису, схватил его за плечи и крепко обнял. На рыже-седых кудрях качнулся шикарный венец из лиловых перьев, когда бородатый что-то проревел. Барбара перевела:

«Зять мой! Братья, глядите, какого статного витязя избрала дочь!»

Тенетники вокруг одобрительно загудели. Отец Лилы отпустил Дарсиса и глянул на меня:

«А это что за светлокожий зверь?»

Тенетники вылупились на меня.

«На ездовую тварь не похож – всего две ноги».

«Глаза белые-белые, точно у той угольной спутницы принцессы Лилы».

Один воин в летах почесал седую бороду.

«Сказывают, в непроходимых лесах за южными морями обитает чудный белокожий ареоп с хвостом. Обезьяном звать».

«Это жених вашей дочери», – без обиняков бросил Дарсис. Тенетники аж пошатнулись. Воин в летах схватился за сердце.

«Куда они бегут?» – спросил я.

Внизу мизгоры скакали по равнине на юг, обтекая холм с руинами и отряды тенетников.

Вождь побледнел, и я понял: к Лиле.

Свита вождя бросились к своим геккондам, оставленным у подножия. Я и Дарсис запрыгнули за спины к двум всадникам. Вслед за вождем сотни тенетников рванули через долину сквозь тучи пыли.

Волна разъяренных индейцев с лиловыми перьями ударила в спины мизгоров. Мир содрогнулся от грохота падающих тел. Вдали от поля битвы над травами пронесся пучок розовых векторов. Я крикнул, но никто не услышал. Вождь,

его свита, Дарсис – все затерялись среди врагов и друзей. Я спрыгнул с крупа гекконда и погнался за розовыми векторами.

Принцу Форнеху незачем родниться с богатым племенем через брак с Лилой. Кровь тенетников и мизгоров уже смешалась на этой истоптанной земле.

Острая сталь сверкнула справа. Я отбил ладонями копьё, коснулся горла нападавшего. Тот закатил глаза и рухнул. Еще одному индейцу я проломил кулаком ребра. Другому сломал руку – в трех местах. Третьему – ключицу. Четвертый долго не ляжет в постель с женой. Пятый никогда больше не будет ходить без костылей. Шестой всю жизнь будет шепелявить – в траве валялась половина откусанного им же самим языка при ударе в челюсть.

Ни страха, ни гнева – если бы я испытал хоть что-то, то перестал бы калечить. Валил бы индейцев на расстоянии. Ни единой страх – или гневпули. Выжатая губка. Выжатый я.

Когда я прорвался в широкую ложбину, пологие склоны приглушили рев битвы. Внизу ползло облако пыли, внутри него скакала Лила. За девочкой гнались три мизгора и пучок розовых векторов.

Лила заметила меня и повернула навстречу. Мизгоры настигали ее. Я испугался за Лилу. Прикусил губу до крови.

Моя сила вернулась.

Через покрывала земли и травы я метнул серые сферы страха. Мизгоры рухнули под копыта геккондов. Один под-

нялся и в странном розовом облаке побежал за Лилой. Он дрожал, шатался, но не останавливался. Костяные доспехи белели на его груди и шее. Кто-то знатный. Принц Форнех?

Лиля достигла моего склона. Спрыгнув с седла, девочка протянула мне лук и стрелу.

«Любовь моя, накажи мерзавца, да».

Я отвернулся и метнул еще одну страхпулю в мизгора в доспехе. Вопя, принц осел в траву. Розовые вектора вспыхнули ярче, мизгор упер руки в землю и пополз на коленях. Взгляд его не отрывался от Лилы.

Девочка сунула острый наконечник стрелы мне под нос.

«Он хотел забрать меня у тебя!»

Я попятился.

– Если я откажусь брать эту штуку, ты что, воткнешь ее мне в ноздри?

Лиля округлила желтые, как два цыпленка, глаза.

«О чем глаголет мой жених? Это мужчины втыкают свои штуки в своих женщин, да».

Мой правый глаз задергался.

– Да как ты опять умудрилась свести все к пошлостям?

Лиля натянула тетиву, быстро накинула на нее стрелу. Движения были отточенные, четкие.

«Тогда позволь самой прибить гада. Потом украсим его скальпом стену нашего викиюпа, любимый».

Я схватил ее руку. Лиля подняла голову.

«Любимый?»

Из-за левого склона вылетел седой всадник. Он метнулся к ползающему индейцу. Гортанный крик. Следом плавный, бархатный голос Барбары в ухе:

«Принц, нас разгромили. Отступаем!»

Всадник спрыгнул на землю, схватил принца поперек туловища. Тот слабо боролся, но всадник, не замечая, словно отец непослушного спиногрыза, перекинул принца через круп зверя. Вскочил в седло, понесся в золото-бирюзовую даль.

Розовые вектора сверкали длинным шлейфом за ними.

Ладонь Лилы напряглась под моей.

«Я пока еще достану его. Позволь».

У меня перед глазами на борту ванны сидела голая Юлия. На голубой коже кровоточили лиловые ожоги. Мокрое обваренное лицо – лицо мертвеца, у которого отобрали будущее. А вокруг этой страшной маски сверкают розовые вектора. Вся ванная наполняется розовым блеском.

Цвет, который я раньше не мог видеть. Потому что только вчера отказался от самообмана. Потому что наконец признался себе: я убил свою любимую.

– Этот принц тебя любит, – сказал я. – Лила, сколько погибло сегодня... пощади хотя бы любовь.

Лила нехотя опустила лук, надула губы.

«Жена должна подчиняться мужу, – она глянула на далекие фигуры. – А того седого можно пристрелить? Он же меня не любит?»

– Э-э... нет вроде, но лучше поспешим к твоему отцу.

Лида вела гекконда, я сидел позади, держась за нее. Талия девочки почти полностью скрылась в моих ладонях. Вдобавок Лида то и дело привставала в стременах, подвигая ягодицы плотнее ко мне.

Ох, я тучка, тучка, тучка, я вовсе не легко возбудимый подросток.

Лагерь тенетников пустовал. Мы обогнули десятки пленных мизгоров, привязанных к вбитым в землю железным стержням. Хор проклятий летел вслед.

«Гребаный белоглазый дьявол!»

«Чертов колдун!»

Толпа тенетников текла в лагерь. Грязно-черные макушки Дарсиса и Мана маячили среди рыжих голов. Двое индейцев несли носилки, сделанные из копий и тряпок. На них лежал бледный отец Лилы. Из его подмышки сразу за кромкой косяного доспеха торчало древко стрелы.

Спрыгнув в траву, Лида бросилась к отцу и заплакала, прижавшись к его ногам. Вождь погладил дочь по пыльным рыжим кудрям.

«Будет тебе».

Рядом плакала Мана.

«Это была *меу*, моя стрела! Моя! Почему он закрыл меня?»

Вождь блекло улыбнулся.

«Дочка, ведь ты спасла кровь от крови моей. Отныне все

вы трое моя семья, да».

Мана дернулась, закричала:

«У меня нет семьи! Нет!»

Тенетники вокруг схватились за копья, но вождь протянул ладонь к лицу Маны.

«Ну-ну, – зеленые пальцы вытерли мокрые щеки бразильянки. – Конечно, есть. Ты – моя дочка, – вождь подмигнул мне, – Хоть я и не знаю, что за неведомые зверушки вы двое».

Мы двинулись к лагерю. Мана и Лила не отходили от вождя. Дарсис посмотрел на меня.

– О, так ты не истек кровью.

– О, так ты не убил всех «дикарей», – хмыкнул я. – Силенок не хватило или просто ребяг пожалел?

Голова резко закружилась. Я коснулся рукой лба. Сухая корка запекшейся крови кольнула пальцы. Куда делась аксамитовая тряпка? Уже растворилась?

– В следующий раз дам тебе повязку посвежее.

– Только не ту, что носишь вместо трусов, – сказал я и сел в траву. Замотал головой, пытаясь прогнать рябь в глазах. Не хочу опять в темноту, к красным звездам. Не хочу опять к ней.

– Умник, давай руки. Сейчас перекину тебя через седло.

Я упал, колючая трава защекотала нос. В глазах все же потемнело.

Наверное, поздновато спрашивать, но почему я так часто

падаю в обмороки? Как будто мы в третьесортном подростковом романе, и автор-дилетант не знает, как еще по-быстрому закончить главу.

Глава 22

Я очнулся в просторном шатре из тростниковых циновок. Абсолютно голый, не считая повязок на голове. Густой мех черной шкуры под телом щекотал кожу. Одежда не было. Лила сидела у дымящегося очага, расчесывая свои морковно-рыжие волосы. Глаза-цыплята глянули на меня. Я свел колени вместе, закрыл руками, что можно было закрыть от этих желтых зондов.

«Любимый, готов порепетировать брачную ночь?»

– Отвернись! И дай мне чем-нибудь прикрыться!

«М-м-м... Ты так «нет» говоришь?»

– Скорее – «ни за что»!

Лила принесла мне суконное покрывало, а когда я в него весь завернулся по плечи, заметила, что всё уже видела. Игривый взгляд. «Всё уже трогала, да». Я подскочил на месте чуть ли не до дымового отверстия в тростниковом потолке:

– Прямо всё-всё?

«Прямо всё-всё. И даже больше, да».

– Что? Больше, чем всё-всё?

«Да, намного больше, чем всё-всё».

– Но зачем ты трогала мое всё-всё и даже намного больше, чем всё-всё?

Девочка пожалала тонкими русалочьими плечиками.

«Чтобы смыть пыль и пот, да»

– А!

Коварная улыбка расцвела на ангельском личике.

«Но мой скромный жених никогда не сможет проверить, только ли за этим, да».

Я тучка, тучка, тучка, я вовсе не лузер, который валялся в отрубке, пока его лишали девственности.

Голова все еще кружилась. Только пытался выпрямиться – обратно плюхался на черные шкуры. Приходилось отлеживаться. Иногда в теле поднимался жар. Лила ухаживала за мной, поила водой, подогревала на очаге вкусную похлебку.

Лила рассказала, что этот викиюп в самом центре становища племени выделил ее вождь-отец Гудэхи. Бабушка Зоча ждет не дождется, когда я поправлюсь и смогу с ней встретиться. Ага, отзывался я, глотая сытную густую похлебку. Тоже не дождусь.

Вскоре навестила Мана. Лила оставила нас вдвоем.

– Вскружил девочке голову! – сразу накинута бразильянка, пропустив вступление в виде обнимашек, града поцелуев и «Как я рада, что ты *виво*, живой!». Ну и ладно, не очень-то и хотелось. – Когда ты уже признаешься, что и не думал на ней жениться?

– Когда пойму, что ее вождь-отец не нашпигует меня стрелами за честность.

Смуглая рука коснулась повязки на моей голове.

– Давно ты перестал доверять людям?

И это говорит замкнутая подружка массового убийцы!

Надо взять у отца Лилы пару уроков искусства очарования.

– Еще с тех времен, когда ты выхватывала у меня изо рта кусок пиццы, а сама уминала в своей комнате бидон мороженого.

Легкий щелбан по повязке. Ай-й-й-й!

– Я хотела, чтобы ты стал сильным, – Мана положила руку на мое голое плечо. Сухая жесткая кожа ее черной ладони обжигала. – Прости за то, что там, на руинах, сказала Дарсису, будто ты слабее меня.

– Забей, тогда было не до обид по пустякам.

– Мне все равно, обиделся ты или нет, – взбрыкнула Мана, – я извиняюсь за то, что соврала! Ты не слабее меня! Поняла, принцесса?

Я схватил ее руку на моем плече.

– Почему даже когда ты хвалишь меня, орешь так, будто твои чумазные ладони чешутся намылить мою шею?

– Чумазные? Ты гребаный расист!

Мана попыталась отшатнуться, но я дернул ее к себе. В темных глазах сверкнули грозные молнии. Странные розовые молнии. Боже! Нет, нет, только не ты. В лучшем мире, в какой-нибудь Нарнии или Хогвартсе, возможно. Но не на чертовом Люмене, где я подвел всех близких людей.

Прежде чем я понял, что творю, сгреб Ману за плечи и обнял ее. Бразильянка опустила подбородок на мое плечо, а я уткнулся лицом в ее распущенные волосы, тяжело дыша. От нее пахло нагретой солнцем землей. Меня прорвало тем,

что давно грызло душу:

– Я больше их не чувствую. Ни одну. Они обе мертвы?

Бразильянка помедлила секунду:

– Возможно.

Такая она, Мана.

– Что ж, – я пришел в себя, разжал руки. Но теперь Мана сама прижималась к моей шее. – Убийца может зайти.

– Вряд ли, – она покачала головой, не отпуская. Ее нос поскребся об мою кожу. – Думаю, Дарсиса раздражает.

– Что я плетусь за вами?

– Скорее, что ты начинаешь нравиться ему.

– Ух, – я вдохнул запах знойной степи с ее волос. – Так тебя все же заводит идея, как мы резвимся втроем?

Она опрокинула меня на шкуры. Темный румянец окрасил ее щеки.

– Долбаный извращенец, прекрати уже!

Я засмеялся.

– Я всего лишь подросток!

– Не обольщайся. Ты – грязный-грязный извращенец, – она прижала мои руки к полу и низко наклонила свое лицо к моему: глаза к глазам, губы к губам. – Поцелуй меня.

Ее полные губы дышали жаром амазонских тропиков. Розовые вектора танцевали румбу на наших лицах. Я отвернулся к очагу. Только не ты, Мана.

– А ночью ты опять ляжешь в спальник к Дарсису?

Безмолвный воздух взревел. Я не отрывал взгляд от дров

в очаге. Она отпустила меня. Быстро побежала к выходу из викиюпа. Тростниковая занавеска хлопала по воздуху вслед ей.

Прости, Мана, прости за игру в ревность. На самом деле я просто хочу спасти себя от новых утрат.

Еще до вечерних сумерек я выполз из прохладного викиюпа. Минуты не прошло, как Зоча, Великий Мастер-ткачиха, водила меня между рядами деревянных ткацких станков. Милая румяная старушка крепко держала меня за руку – «Тут легко потеряться, я сама все время забываю, с какой стороны растет мох на станках: с южной или восточной» – и весело щебетала о разных способах плетения тканей. Купольный потолок огромного кожаного викиюпа шелестел над головами. Снаружи выл ветер, от буйных порывов дрожали тряпочные стены вместе с вывешенными на них яркими гобеленами.

Стада лохматых овисов ценились выше сокровищ из-за их малой плодовитости. Зоча рассказывала, что сукно для одеял и ковров обязательно нужно валять. Тогда на ткани всплывает пушистый ворс, повышая защитные свойства полотна. При каждом шаге на тощей шее старушки качались красные деревянные бусы, тихо постукивая друг о друга. Было очень интересно. Я всего четыре раза зевнул тайком в ладошку.

Среди полотен с яркими узорами мне в глаза бросилось

одно. Яркая серебряная ткань с редкими золотыми нитями сверкала в тени высоких стен. Словно одна из трех лун упала с неба точнехонько в дымоходное отверстие викиюпа. Глаз не отвести.

Старушка тоже глядела на серебряное чудо. В глубине мутных глаз прятались черно-красные вихри боли. Великая Мастер-ткачиха сказала что-то без прежней веселости.

«Мех слейпнира, – перевел всегда эротичный голос Барбары. Уверен, в ее озвучке даже инструкция по установке гипсокартона разгонит кровь в низу живота. – Все, что осталось от Наследия Севера».

Старушка замолчала, но и дальше не шла. Я понял, что сейчас очередь моей реплики.

– Севера? – достаточно ли любопытства прозвучало в голосе?

Зоча коснулась крючковатыми пальцами плетеного края серебряного полотна.

«До того, как Синие уши воздвигли на востоке Огненный столп, мы славились на весь свет как богатый, великий северный народ, – старушка мечтательно закатила глаза. – К нашим девушкам сватались чужеземные вожди, ярлы, короли. Все благодаря восьмикопытным слейпнирам, Гонцам небес. За одно мгновение наши величественные предки пересекали бескрайние снежные просторы. Ледяные скалы, голые пустоши, высокие белые пики – весь суровый Север был для предков всего лишь прогулочным садом. Холодное солнце

отражалось в смеющихся глазах наших отцов, их звучный хохот достигал южных морей и лесов, где обитают твои голые белоглазые родичи, обезьяны».

– Хм-м... и почему вы ушли с севера?

«Синие уши зажгли Огненный столп, и мир изменился. Неподъемные камни испарили в небо как птицы, высокие прозрачные травы поникли и проломали плоть земли до самой ее кости. Аксамит, наша вторая кожа, отныне проживал всего день, затем таял как лед на весеннем солнце. Самое страшное: боги нового мира отказали в даре жизни нашим сокровищам, нашим ногам, нашим любимцам. По преданиям, сереброгривые слейпниры валялись на месте и больше не вставали. Их кости растекались под мягкой шерстью как масло на горячей сковороде, зубы и копыта рассыпались в пыль, яблоки глаз вываливались из глазниц в растаявших черепах. Огромные табуны вмиг вымерли, выпавший снег накрыл остатки шкур и грив. Без Гонцов небес мой народ больше не мог властвовать над Севером, и нам пришлось уйти в знойные степи».

Я вылупил глаза на серебристые нити полотна. В их мягком лунном сиянии крылись обреченность и ужас, точно как в выброшенной на свалку новогодней елке. Словно мертвый блеск фольги и позолоты, когда-то бывший центром праздника и жизни.

– Зачем же, зачем Синие уши создали Свет? Этот Огненный столп?

«Тут и думать нечего. Ясно же: Огненный столп – алтарь злобного бога, которому Синие уши жертвуют собственных младенцев».

Как нелепо это звучало. В ушах прошелестел голос ассасина: «... Юлирель уйдет в Свет. Ее ждет нулус».

И как точно.

– Спасибо, что поделились историей вашего племени.

«Я не просто рассказала. Лила поведала мне, что ты великий чародей. Пленные мизгоры зовут тебя Белоглазым дьяволом. И мне кажется, однажды ты будешь выбирать: уничтожить Огненный столп или примкнуть к злобному богу. Может быть, жених Лилы уже выбирает».

– Я не дьявол, нет, – я поморщился. – Роль дьявола у нас исполняет Дарсис. И вообще Лиле не рано замуж?

«Ей почти четырнадцать».

– И я о том же.

«Еще полгода в девках, и ее прозовут перезрелым перси-ком, – Великий Мастер-ткачиха крепче стиснула мою руку, которую еще ни разу не отпускала от самого порога викиюпа. – Но если тебе нравятся женщины старше и опытней, я могу тебе помочь, да».

Мой мозг завис, не в силах переварить последние слова. Зоча глядела странным взглядом. По-моему, старушка переборщила с пудрой. Щеки выглядели слишком румяными.

Наконец до меня дошло, в кого характером удалась Лила.

– Н-н-нет, мэ, спасибо большое. Ну, я пошел.

Через час дымил *калуметом*, курительной трубкой в компании вождя Гудэхи, его побратимов и красного ассасина. Типа, мальчишник устроили.

Трубка шла по кругу. С непривычки я кашлял после каждой затяжки, как паровой котел. Убийца же курил много и непринужденно, сурово щуря взгляд на тростниковую занавеску напротив, как брутальный ковбой на пачке сигарет.

Из-за незажившей раны и проглоченного едкого дыма у меня в голове словно фарфор хрустел. Смеясь, вождь похлопал мое раненое плечо так крепко, что я засипел сквозь сжатые зубы. Ни с того ни с сего отец Лилы стал расхваливать меня, мол, я и могучий чародей – палец к небу вскину, враги замертво валятся, – и воин доблестный вдобавок – голыми руками завалил десяток мизгоров точно. Побратимы вождя согласно улюлюкали. Только старый тенетник опустил седую, ни одного рыжего волоса, голову и всхлипнул: Жалко, что обезьян.

Резко вождь посуровел и стиснул кулак.

«Но деток, деток-то? Сможете с дочкой деток родить?»

Точеные лазурные губы Дарсиса выпустили струю плотного дыма.

«Смогут».

Вождь расслабился и заулыбался. Ассасин постучал пальцем по чаше трубки, собирая тлеющие табачные листья в кучу.

«А их дети – нет».

Тенетники уставились на Дарсиса глазами полными ужаса. Не замечая, ассасин сравнил нашего с Лилой гипотетического ребенка с земным мулом, гибрида осла и кобылы, который из-за неделимости хромосом обделен потомством. Казалось, суровый вождь воинственных индейцев сейчас разревется.

Момент был походящий. Отгоняя дым от глаз, я подался к очагу в центре викиюпа.

– Вождь, честно говоря, у меня миссия. Уже завтра нам нужно двигаться дальше к цели.

«У-у-ух! – Гудэхи облегченно выдохнул и затряс рыже-седой бородой. – Истинно-истинно. Припасы, геккондов – все дам, сын мой, не волнуйся. А пока развлекайся с дочкой. Ночь сегодня звездная, красивая, грех спать в такую».

Точно так же как с ткачихой Зочей, я завис, пытаюсь осознать слова вождя. Похоже, так рано сексуально активировали Лилу не только гены. Индейцы воспитывали детей охочими с пленок.

Может и верно воспитывали. Дурацкая жизнь-то одна.

До нашего с Лилой викиюпа я добрался за полночь. Сквозь тонкий тростник циновок просвечивал бледный оранжевый овал – пламя очага. Овал пересек гибкий, тонкий силуэт. Лила еще не спала.

Она встретила меня, сидя на коленях на шкуре. Словно от холода, ее руки обвивали бока, хотя огонь полыхал в полу-

метре от ее глаз – в рыжих отблесках пламени золотых, как у Юли. Опустив голову, Лиля спросила:

«Скоро уходишь?»

Я сел напротив и кивнул.

– Завтра.

Дрожь пробежала по лицу Лилы, словно по мембране ба-
рабана. Вдруг прямо с колен, не вставая, девочка прыгнула
на меня. Кулачки ее замолотили по моей груди и шее.

«Зачем ты спас меня, если не хотел сделать своей? – про-
шипела девочка. – Зачем? Зачем?»

Я уперся руками в пол, чтобы не упасть, и молча терпел ее
удары. Плотный черно-алый занавес накрыл циновки, шку-
ры, горящий очаг, и боль эта была не моя.

Девочка истерично зарыдала, костяшки ее посинели. От-
ведя одной рукой кулаки Лилы, другой я обнял ее за хрупкие
плечи. Она рвалась прочь, царапалась, кусалась, пришлось
прижать ее к шкурам на земле. Жесткий ворс прошелся по
ее лицу, оставляя розовые отметины. Ее длинные ноги дры-
гались и пинали по моим бедрам. У меня онемело все ниже
пояса. От напряжения узкие мышцы ног и рук Лилы набух-
ли. Я навалился на хрупкую девочку всем телом, прижал ла-
донь к ее прохладному лбу, вечно голодная губка послуш-
но принялась всасывать из нее поток черно-алых векторов.
Знакомая лечебная процедура началась.

Потом, когда чернота с алыми всполохами вокруг раство-
рилась, мы лежали рядом. Близко-близко, но не как любов-

ники, не как Дарсис с Маной в спальном мешке. Скорее как брат и сестра, только не из гешвистера, а настоящие родные. Лила плакала и плакала, а я утирал ей слезы и перебирал пальцами длинные рыжие волосы.

«Какая я была дура, да! – вдруг сказала она и засмеялась сквозь слезы. – Я думала: ты – мой, только потому что сражался за меня с полчищами грязных мизгоров. Ссорился с Синими ушами и Маной, когда хотел спасти меня из тяжелого облака, да. Но нет, ты всегда играешь со смертью ради других. Ради кого угодно, да! Всегда, да! Кроме себя самого, да! Какая дура, да!».

Она уткнулось мокрым носом мне в плечо. Ее слова почему-то напугали меня.

– Неправда, никакой я не супергерой. Я подвел многих. Бросил в беде...

«Скажи мне. Если бы я была твоей возлюбленной, ты бы оставил меня в тяжелом облаке, да? Если бы ты влюбился в меня, то не пошевелил бы тогда и пальцем?»

Ладони у меня вспотели, губы онемели.

– Что?

«Твоей любимой может быть только та единственная, которую ты бросишь в пропасть не задумываясь, – Лила усмехнулась. – У этой счастливицы самая несчастная судьба, да».

Ледяные иглы вонзились мне в виски. Юля Юля Юля ля ля ля я я я... сгнула в нулусе. Какой паршивый Супермен забьет болт на свою Лоис Лейн? Я?

– Замолчи, – закричал я и отдернулся от нее. – Она мне никто, поняла? Никто! Я бросил ее, чтобы спасти семью.

Лила нащупала мою ладонь и сжала ее.

«Я ей завидую, да. Она настолько дорога тебе, что ты посчитал ее неважной».

– Что за бред ты несешь?

«Она настолько дорога тебе, что ты посчитал ее неотрывной частью самого себя»

– Что? Да как это вообще увязывается друг с другом?

«Просто, ведь самое неважное – нет, самое вредоносное – существо в мире – ты сам. Так ты думаешь, да».

– Все перестань! – прошипел я. – Хватит, слышишь!

«И ты так сильно полюбил эту несчастную счастливицу, и в то же время так сильно ненавидел себя самого, что и ее тоже возненавидел, да. Возненавидел самую дорогую частичку своего сердца».

Мои глаза вдруг прекратили видеть – ослепли от слез что ли?

– Все уже кончено! Я ее больше не чувствую, все кончено.

Поэтому прошу прекр...

«И ты бросил ее ...»

– Я только хотел спасти сестру!

«...В опасности...»

– Мою маленькую сестренку! Пойми...

«...И сказал себе: Прости...

Меня сотрясли рыдания.

– Прости, Юля. В общем прости. Так я себе сказал.

Дальше я помнил только, как Лиля обнимала меня за затылок и легонько целовала в лоб и щеки. Помнил, как сидел с ней рядом и плакал, плакал, плакал. Помнил, как мы молчали, а раскаленные угли шептались в очаге. Из отверстия в потолке на нас смотрело звездное небо. Где-то там в космической дали все еще затухала алая Т Игрил Вериате. Звездам вообще везет: у них даже предсмертные судороги длятся вечность.

Когда наконец настало время уезжать, тенетники столпились под холодным утренним солнцем на окраине стойбища и смотрели, как Мана, Дарсис и я взбирались на геккондов. Непокойный северный ветер стучал в китовые шлемы на наших головах. Белые отполированные костяные доспехи слепили глаза как мех слейпнира. Качались полные провизии сумки на крупах животных.

И когда стойбище растворилось среди трав, разноцветные векторы – сожаления, облегчения, волнения – прекратили долетать до меня оттуда. Только векторы розового цвета долго еще преследовали нас.

Глава 23

Лето как будто отступало с нашего пути. С каждым шагом все больше каменела почва, травы расступались и бледнели, замолкали насекомые. Впереди в южном небе все выше вздымались белые пики Серых гор. Перед ними за крутыми и извилистыми гребнями расстилались пока невидимые Седые равнины. Мы молча неслись к цели.

В ложбинах между склонами часто вырастали странные вертикальные «саркофаги» из лиловой кости или камня с человеческий рост. Одной стороны у «саркофагов» не было. Внутри коробки были полыми, их полностью заполняла густая прозрачно-зеленая жижа. В некоторых «саркофагах» в жиже плавали трупы мелких степных зверей и птиц – либо целые, либо разлагающиеся, либо белоснежные скелетики – конечный продукт, видимо.

На привале Дарсис назвал «саркофаги» сохранившимся видом древних плотоядных растений, которые росли сотни лет назад, еще до Света. Жижа внутри коробок – это одновременно и манящая зверье сладким запахом приманка, и в то же время слабый окислитель, который в течение недели расщепляет тела животных. Попав в ловушку, степной крольмыш какой-нибудь обречен, так как вязкая жижа, подобно болотной трясине, не дает движущимся объектам вынырнуть обратно.

Весь этот ботанский научпоп я слушал вполуха, так как просто решил держаться от жутких «саркофагов» подальше. И тут небо на востоке затянула клубящаяся тьма.

Миру словно убавили яркость. Подняв глаза на тьму, Дарсис побледнел. Несколько аксамитовых нитей потекли из его щек на шею. Я не сразу понял к чему это. А затем увидел серые вектора над черной шевелюрой, и дошло: боится. Убийца боится!

И тогда мои поджилки затряслись, как никогда в жизни. Дело фуфлю полное, раз сам дьявол напуган.

Тьма нагоняла нас со скоростью японского поезда-пули. А наш великий командир стоял столбняком и пялился в небо. Красная лоснящаяся капля упала с кончика голубого носа в траву.

– Дарсис, – позвала Мана, растерянно переступая с ноги на ногу.

Убийца даже не шелохнулся. И тогда я врезал ему. Дал пощечину по голубому лицу в красных потеках. Дарсис качнулся, резко развернулся и пошел на меня.

– Нарываешься?

– С возвращением! – воскликнул я, но убийца тут же заглушил мою радость от встречи, врезав в живот. Я согнулся пополам и прохрипел. – Мм... похоже, Мана была права.

Ассасин сощурил взгляд.

– В чем?

– В том, что я тебе нравлюсь.

Дарсис хмыкнул и бросил быстрый взгляд в сторону Серых гор.

– До укрытий в горах нам не добраться прежде туч. Если сейчас же не придумаете, где спрятаться в ближней округе, превратитесь в отбитый фарш.

– Дождик собирается не мелкий?

– Это искусственные тучи. Гарнизон ими бомбардирует унгольские поселения.

– Что за снаряды?

– Утяжеленные в тысячу раз атмосферные осадки.

– Значит, все-таки дождик?

– Сказал же, утяжеленный в тысячу раз. Одна капля такого «дождика» разможит твой череп на осколки.

– Ядерные бомбы не проще?

– Ты что хочешь, перед смертью порассуждать над спецификой стратегического оружия ананси?

– Мальчики...

– Успокойся, убийца, вдохни и выдохни, поприседай, смотайся до той сопки и обратно. И твоя паническая атака пройдет.

– *Рапазис*, мальчики...

– У меня нет никакой панической атаки, умник!

– Ой, кого ты пытаешься обмануть? Могучего чародея?

– Дикари ввели тебя в заблуждение. Никакой ты не чародей, ты – ошибка природы.

– Понимаю, тебя сильно пугают эти тучки, но настоящий

враг не косматится на небе. Настоящий враг всегда сидит в твоём сердце.

– Прекрати строить из себя мудрого учителя-мастера, недоносок! Иначе я всажу в твою пустую голову поток бозонов.

– Ха, прежде получишь в свою худую задницу парочку страхпулей, одну гневпулю и десяток «как ты меня достал»-пуль.

Грянул пронзительный вопль:

– Заткнулись оба!

У меня аж заложило правое ухо. К оврагам и склонам под черно-агатовым покровом покатилося эхо. Вздогнув, мы с Дарсисом усталились на Ману. Через две щелочки под смольными бровями сияли все грозовые небеса.

– Еще несколько минут – и предгорье накроет. Вы двое можете не стесняться и дальше ворковать друг с другом, – Мана оперлась плечом на лиловый «саркофаг». – А я попытаюсь спастись в этой штуке.

Сегодня движение – не жизнь. Нет, только шанс на нее, что, конечно, неплохо. Я и Мана схватили камни с земли и бросились колотить ими по трем хитиновым «саркофагам». Дарсис испробовал гравипушку – коробки не смялись. Тест на прочность плотоядные гробы выдержали. Но вытянуть жижу из потенциального бомбоубежища не вышло. Как только гравиволны рвали густой раствор, он тут же разбухал обратно. Чудо регенерации какое-то.

– Ныржаем в кислоту, – решил Дарсис. – Если вылезем до вечера, не успеем стореть.

– Если... – повторил я. – Тучи точно разразятся?

Ассасин молча указал вверх. Тьма на небе скручивалась в бешено крутящиеся воронки.

– Где-то в предгорьях остановился разведотряд унголов. Спутники или дроны Гарнизона его засекали. Накроет все в пределах десяти лиг.

Дарсис велел всем замотаться в тряпки, спрятать голые участки кожи. Пока я расседлывал геккондов и отпускал обреченных животных на волю – спасайтесь, спасайтесь! – Мана достала из сумки индейцев тростниковую циновку и вырезала ножом из нее три соломинки. Дарсис гравиволнами наклонил «саркофаги» жижей к земле, чтобы бушующие дождевые капли не залетели внутрь коробок.

Первой в кислотную ванну полезла Мана. Ее лицо, волосы, уши, шею полностью закрыли повязки, вырезанные из спальника. Зажатая в зубах соломинка торчала над слоями тряпок, как косая пальма над дюнами. Покрасневшие глаза бразильянки смотрели попеременно то на меня, то на Дарсиса.

– Не открывай глаза, чтобы ни случилось, – велел убийца. – Иначе кислота выжжет их.

Мана кивнула, крепко зажмурилась, стиснула замотанными пальцами гравипушку – указательный палец лежал на спуске, дуло глядело вперед. Дарсис натянул тряпку поверх

глаз бразильянки, и она, полуприсев, шагнула спиной вперед в «саркофаг». Жижа обтянула всю ее – крепкие бедра, тонкую талию, высокую грудь, замотанную голову, кончики торчащих из-под тряпок кудряшек. Снаружи остался качаться лишь неровный конец соломинки. Узкий путепровод для воздуха.

Плечи Дарсиса резко опустились. Всегда стройный, как кипарис, ананси сгорбился.

Перед ним висела Мана в наклоненной пасти-желудке допотопного растения. Валькирия словно спала внутри стеклянной криогенной капсулы.

– Длины трубки должно хватить до вечера, – прошептал Дарсис. – Если не двигаться.

«Если...» – повторил я про себя. Сколько же сегодня этих «если»! В зубах моих скрипела вторая соломинка. Тряпки на лице частично заслоняли черноту в небе.

Моя очередь нырять. Я сам натянул повязку на глаза. Осталось только шагнуть назад. Залезть в пасть дракону.

– Прости, умник, – вдруг сказал убийца. – Прости за Юлирель.

Я помедлил и кивнул.

«Ты не виноват, Красный убийца. В сотнях других смертей – да, но не в этой».

Моя правая нога будто сама дернулась назад. За подружкой последовала и левая.

«В этой смерти виноват только я».

Теплая ванна накрыла с головой. Тряпки на лице вмиг промокли. Веки защипало, засвербело под ногтями. Кожа вокруг затычек в ноздрях и ушах распухла. Непреодолимая сила потянула вглубь «саркофага». Я не двигался. Ни в коем случае. Сразу засосет как в трясине. Сейчас движение – это смерть.

Я вдохнул ртом. Тонкая струйка воздуха потекла в легкие по тростниковой дудке мимо кислотной прослойки. Мимо теплых мокрых тряпок. Мимо обожжённых губ. Пот выступил на моем лбу и сразу сторел.

Снаружи загремело. Дождь забарабанил по толстому хитиновому панцирю «саркофага». Лиловую коробку затрясло. Вибрация через жижуху докатилась до меня. Зубы застучали. Черт, успокойся, парень, иначе перегрызешь трубку.

Мир за дрожащими стенами «бункера» страдал. Трещали камни, шипели воды. Казалось, рушатся те самые Серые горы, великаны с белыми шапками.

Векторы серого страха и бледно-фиолетового сожаления кружили над двумя другими «саркофагами». Мана с Дарси-сом летали в своих мыслях.

Я нырнул в свои.

Лиля сказала, что я ненавижу Юлю. Ненавижу самого себя.

Если так, то, когда в степи я спасал тех мизгоров с пленной Лилой от бозонного распыления, когда я с голыми руками, даже без палки выбежал навстречу трем десяткам

вооруженным до бровей индейцам, на самом деле я не хотел их спасти.

Когда в Центре я просил Ману сломать мне руку, на самом деле я хотел истечь кровью.

По версии Лилы, я больной на голову самоубийца.

Если так, я не хороший парень. Я не верный друг. Я не любящий брат. Я не добрая душа.

Я – самозваная бактерия общества.

Потому что из-за меня ушел отец. Из-за меня страдает Лена. Все из-за меня страдают. Мама умерла тоже из-за меня.

Но себя угробить ни фига не просто. Тем более скрытно от своего сознательного «я». Поэтому, по словам Лилы, я перенес свои желания на другую. На ту, которую я любил больше всех. Больше всех на свете. На Юлю. Затем пожелал ей смерти. От души.

Когда любимый человек умирает, ты тоже умираешь, часть тебя. Этого я хотел. Самоустраниться.

Откуда только развратная тринадцатилетняя дикарка все это взяла? В индейском стойбище даже радио нет. Тем более талмудов по психологии.

Задумавшись, я чуть не поджал губы и не выпустил соломинку. Вовремя спохватился.

Складно звучит, да не совсем. Не хватало чего-то, что загадило бы мою любовь к Юле. Измазало бы светлое чувство в навозной куче. Иначе как добрый наивный дурачок – моя обожаемая роль, как выяснили – бросил бы возлюбленную в

пасть смерти? Мне нужно было оправдаться перед самим собой. И на роль камуфляжа для моих настоящих чувств лучше всего годилась – та-да-да-дам – дурацкая «сыворотка»! «Струю любви» в студию!

Этого Лила, конечно, не сказала. Но она указала направляющие точки. Дальше самому вектор провести не сложно.

Благодаря инъекциям я мог считать ложью все, что угодно. «Сыворотка» развязала руки моему коварному подсознанию. Я мог нуждаться в Юле – нуждаться больше, чем в глотке воды в засуху, черт! – и плевать при звуках ее имени. Как виляющий хвостом пес, я носил тапки хозяйке и в тоже время считал себя обманутым. Обиженным узником.

Да и в целом так проще было слинять. Легко убивать дорогих людей, когда у тебя есть поводок для своих чувств. Власть над условностями.

Из-за того, что через соломинку проходило мало воздуха, у меня на шее взбухли вены. Мое лицо налилось жаром. Кислота сжигала брови и ресницы, пощипывая под ними кожу.

Я не стал задумываться, взаправду архонт Гертен тот еще говнюк, или здесь тоже мое воображение разыгралось.

Снаружи все изменилось. Больше не грохотало. Чужих векторов стало меньше почти в два раза. Килограммовые капли дождя вырубали Дарсиса. Или убили.

При этой мысли в горячей кислоте стало зябко. Я чуть не попытался обхватить плечи руками и тем самым не ушел в глубину «трясины». Часть меня все еще настойчиво пыта-

лась устранить бактерию общества.

Тишина. Дождь явно закончился. Явно никто не спасался.

У Маны гравипушка, у Дарсиса бозпушка. Только они могут вылезти из «саркофага» и освободить меня. Но один без сознания; кислота, возможно, сейчас затекает ему в рот, сжигает слизистую, подбирается к гортани. Другая почему-то не спускает курок и бьется в панике. Серые вихри страха вертятся над поверхностью «саркофага». Похоже, ее пушка сломалась.

Не успел я составить завещание, как вдали, за несколько километров от ложбины с «саркофагами», замаячили почти бесцветные векторы. Унголы выжили. А мы медленно умираем и, если попытаемся позвать на помощь, умрем прямо сейчас. Десять сантиметров вязкой как свежий цемент кислоты между нашими лицами и свежим воздухом. Руки не поднять, колено не разогнуть. Только пальцы с трудом сгибаются, да губы двигаются. Губы и зубы.

Чёрт знает истинную цель того, что я только что задумал. Очередная подстава подсознания – этого черного ящика со своим кино? Как бы то ни было, я выплюнул соломинку.

И глотнул кислоту.

Сладкий пласт провалился по пищеводу. Во мне словно взорвался килограмм тротила. Желудочный сок древнего растения сцепился в схватке с моим собственным.

Я заклацал челюстями. Рвал и глотал плотную отраву, давясь до смерти. Мне нужен воздух. Я хочу дышать. Но вме-

сто этого жую сок допотопного сорняка, который жуёт меня изнутри и снаружи. Пищевая цепь замкнулась.

Мои губы, язык, десна онемели. Может, сторели. Драная жижа вцепилась крепко, за всю ротовую полость, потянула внутрь «саркофага», как трясина.

Моя реакция? Быстрее заработал челюстями.

Сейчас движение – не просто жизнь или смерть, а что-то намного значительнее. Может, надежда.

Почему не бывает старых и немощных гепардов? Потому что они никогда не останавливаются.

И я не остановлюсь. Чёрный ящик в голове, слышишь? Придется придумать что-нибудь покруче, чтобы угробить нас.

Мои негнущиеся деревянные губы коснулись открытого пространства. Воздух! Я глотнул воздуха. Закашлялся. И, пока дыра в жиже не затянулась, заорал на ананси: На помощь!

Только мой сожжённый рот прохрипел лишь:

– На-па-ах-гх!

Барбара самопроизвольно включилась и, приняв мой хрип за унгольскую ругань, перевела:

«Пельмень в штанах!»

Жижа снова облепила губы, потянулась к кровоточащим деснам. Я закричал от боли:

– А-а-а-хх-рр-ха.

Барбара пропела в ухо:

«Лижид подмышку»

Я видел сквозь закрытые веки свечение все еще далеких векторов. Кислотная пленка натянулась на рот. Воздух кончался. Унголы не спешили на помощь. Обиделись на «пельмень»?

«Саркофаг» потянул меня в свои глубины мягко, ненастойчиво. Словно говоря: ну-ну, поиграли и хватит!

Нет, я все еще не сдаюсь, не останавливаюсь. Мои клетки кожи, волос, слизистых оболочек, стенок желудка сильно заняты. Они так быстро расщепляются, что через три-четыре дня от меня останется лишь голый скелет. Вот тогда я наконец и остановлюсь.

Самоустранюсь.

В следующий миг чьи-то руки замкнулись вокруг моей головы. Мощным рывком меня вытащили наружу. Я схватился за горло, затрясся. Замок из огромных ладоней надавил мне под грудную клетку. В закрытые глаза мне выдохнули:

– Тр-мрх! Трр-мрх, рекр Хрор мр!

«Дыши! – ласкала Барбара мое обожженное ухо – Дыши, секира Хрора тебя рассеки!»

Кислота вылетела из моего нутра вместе с рвотой, вместе с похлебкой Лилы. Басистый смех сотряс темноту вокруг.

«Нормально! А за пельмень и подмышку потом ответишь».

Мою голову размотали, вытерли лицо чем-то влажным. Я открыл глаза. Желтолицые здоровяки-блондины снимали с

меня мокрые разлохмаченные тряпки, поливали водой из бутылок мою красную кожу в темных волдырях. Темнобровый унгол в зеленом плаще доставал из сумок бинты: кислота раскрыла на голове и левом плече почти полностью зажившие раны. Я лежал в лужице крови. Кровь стекала с меня.

Унгол с косичками в бороде сунул мне в рот бутылку воды, велел прополоскать и выплюнуть. Я выплюнул горлышко бутылки.

«Не бутылку, – покачал головой унгол. – Плюй воду»

Уворачиваясь от бутылки, я захрипел и вытянул в сторону других «саркофагов» пальцы – все в желтых волдырях.

Только тогда унголы заметили Ману и Дарсиса.

Когда их вытащили, я наконец обтянул сожженными губами горлышко бутылки. Бомбежка разворотила холмы и овраги вокруг, огромный черный кратер тянулся до стремительно темнеющего горизонта. «Саркофаг» Дарсиса опрокинуло, сам ассасин потерял сознание, в бедре зияла кровоточащая рана. Пока унгол с косичками в бороде откачивал его, рядом разматывали Ману. Бедная Мана! Я не смог смотреть на ее ошпаренное розово-рыхлое лицо и отвернулся. Главное, она дышала. Главное, живая.

«Секира Хрора! Это же Он! Красный убийца сотен!»

Мой лоб под бинтами вспотел.

«Этот тощий ананси? Разве капитан «меченых» не крупнее раза в три?»

«Выври мне печень, если он не Дарсис! Я ни с кем его не

перепутаю, этот змееныш угробил моего троюродного кузена. Сжег его целиком своей пукалкой. Только ступни в сапогах остались. Их на погребальный костер и поставили».

«Хм-м... Корок, принеси из кузова две веревки и цепь. Свяжем этих спасенных».

«Эти доходяги и так ласты склеят, если сильно подышать на них. Для кого цепь?»

«Для Красного убийцы, для кого еще».

«А может это... прикончим его по-тихому? Кузена все-таки моего убил! Ну и иномирных доходяг заодно, раз якшаются с «меченым»».

– Не-х! Поххетенох, – захрипел я. – Поххетенох похоф!

А должно было выйти: Нет! Поединок. Поединок богов!

Унголы уставились на меня, потом друг на друга.

«Зачем этот пришелец только что кричал нам жрать шторы?»

«Он издевается! Сначала пельмени с подмышками, теперь шторы! Прикончим их!»

Из последних сил я поднялся на локте и ухватил сожженными пальцами темнобрового унгола за полу зеленого плаща. Тот наклонился ко мне, я указал на него, на себя и сжал пальцы в кулак.

Темнобровый усмехнулся.

«Иномирянин знает наши законы».

«С чего ты взял?»

«Только что он вызвал меня на поединок. Видимо, от име-

ни Красного убийцы».

Я кивнул и рухнул на развороченную тяжелым дождем черную землю.

«И что ты решил, Брех?»

Темнобровый зарыл пальцы в густую белую бороду.

Со стороны «саркофагов» раздались тихие слова на унгольском. Барбара перевела:

«Не с ним».

Я закатил глаза. Мана, ну конечно.

«Не с ним, – бразильянка закашлялась и выдавила. – От имени Красного убийцы сотен драться буду я, его щит. Мануэла Габр...кхе-кхе-кхе...иэла...кхе-кхе...Орей... кхе...ро Алмейда.

Золотистые глаза темнобрового сверкнули в алых лучах заката.

«Корок, неси три цепи. Устроим поединок всем троим».

«Что? Так можно?».

«Сейчас можно. Драться они будут с дорогой в Олсо. Если эти полумертвые смельчаки переживут ее, ярл проведет суд».

И я понял, что мы спасены. По крайней мере, до первой кочки.

Глава 24

Проведя темными извилистыми лабиринтами, унголы-стражники вытолкнули нас в огромный зал. После черной сырой темницы тусклый свет газовых ламп чуть не ослепил меня. Со всех сторон заорали воины в белоснежных панцирях.

Под толщей скалы, которую пробуравил подземный город Олсо, тяжелый застойный воздух звенит как церковные колокола. Сотни топоров со свистом рассекают этот воздух. Сотни наточенных лезвий смотрят Дарсису в забинтованное лицо. Туда, где между повязками сияют медово-желтые глаза.

Сотни глоток исторгают вызов на поединок. Хр ммш! Сотни сердец жаждут смерти Красного убийцы сотен. Жаждают мести за друзей, за жен, за детей. Звучат сотни ужасных откровений. Убийца! Отравитель! Твой яд навсегда усыпил моего сына! Моего сыночка. Он спал, просто спал, только легкие волосики его встопорщились... Боролся до последнего во сне. Рркири хр хоро! Твой скальп за волосики моего ребенка! Сотни дрожащих рук в белых аксамитовых перчатках стискивают рукояти и вот-вот метнут топоры нам в глотки.

Стража повела нас сквозь толпу к каменному трону в конце зала. Смазанные антисептиком повязки сковывали движе-

ния. Мы шагали как ожившие окостенелые мумии по древней гробнице. Босые, не считая бинтов на ногах. В рваных зеленых плащах поверх обмотанных плеч. До дверей тронного зала я и Мана дотащили Дарсиса. Сейчас он шагал сам. Оттягивал зрелище своей слабости. Левая нога его все равно хромала.

Сорняк сжег наши волосы.

Капля тяжелого дождя насквозь пробила бедренную мышцу Дарсиса. Не защищенное кожей тело каждого из нас испаряет воду слишком быстро. Каждую секунду мы хотим пить. Дарсис не чувствует дыру в ноге, все мы не чувствуем ожогов – как пылесос, я высасываю всю боль – скопище черно-красных змей – и расщепляю ее на безобидные гранулы. Иначе болевой шок убил бы нас еще в предгорьях.

Сорняк сжег наши лица.

Сорняк сжег мои губы.

Уже почти сутки я не смыкал глаз. Иначе Дарсис и Мана больше не проснулись бы.

На троне под треугольным стягом с дьяволком раскинулся полуголый желтокожий великан – каждый воин из толпы даже в полном доспехе уступал ему в размахе плеч. Великан опустил бородатый подбородок на клин топора, стоявшего между его колен.

«Я – ярл Овако Веселый», – громыхнул он. Дарсис кивнул.

«Я – Дарсис, Красный убийца унголов».

Кто-то из толпы слева от меня плюнул ассасину под ноги.

Ярл почесал ладонью светлые заросли на широкой груди.

«Ну законы наши ты знаешь, наверное. За убийства моих сородичей я приговариваю тебя к казни. Вместе с твоими спутниками тебя заживо сожгут в срубе».

Дарсис пожал плечами.

«Я невиновен. И ваши боги это знают».

Толпа взревела. Стража окружила нас кольцом, выставив дула ружей на орущих унголов.

«Ты называешься убийцей унголов и в то же время мнишь себя невиновным?»

«Мы воевали, – сказал Дарсис. – Я защищался»

Овако хмыкнул.

«В Монтехро женщины пили из отравленных тобой колдцев, кормили грудных младенцев своим молоком, а наутро никто из них не просыпался. Чем с тобой воевали младенцы? Погремушками?»

Медовые глаза ассасина сощурились. Дарсис повторил.

«Я защищался. Ваши боги это знают».

Под моими бинтами выступил липкий пот. Я захотел выпустить обратно жгуты боли Дарсиса. Убить убийцу детей. Я глубоко вздохнул.

Ярл ухмыльнулся в бороду.

«Тогда пусть боги и решают».

На стражу из толпы выпрыгнул унгол. Ладонями в аксамитовых рукавицах он вцепился в стволы ружей, продавил

кольцо стражников, его лицо почти вплотную нависло над лицом Дарсиса, и заорал:

«Ярл, молю! Мне! Позволь мне, Орпо из Монтехро, сразиться с ананси Дарсисом, капитаном отряда «меченых», врагом всех унголов по прозвищам Красный убийца сотен, Проклятый Отравитель, Разоритель Монтехро, Коварный стрелок».

Дарсис вытер слюни унгола с повязок на лице.

«И, зная все это, ты хочешь биться со мной? Смело».

Я и Мана переглянулись. Замотанная голова бразильянки кивнула. Этот унгол спас меня в овраге у Центра. Это он замотал бинтами мои раны, не дал истечь кровью.

Ярл поднялся с трона. Вскинул топор над головой, словно королевский скипетр. Толпа разом затихла. Орпо отпустил ружья стражников, его оттолкнули обратно в толпу.

Канареечно-желтые глаза Овако обвели зал. Черные тени и оранжевые блики скакали по высоким стенам. Внутри ламп шипел газ. Казалось, свод потрескивал от веса скалы. Сам ярл высился на пьедестале трона как каменная статуя в склепе древнего властителя.

«С Красной сволочью сразится тот, кто точно отправит его в могилу, – провозгласил ярл. – То есть я».

Унголы взревели, поддерживая правителя.

Дарсис кивнул мне. Я ослабил режим турбовсасывания. Часть боли осталась с убийцей. Ананси тут же повалился на пол. Мана подхватила его за плечо.

«Драться будешь не со мной, ярл, – сказал Дарсис. – Тяжелый дождь ранил меня. От моего имени выступит другой боец».

Овако взмахнул топором, чуть не снеся каменную спинку трона. Один громовой вздох, одно слово.

«Кто?»

Дарсис молчал. Взгляд широко раскрытых канареечных глаз прошелся по Мане и остановился на моем лице. На повязках на его месте.

«Кто?»

Сорняк сжег мои голосовые связки.

Когда в предгорьях дозорные Брохо приковали нас цепями в кузове карсы, они думали, что привезут в Олсо три трупа. Унгол с косичками в бороде и добротой в сердце Корок зашил разорванное бедро Дарсиса и мои раскрывшиеся раны. Нам дали бинты и противовоспалительные растворы. Только Корок видел это лечение скорее как прощальную церемонию. Что-то вроде последнего просмотра мультиков для смертельно больных детей. Еще бы. Ни миллиметра целой кожи. У меня вдобавок сгорело все изнутри. Если не померем от болевого шока, крыша съедет от того, что влага в теле испарялась в разы интенсивнее, чем обычно.

Карса неслась по разбомбленной равнине. Тяжелый дождь унголы просидели вместе с грузовиком в подземном туннеле, о котором Гарнизон, видно, не знал. Вместо унголов ананси чуть не убили своего солдата и двух сбежавших пи-

томцев. Пронесло. Нас просто изуродовали.

Мы трое лежали на дне кузова, как большие испорченные куклы. Я высасывал из наших аур черно-красные жгуты боли и сбрасывал их в развороченные овраги под колесами карсы. От тряски окровавленные бинты и полотенца сползали с наших голых тел. Вокруг стояла пятидесятиградусная жара.

В тот момент я осознал, что до сих пор не знал, что такое ад.

Мы натирали друг друга с ног до головы обеззараживающим раствором. Сепсис в пустыне – это конец. Нигде среди камней не светится вывеска хирургической больницы, где почистили бы и удалили зараженную омертвевшую кожу.

Когда мимо проносились развалины каменных домов, один из дозорных схватил Дарсиса за волосы и заставил смотреть на руины.

«Помнишь, тварь, этот город? – белый аксамитовый шип вырос на костяшке унгола и уткнулся в глотку ассасина. – Помнишь?»

«Монтехро» – выдавил Дарсис. Унгол швырнул его на пол и сел на скамейку, прикреплённую у стенки кузова.

Карса выехала к Седым равнинам – огромному каменному полотну, рассечённому вдоль и поперек ущельями и расщелинами. Как только грузовик спустился к стекающим в огромную расщелину ущельям, нам завязали глаза. Небо сжалось до узкой щели и исчезло.

Воздух застывал и становился суше – мы спускались под

землю. В Олсо нас освободили от цепей и бросили в темницу. Тогда Дарсис, лежа на холодном полу, сказал:

– Я не смогу драться.

Повязки вокруг его ноги пропитались кровью. Мана взяла голову ассасина и положила себе на колени.

– И не нужно. У тебя есть щит. У тебя есть я.

Я ударил кулаком по каменной стене и указал на себя.

– Хр-р-р-р-р-р, – сказал я. А значило это: Балда! Ты сейчас не валишься замертво только из-за моей силы. Стоит мне ослабить концентрацию, нам всем конец.

Повязки на месте лица Маны развернулись ко мне. Между бинтами блестела розовая кожа.

– Сделай это, – вдруг сказала бразильянка. – И увидишь: ничего не изменится.

– Хр-р-р...

Бразильянка вдруг взяла и обеими руками стянула бинты на лице вниз. Обнажилась обожженная, покрытая волдырями кожа.

– «Саркофаг» изувечил и изуродовал меня, – сказала она, щуря черные в темноте глаза. – Вы оба теперь отворачиваетесь от моего взгляда. И пусть! Мне хватает того, что я щит Дарсиса. Этого никому не забрать.

У меня нижняя челюсть отвисла. Когда это я отворачивался от ее взгляда? Конечно, Мана теперь далеко не сальвадорская Мери Джейн, ну и что? Я никогда не испугаюсь ее. Чёрт, да я сам та еще страхолюдина.

Дарсис лежал и смотрел на решетку камеры.

– Я пошел к унголам только по одной причине. Не дать архонтам запереть Мануэлу в камерах Западного филиала как Рауля Авена.

Ассасин повернул голову к Мане, их взгляды встретились.

– Что ты молчишь?

Слезы побежали по щекам Маны.

– Я верю.

Вся темница окрасилась в розовый цвет. Я едва сдержался и чуть не высосал из двух голубчиков вместе с черно-красными жгутами боли векторы «восемнадцать плюс». Чуть не забрал их взаимные чувства.

Сорняк не смог сжечь мою гордость.

Я отвернулся и сел лицом в угол. Закрыв уши руками, упер локти в бедра. На всякий случай. Не знаю, решатся ли они на что-то серьезное. Но никто точно не скажет про меня: ни себе ни ананси с раненой ногой.

Овако Веселый, глядя себе между коленей, прошел от трона в центр зала. Толпа растекалась перед ним. Я последовал за великаном, тоже опустив голову между ног. Так унголы выступали на судебный поединок. Дарсис заранее подготовил меня, велел следовать этому обычаю, чтобы не разозлить унголов еще больше.

Больше, чем убийство их детей? – хотел спросить я, но вышло уже стандартное: Хррмр.

Три стражника с каменными щитами встали позади ярла,

три с деревянными щитами позади меня. По правилам мне тоже полагались каменные щиты, но советники ярла, видно, решили, что мне их не поднять. На самом деле деревянные тоже зря притащили.

Ярл размял покатые плечи, взял каменный щит в левую руку. Аксамит обтянул браслетами его запястья и только. Мне протянули топор, я отмахнулся ладонью.

«С голыми руками против меня? – Овако наклонил на бок лохматую блондинистую голову. – Но топор я не отброшу, прости. Ненавижу мараться».

Задумка не сработала. Я все же взял топор с первым щитом. В рукопашке у меня был бы шанс даже без суперсилы. Но ярла нелегко спровоцировать. Вытянутые страхпули усеяли мои плечи и руки, готовые в любой миг сорваться и заклевать опасного унгола. Одновременно я избавился от последних черно-красных векторов в наших с Маной и Дарси-сом телах.

Ярл ринулся вперед. Лезвие его топора вонзилось в мой щит, пробив дерево насквозь. Мои кости затрещали. Овако дернул топор назад. Щит у меня в руках хрустнул и развалился на две половины. Я бросил в великана деревянные обломки.

Ярл раскинул руки в стороны и захохотал: разломанный щит отлетел от его накачанного пресса, словно бумажный самолетик. Но Овако открылся, и я создал видимость удара. Взмахнул топором, почти не целясь. Тяжелый щит тут же за-

крыл бок ярла. Звякнула сталь о камень.

Страхпули выстрелили в лицо ярлу. Канареечные глаза округлись, мощная грудь пошла волнами. Судорожно хватая ртом воздух, Овако рухнул на четвереньки. С грохотом отброшенный щит покатился по изогнутому полу. Толпа зароптала. Никто не заметил удара.

Ярл перекатился через голову прочь, оставив топор у моих забинтованных ног. Большие желтые ладони щупали живот, ища раны. Но ран не было.

Перехватив обеими руками топор обухом вперед, я шагнул к ярлу. Овако тут же перекатился в сторону, присел. Грубое лицо и покрытые буграми мускул плечи измазались в каменной пыли на полу. Глядя на меня как затравленный зверь, ярл одним движением сорвал с пояса крохотный мешочек и вытряхнул его себе в рот. Белесые шляпки грибов захрустели в крепких желтоватых зубах.

Дарсис закричал:

– Убей его! Сейчас же убей!

Вдруг жующее горло ярла утробно зарычало. Великан встал на одно колено. Узкие зрачки закатились вверх, в одном глазу сосудик лопнул, лиловое пятно разлилось по белку. Из сжатых губ наружу вырвалась густая белая пена.

– Болван, прикончи его, пока можешь! – орал Дарсис. Унголы вокруг разворачивались и отбегали к дальней стене зала. Зал гудел от топота сотен аксамитовых сапог. Рядом остались стоять только Мана, Дарсис и стражники, которые бро-

силы запасные щиты для поединка и заслонили собой уносящую ноги толпу. С подбородка ярла пена стекала на пол. Великан резко дернул ногой по блестящему от его слюней полу.

– Ррр кхр? – сказал я. Дарсис зашатался, Мана крепче сжала плечо ассасина.

– Никого ты не одолел, идиот! – взревел Дарсис. – Овако съел наркотические грибы. Он в трансе! Твой страх больше не навредит ему.

– Гртрх хххм?

– Не можешь убить, так раскрой ему череп. Пусти кровь. Иначе мы трупы, – Дарсис повернулся к стражникам: «И вы тоже. Он убьет всех». Ассасину в щеку ткнулось дуло ружья.

«Не смей шевелиться, Красный убийца. Поединок еще не закончен».

Звериный вопль иглами впился в мои уши. Прямо с пола ярл прыгнул на меня. Я увернулся от кулака размером с пушечное ядро. Взмахом другой руки ярл выбил из моих рук топор, чуть не схватил за горло. Резко согнув колени, я пнул забинтованной ступней из нижней стойки. Ярл немисливо изогнулся, моя нога пролетела мимо гигантской головы, лишь борода и волосы безумца колыхнулись волной. Овако заскользил вокруг меня, быстрый как кошка и огромный как медведь.

Я шарахнул очередью страхпуль по слюнявой морде ярла. В ответ мне в лицо полетели оглушительный рев и брызги пены.

– Забудь про свою силу, – кричал Дарсис. – Он не ощущает больше страха: ни своего, ни чужого. Хватай топор.

Швырнув еще страхпулями в ярла, я нагнулся к топору на полу. Ярл взревел, аксамитовые наросты в форме острых белых лепестков вмиг выросли на его позвонках, кулаках, локтях, коленях. Мои пальцы не успели схватить топор. Ярл ударил длинной шипастой рукой. Я отклонился назад, но ноги в повязках поскользнулись на брызгах слюней ярла. Каменный пол ударил меня наотмашь по губам. Пыль обожгла десны.

Огромная тень нависла, схватила меня за горло и пояс. Несгибаемые тиски сжали глотку. Плотный мир стал водой. Я задыхался и беззрачковые глаза безумного ярла провожали меня пустым взглядом. Меня словили ладонями точно муху и сейчас прихлопнут.

– Стас! – даже Мана просталась со мной. Зал заполнили черно-красные вихри – боль вытекала из ее ладони вместе с кровью. Другой рукой Мана держала мой топор, погружая лезвие глубже и глубже в свою обожженную плоть. – Вытри соплю и дерись, принцесса!

Метались повсюду тени. Бинты сковывали конечности, ледяной пол обжигал кожу между сбившимися повязками на спине и затылке. Черные-красные пули заполняли невидимую обойму. Я зажмурился и выстрелил.

Ярл рухнул и схватился за голову двумя руками. Хватая ртом воздух, я перекатился на ноги. Овако ползал, пытаюсь подняться. Боль лишь слегка его оглушила. Для безумца

боль почти такое же ничто, как страх.

– Рррхр! – закричал я Мане. Бразильянка бросила топор мне в руки. Яркая струйка ее крови стекала по режущей кромке лезвия. Я размахнулся и врезал железным обухом по голове ярла. Великан обмяк, лохматые волосы на его затылке окрасились в лиловый цвет.

Тронный зал мгновенно затих. Унголы толпились у дальней стены, маленькие, как кучка игрушечных солдатиков.

Я отбросил топор в сторону и схватился за почти раздавленное горло. Мана побежала ко мне, стражники вскинули на нее ружья. Я поморщился и волной страхпуль повалил их на пол. Крича и плача, стражники с безумными глазами поползли к дверям.

Мана приблизилась ко мне. Я содрал повязку с лица и обмотал рану на ее ладони.

– Ай, – вскрикнула Мана. – повязку промочил пот. Колит.

– Кдхх, – пожал плечами я.

– Какая уж дезинфекция, – хмыкнула Мана. – Кроме соли, в твоем поте полно вредных бактерий. Таких же вредных как ты сам.

– Идут.

Дарсис сидел на троне ярла, вытянув раненую ногу. Подобранный ружье стражника целилось с его колен в толпу унголов. Я развел ладони в сторону.

– Сррххт?

– Ногу свело, – ответил Дарсис. – Одолжил у ярла табу-

ретку.

Унголы окружили трон. Орпо из Монтехро тряс топором в первых рядах. Мы с Маной встали у подлокотников трона, будто телохранители Дарсиса.

Вдруг раскинутый на полу ярл поднял руку.

«Волшебник. Этот иномирянин – Волшебник».

В канареечных глазах гиганта снова плавали узкие зрачки, пена больше не брызгала на бороду. Кряхтя, ярл поднялся – прямо желтый стегозавр с костяными пластинами на хребте и на концах суставов.

Шатаясь, Овако Веселый шагнул на пьедестал и опустил взгляд.

«Награда в поединке твоя жизнь, Красный, а не мой трон».

Дарсис оскалился и встал, опираясь на ружье как на костыль.

«Не бойся, Весёлый. Я просто грел кресло для тебя, пока ты ползал по холодному полу».

Услышав, ближайшие унголы стиснули рукоятки топоров до деревянного скрипа. В последнее время Дарсис много шутил. И шутил ассасин именно со смертью. А Мана почему-то сейчас глядела с обвинением в темно-карих глазах именно на меня. Будто это я учу убийцу плохому.

Овако снова развалился на троне – грязный, избитый дикарь-правитель. Лиловая кровь стекала с волос по шее, но ярла, похоже, не заботили такие мелочи. Овако взглянул мне

прямо в глаза и провозгласил:

«Добро пожаловать в гости!»

Глава 25

Ярл предупредил, что, когда унголы об этом говорят, обычно пропускают часть, где их предки, как напуганные мелкие грызуны, прятались во все щели от стальной пяты Гарнизона. Обычно. Но если не обращать внимания на камушек в ботинке, он продырявит носок.

Четыреста лет назад ананси сжигали унголов везде и всюду. Мощные потоки бозонов утапливали леса, степи, пустыни в светло-бурых лужах с приторным запахом жженого сахара. Тень страха, которую отбрасывал на планету Свет, загнала белых ареопов на край мира в голые северные пустоши. Пересиживая гонения в вырубленных в мерзлом грунте землянках, унголы каждое утро находили в люльках младенцев с инеем на ресницах.

Как персиковое дерево из косточки, макромасштабный геноцид унголов вымахал из вызова, который желтокожие дети Хрора опрометчиво бросили высокоразвитым ананси. Земные державы вроде Соединенных Штатов Америки даже не почесались бы, если им объявило бы войну мелкое африканское племя с копьями и каменными топорами на вооружении. Но секретариат Совета архонтов фиксировал каждую заявку. Ананси устраняли любого, кто угрожал их миссии по спасению Вселенной. Все, кто не хотел спастись, отправлялись пачками на тот свет.

Тогда-то в самый разгар веселья из плена синеккожих «нацистов» сбежал *Грхрр Кррми*, Белоглазый Волшебник. От жалящего холода и голодной смерти иномирянина спасли унголы, и в благодарность он возглавил их безнадежное сопротивление. Волшебник изменил весь расклад. Взгляд его зачарованных снежных глаз опрокидывал отряды ананси прежде, чем синеккожие успевали спустить курки бозонных гаубиц и дальнобойных гравиметов. Взрывая мозги врагов иглами боли, иномирянин остановил военную экспансию. В панике целые легионы посыпались задами на юг. Теперь унголы гнали синеккожих, по ночам выныривая из маскировавших их сугробов и пуская горячую лиловую кровь врагов на мерзлую землю.

Остановились белые ареопы только в Седых равнинах – неприступной природной крепости благодаря окружению Вихревого леса и Серых гор. Здесь унголы размножились и воздвигли десятки горных крепостей и подгорных городов. Ярлы заключили союзы с ареопскими народами на других континентах – лобами, кумо, арахнами – против самозванных спасителей Вселенной. Началась новая война – ее прозвали Войной Мести. Унголы так же мерли толпами, не одного ярла пленили на поле боя и сжарили до смерти электрошоке-ром, всунутым в зубы во время пыток. Все равно в Седых равнинах никто не агитировал против войны. Унголы вовсе не хорохорились. Для них главное, что поражением не пахло: роддомы подземных городов исправно поставляли новых

солдат. Ананси же была всего горстка. Горстка эта когда-нибудь кончится.

Проиграв в поединке, Ярл Овако увидел во мне нового *Кррми*, Волшебника, способного изменить ход затянувшейся войны. Я не спорил. Тем более что меня, Ману и Дарсиса тут же взялись лечить. Дарсис потерял много крови, и уже явно бредил. Ассасин положил руку ярлу на мощное плечо и попросил починить фабрикоида в его комнате.

– Шарниры на клешне заело, – сказал Дарсис. – Швабру роняет.

Унголы унесли его на носилках в реанимацию. Меня и Ману положили в одну палату. Нами занялся чернокожий кумо Мимир – согласно военному союзу против ананси его вместе с соплеменниками командировали в Седые равнины лечить унголов. Ловкими антрацитовыми руками Мимир очистил наши ожоги от остатков сожжённой кожи и прилипших кусков ткани. Очередь дошла до волос. Рассматривая сбритые сальвадорские кудряшки на белоснежной простыне, Мана гладила лысую розовую голову и едва сдерживала слезы.

– Хотя бы я больше не черная, – усмехнулась она. Я промолчал.

– Обещай мне, – сказала бразильянка. – Обещай, когда все закончится, мы навестим тенетников.

Я пообещал, что мы снова увидим вождя Гудэхи. Нашего приемного отца.

И тогда я начал понимать. Раз у нас с Маной, Лилой, Дарсисом общий отец, значит, Лила и Мана – мои сводные сестры. А дьявол Дарсис – мой сводный брат. Я открыл на Люмене окошко семьи.

Я попросил у врача карандаш и тетрадку.

«Все будет окей, сестренка», – накарябал я записку и передал Мане. Она глянула на меня уничтожающим взглядом, слезы вмиг испарились в рассерженных глазах.

– Однажды маленькая я играла на детской площадке, и один пузатый обдолбыш назвал меня точно так же.

– Он хыф? – испугался я за ребенка.

– Жив-жив – если девять лет назад ему удалось содрать с головы ведерко для песочницы.

Мимир измазал нас с ног до головы лечебной регенеративной мазью с запахом бриолина. Вручил мне спрей, велел брызгать горло каждые два часа. Три дня постельного режима, сказал угольно-черный ареоп, и все заживет. Верилось с трудом.

Мое горло постоянно чесалось. Видимая область вокруг пупырчатого языка покрылась тонкой пленкой. Во рту вечно сохло. Сколько бы ни пил жидкости.

Лекарствами, оружием, транспортом, пищей – всем, в общем, унголов снабжали их союзники. Это называется разделением труда. Миллионы белых ареопов пускались в расход. Остальные народы их поддерживали в карьере пушечного мяса. Краснокожие лобы с соседнего материка поставляли

в Седые равнины почти всю военную технику – морем, а затем по подземным туннелям от северного побережья. Островитяне-кумо делились лекарствами и врачами. Жители пустыни арахны снабжали белых ареопов тушеным мясом гигантских песчаных червей.

Похоже, вся планета жаждала прикончить Анансию. Народ, которого и полмиллиона не наберется.

– Похххму? – спросил я на совете, который собрал ярл. Меня никто не понял. Я посмотрел на Ману. Дарсиса еще не выписали из врачебных палат после операции на ноге. Бразильянка закатила глаза и перевела:

«Почему ананси?»

Ярл потряс пальцами соломенные космы бороды.

«Потому что мы хотим есть, – советники Овако соглас-но закивали. – Когда наши предки четыреста лет назад развязали войну с Гарнизонам, они не горели жаждой крови. Их руки не чесались убивать чьих-то сынов, братьев, отцов, сестер, матерей или отбирать жен у мужей. Единственная причина войны: ананси разбудили Зло. Наши пращуры были земледельцами, но Свет уничтожил их поля и пашни. Он тогда только-только зажегся – этот проклятый Свет. Весь рогатый скот просто взмыл в небо и пропал среди звезд. Злаки рассыпались в пыль, зернобобовые окаменели. Широкие полосы капустных овощей превратились в груды острых листов из смятого металла. Многие расы ареопов погубил Свет. Остальные стали голодать и голодают до сих пор. Меня уже

тошнит от мяса песчаных червей! Попробуй, Волшебник. Вкус как у блевотины! Сами же ананси наслаждаются яствами, которые воруют с помощью Света у иномирян.

Проклятые архонты губят нашу планету, чтобы горел их Свет. Справедливо это, Волшебник?»

Я написал записку: «Через три дня – Западный филиал, через пять – Адастра. Готовьтесь». Бумажку пододвинул Мане и попросил ее перевести. Мана прочитала на унгольском.

Ярл обрадовался.

«Значит, ты с нами! И так скоро готов брать дьяволка за рога? Благослови нас Хрор! Но почему не сразу в Адастру? Западный филиал на кой гвоздь тебе повис?»

Я написал и пододвинул записку Мане. Бразильянка прочитала унголам:

«Там заточены десятки Волшебников. Пополнение».

Ярл посмотрел вдаль сквозь каменные стены, сквозь толщу скал и земли. На лице его появилось мечтательное выражение. Наверняка представлял, как команда Волшебников-супергероев пускают из рук мощные лазерные лучи в гигантский столб Света, и он рассыпается бесследно подобно башне Саурана.

«Тогда чего же мы ждем? – воскликнул ярл. – Живо пакуемся. Через три дня выезжаем!»

После совета Мана взяла меня за плечо перевязанной рукой.

– Почему так скоро? Дарсис еще не залечил рану.

Я показал раскрытые ладони. Десять пальцев. Десять дней до того дня, когда Юля уйдет в Свет. По словам ассасина.

– Но ты говорил, что больше не чувствуешь, жива ли Юлирель.

Я пожал плечами. Я слишком легко поверил, что Юля мертва. И Мана почему-то тоже. Нам обоим стало легче, когда мы так решили.

– Жаль, что мы больше не втроем, – вдруг сказала Мана, потянувшись к фантомам кудряшек и одернула руку. – Жаль, что все закончилось.

Я черкнул карандашом на листке и отдал его Мане. Перевязанный кулак бразильянки смял записку. Мана развернулась и двинулась по тусклым холодным коридорам, не оглядываясь.

Ей не нужно было читать бумажку. Она и так знала, что в ней. Очередная бестолковая шутка. Только в этот раз все было по-иному:

«Нет, жаль, что мы это начали».

Пытаясь выручить Лену, я забрался от нее как можно дальше. Ни у унголов, ни у кого другого на Люмене, кроме ананси, не хранился в загатнике телепорт с гиперкоридором на Землю. А я как последний кретин удрал от единственного высокотехнологичного центра на планете в дикие земли, где раз десять едва не погиб и вдобавок породнился через приемного отца с развратной дикаркой, массовым убийцей и бразильянкой, готовой в любой миг умереть ради этого убий-

цы. Вместо того чтобы спасти семью, я завел новую.

Говорила же Мана: учи матчасть.

Чтобы исправить свой косяк, я поведу механизированную армию инопланетных викингов на штурм Адастры и орбитальной станции над ней. Гарнизон падет – ради этого я собирался уговорить Динь-Динь и других пленных эмпа-тов-людей тоже броситься в мясорубку. Времени на все про все почти не оставалось. И я не тратил его, рассуждая, ради чего превращаюсь в чудовище: спасти сестру с Юлей или угробиться самому. Черный ящик в голове пока подзабылся.

Дверь в палату Дарсиса не заперли. В узкую щель между массивной редвудовой доской в красных прожилках и каменной стеной заглядывали из коридора двое желтощеких мальчишек. Я испугался, что дети караулят, пока Дарсис уснет, чтобы отомстить за убитых ассасином родственников. При виде меня мальчишки посторонились. Тонкие ручонки каждого покрывали гроздь белесых аксамитовых шипов.

Я распахнул дверь, полутёмная комната встретила меня тремя огнями – газовой лампы и глаз ассасина. Дарсис мертвой хваткой сжимал поперх одеяла бозпушку, обожженные костяшки его побелели, вроде даже потрескивали косточками. Ясно, что ананси было не по себе в центре жизни своих кровных врагов.

Стульев не было. Я сделал знак подвинуться, ассасин неохотно перевернулся на бок. Взгляд его не отрывался от двух маленьких голов в щели дверного проема. Усевшись на

край кровати, я разгладил на коленях большеватую рясу, в которую меня нарядил Мимир.

Дарсис вдруг поднял бозпушку.

– Раньше меня нисколько не коробило убивать детей.

Черное треугольное дуло нацелилось в две головы в проеме. Мальчишки не двинулись. Их круглые бледно-желтые глаза бесстрашно смотрели в дуло смерти.

Я оцепенел, все поплыло перед глазами.

– Гхрххх! – я поднял руку. Моя ладонь накрыла ледяной ствол пушки. Горелое лилово-желтое лицо ассасина не дрогнуло ни одним мускулом.

– Ведь я сам был таким же ребенком, – сказал Дарсис. Пальцы его резко ослабли, бозпушка выпала из рук на одеяло, покатилась с кровати. Серый ствол завертелся в воздухе, целясь то в меня, то в детей, то в Дарсиса. Пока оружие не грохнулось на каменную плиту пола.

Я написал на бумаге:

«Ты никогда не был ребенком».

Архонты лишили Дарсиса детства. Всю жизнь он функционировал только как машина для убийства. Не только Дарсис. Неизвестно ради чего ананси искалечили всех своих детей. Пожертвовали их жизни Свету.

– Без тени нет света, – сказал Дарсис. – Кто-то должен страдать, чтобы космос жил. Совет архонтов решил, что страдает вся планета.

Все эти эфемерные причины – для меня туйфта полная. Я

так и написал на листке бумаги: «Туфта».

Дарсис пожал плечами. Обожженная голова его откинулась на подушку. Мальчишки все еще совались носами в комнату.

– Монтехро... Моя великая победа, моя гордость, – про-
бормотал ассасин. – Ни тяжелый дождь, ни обстрелы воз-
душных звеньев не смогли разрушить его коммуникации и
заводы. Только я, один я. Изнутри. Я явился к воротам го-
рода в открытую, как беженец. Знаешь, как сойти за унгола,
умник? Во-первых, научись свободно говорить на их языке.
Как абориген Седых равнин. Без акцента – иначе, только рас-
кроешь рот, тебя стреножат цепями. Во-вторых, обесцветь
кислотой кожу, покрась ее в желтый цвет. В-третьих, волосы.
Либо тоже обесцветь, либо сбрей – это проще. Да и еще: не
забывай прятать роговые выделения. Но в твоём организме
и так нет аксамитовых луковиц. Повезло.

Мальчишки за дверью слушали очень внимательно, хотя
ничего не понимали.

– Хмпффф, – сказал я.

– Сочини легенду, как твое поселение уничтожил дивер-
сионный отряд Гарнизона, – учил Дарсис. – И одна из семей
в городе примет тебя с распростертыми объятиями. Семьи
у унголов большие, детей много. Мальчишки будут играть
с тобой. Старшая дочь привяжется к тебе, как к младшему
брату, младшая дочь же влюбится в тебя. Уж не знаю, как
в твою обожжённую морду можно влюбиться, умник, но эта

тихая скромная унголка не станет отодвигаться, когда ваши колени соприкоснутся под столом во время семейных трапез.

Ассасин закрыл ладонями уши, будто внутри них звенело.

– Старшая дочь так близко воспримет к сердцу твой рассказ, твои утраты и твое горе, что соберет отряд стражников и бросится в погоню за несуществующими диверсантами. А младшая... – убийца сглотнул. – Ты должен понимать, умник, что для младшей весь мир невинен, потому что сама она невинная девушка. Ее разуму чуждо, что нищий, пригретый ее семьей мальчик собирается убить всех, кого она любит. Даже когда младшая увидит, как ты подкрашиваешь в чулане потемневшую кожу, она согласится хранить твой секрет. И вы долго будете целоваться в тот день, умник. Долго будете прижимать друг друга к старым полусгнившим полкам, а когда проломите их и повалитесь друг на друга, долго будете смеяться. Следующей ночью, умник, ты долго будешь ссыпать яд в главный городской водопровод.

Дарсис замолчал. Капли пота заблестели на его рыхлом лиловом лбу.

Я написал на бумаге: «Все в порядке?» и помахал листком перед носом ассасина. Дарсис только закрыл глаза и продолжил:

– Десять ночей тебе понадобится, чтобы отравить всю инфраструктуру водоснабжения в крупном городе наподобие Монтехро. Не все службы и домохозяйства пьют из главного

водопровода. У надвратной стражи свой собственный колодец, у городничего свой. Отдельная система трубопроводов у городских кузней. Все их нужно отравить достаточным количеством яда. И яд нужен не моментального действия, иначе после первых же отравлений начнут искать диверсанта в городе. Поэтому разбавляй в воде тот же безопасный порошок со слабыми связями сложных молекул, что и я. Когда все трубопроводы и колодцы будут отравлены, ты подождешь около суток и включишь бозонный уменьшитель в кармане. С включенным прибором ты пойдешь по домам. Куда-то ты проникнешь через незапертое окно, где-то отмычкой взломаешь дверь, куда-то ворвешься напролом. Все, кто попадет к тебе, тут же уснут и рухнут на месте. Сложные молекулы порошка в их крови ослабнут и рассыплются, на их месте изолированные атомы образуют простой по структуре яд. Цианистый калий. Радиус действия у устройства небольшой. Поэтому тебе придется увидеть лицо каждой жертвы. Увидишь, как на ее лице расцветает яркий лиловый румянец, как ее глазные яблоки выпучиваются под закрытыми веками. Ты долго будешь вспоминать каждое лицо, умник.

Я уронил руку с запиской. Дарсис тихо говорил:

– Не все умрут. Кто-то победит яд. Их спустя годы ты увидишь в тронном зале Овако Весёлого. Дом приютившей тебя семьи будет одним из последних, куда ты войдешь. Но войдешь. У тебя приказ не пропустить никого. Когда почти догорит закат, калитка скрипнет под твоей ладонью. Мальчиш-

ки, с которыми ты играл, заснут посреди двора, рухнут лицами в грязь. Отец и мать уснут в постели. Старики будут спать в креслах и уже не проснутся. Готовясь ко сну, младшая дочь будет расчесывать волосы. Когда ты откроешь дверь в ее комнату, она в замешательстве склонит набок маленькую голову, длинные соломенные волосы стекутся в ложбинке на плече и ниже на грудь. А затем девочка упадет со стула, зацепив руками зеркало. Россыпь сверкающих осколков усеет пол, ее на полу. Девочка так и не узнает, что ты ее убил. Так и останется невинной.

Дарсис резко открыл глаза. Мальчишки за дверью отпрянули. Я написал на листке бумаги:

«Старшая дочь?».

– Когда ее отряд не найдет диверсантов Гарнизона, старшая вернется в Монтехро. Войдет в город-склеп. В родном доме старшая дочь найдет тела всей семьи. Всей, кроме названного брата. Тогда старшая все поймет. Глядя, как на каменные дома надвигаются черные тучи с тяжелым дождем, созданные завершить то, что начал ты, – старшая поклянется отомстить тебе. У нее ничего не выйдет: через несколько месяцев ты убьешь ее в Вихревом лесе.

Не думая, я написал карандашом: «Мишаба». Дарсис скривил губы и прошептал:

– Как же ты устанешь от кошмаров спустя годы. Как же ты захочешь уйти. Пожалуйста, умник, помоги мне уйти.

Слезы потекли из глаз ассасина. У него начинался припа-

док, свойственный детям ананси. Я написал на бумаге:

«Уходи. Не волнуйся. Я позабочусь о Мане»

Глаза убийцы вспыхнули.

– Ах ты гребаный обезьян!

Ассасин схватил меня за шею. Я дернулся, и мы свалились с кровати. Простыни и одеяла разметались. Безволосые, сожженные ноги и руки Дарсиса сдавили меня поперек туловища, как лапы паука муху. Я умудрился выскользнуть ассасину за спину и применить удушающий за горло.

Меня заколотили по спине.

– Ай-й-й, – закричал я. Двое мальчишек всю колошматили мой хребет шипастыми кулачками.

«Не трожь Красного» – кричали они. – Красный выиграл поединок, Красного нельзя бить».

Я зря боялся. Эти мальчишки не были мстителями. Дети почему-то охраняли Дарсиса.

Я молниеносно ретировался и уполз в дальний угол комнаты. Мальчишки широко расставили ноги, подобно греческим титанам, и грозно подняли вверх колючие аксамитовые клешни.

Тяжело дыша, Дарсис уперся спиной в кровать. Похоже, припадок его я предотвратил.

– Никто не заберет ее у меня, – прохрипел ассасин сквозь сопли и слюни. – В твой Западный филиал пойдем все вместе.

Я кивнул. Меня это устраивало. При любом другом пово-

роте событий Мана не оставила бы ассасина, а значит и ему незачем было бы сопровождать меня. Но остерегаясь, что я заберу ее, Дарсис сам вызвался в кровавый турпоход.

Чудовище или еще нет, я знал точно: в Западном филиале нас ждет адская бойня. Значит, рядом мне нужен тот, кого возвращали сеять ад среди жизни. Мне нужен дьявол. Даже если его будут таскать на носилках между разрывающихся бозонных бомб.

Глава 26

– Ехли хтруките, никто из вах не ихбежит моего гнева! – закричал я на русском, усаживаясь на трон Овако.

Белый шитый золотом плащ смялся под моей бундой, через штаны между булок колом воткнулась толстая шерстяная складка. Я крепче стиснул пальцами каменные подлокотники.

Секрет самого властного узурпатора, сказал Овако, в том, чтобы ни в коем случае не чесать зад на людях.

– Никто!

Уже через два дня, благодаря спрею Мимира, мое горло исторгало членораздельные звуки. Волдыри на обожжённом мясе полопались и прошли. Тело тоже постепенно зарастало розоватой как у младенца кожей.

Как ствол пистолета, я наставил дрожащий указательный палец на вытянувшиеся лица ярлов. Племенные предводители унголов прибыли в Олсо, чтобы увидеть грозного Волшебника, победителя Овако Веселого, и явно не ожидали встретить напуганного обожженного коротышку.

С моих заживающих рук сорвались страхпули. Прозрачно-серые виноградины осыпали соломенные головы ярлов. Могучие воины обмякли и, словно снесенные рукой великана, враз попадали на пол.

Второе правило непоколебимого узурпатора, по версии

Овако: быть выше всех.

Ярлы хрипели и стонали. Сами каменные своды грохотали от ужаса. Сама утроба земли дрожала от оскала на моем лице.

Я встал с трона и прошелся среди ползающих как муравьи вождей. Каблуки моих блестящих хромовых сапог звонко стучали по камню. Великоватый плащ шуршал полами.

– Я шехть лет не ел малиновые йогурты! – вопил я на русском. – Не читал комиксы! Шехть лет без Человека-Паука, предтхавляете!

Ярлы затряслись от моего разгневанного взгляда. Овако, сказал: настоящие тираны всегда чем-то недовольны. Кричи, иномирнин, каждое слово веско, растягивая, смакуя. Неважно, что конкретно. Неважно даже, на каком языке будешь орать. Главное, грозно сведи брови и требуй невозможного, Волшебник.

– Похтер Халка! Хочу похтер Халка.

Распластанные ярлы тянули ко мне руки. В желтых глазах сияли слезы и боль. Аксамитовые поножи скреблись по полу при попытках встать на колени.

«Веди нас! Веди, Великий!»

Как просто стать мессией у народа, который признает только закон силы.

И забурлили подземные туннели под Седыми равнинами. Великие ярлы спешно перебрасывали в Олсо войска вассалов со свитами. Тысячи унголов топтались в очередях у скла-

дов оружия. Набитые винтовками вагоны катились под навесами из земли и камня от северных берегов. В костры мрачных унгольских богов лилась кровь из сжатых в кулак порезанных ладоней. В тех же кострах хирурги-кумо калили ножи и скальпели.

Ночью ярлы совещались об атаке на Западный филиал Центра. Бледный Дарсис сидел в стороне и информировал о слабых местах в защите крепости или количестве артиллерийских орудий филиала. А я в нарядном плаще сидел во главе стола и учился спать с открытыми глазами.

«Теперь решим насчет заслона», – поднял тяжеловесную руку Овако.

«Заслон позже» – сказал Дарсис.

– Что за захлон? – спросил я, зевая.

«Тара для боеприпасов, – Дарсис не отрываясь смотрел в канареечно-желтые глаза Овако. – Позже».

Овако помедлил секунду и кивнул.

На рассвете второго дня в карстовой пещере веселый ярл учил меня с Маной стрелять из унгольской винтовки, рубить унгольским топором. Свита из советников и жен ярла наблюдала в стороне. Из винтовки я стрелял по сталактитам неплохо, а вот топор каждый раз вылетал из рук от крепкого удара ярла.

Гигант вскидывал светлые брови.

«Веселый Овако точно проиграл тебе?»

Хотелось запустить в него страхпулей, но дядя Бен не

одобрил бы. С великой силой приходит великая ответственность и всё такое.

Зато Мана уловила суть рубки на острых железках сразу. Как бешеная шельма кружила по пещере, увлекая огромного ярла за собой в узкие проходы между валунами. Топор переключивал у нее из правой руки в левую и обратно, удары ее оставляли неглубокие зарубки на белоснежном доспехе ярла. Сам гигант ни разу не достал ее кожаную куртку в стальных заклепках. Юркая бразильянка отскакивала от широких взмахов его топора за высокие поросшие мхом камни. На незакрытом шлеме мокрому лбу Овако вспух рыжий канат-вена.

«Женюсь, – выдохнул ярл после учебного поединка, вытирая полотенцем лицо. – Сразу после похода закатим свадьбу».

Тут же крупная широкобедрая унголка пихнула ярла кулаком в живот.

«Лучше бы о уже имеющихся тридцати женах вспомнил, старый развратник»

Потом наедине ярл пожаловался мне, что вот так женщины обрубают на корню наши мечты.

«Береги свою юность от коварных женщин», – изрек многоопытный женатик. Я спросил, сколько ему лет.

«Двадцать шестой год пошел», – ответил ярл, расчесывая растопыренной пятерней лохматую бороду с седой прядью.

– Ого, – не выдержал я.

«Слушайся моих советов, Волшебник, и ты умрешь седовласым старейшиной, наплодившим ораву детей и внуков, в возрасте тридцати пяти лет»

Я пообещал подумать над предложением.

Ранним утром четвертого дня запели призывные трубы, взревели заведенные двигатели карс. Сырой подземный воздух разорвали тысячи звуков. Объединенная армия унголов выехала на войну.

Колоннады машин мчались по черным неосвещенным туннелям. Свет фар выхватывал каменные гребни на потолках и стальные балки-подхваты вдоль стен. Десятиместная карса-внедорожник ярла Овако неслась в голове длинной колонны. В кабине, кроме ярла, Дарсиса, Маны и меня на жестких, закрепленных вдоль стенок кузова креслах тряслись четыре воина в полном аксамитовом доспехе. Один из них Орпо. Его бледно-желтые глаза в прорезях глухого шлема пытались прожечь в Дарсисе дыру.

Легкая кроваво-красная броня защищала ассасина от случайной гравитационной волны. Свежая алая каска отбрасывала тень на тонкий воротник из аксамита. Прочные красные пластины Дарсис навешал по всей черной кожаной одежде, от голенищ сапог до плеч. Большую ногу обвивали хромированные обручи экзоскелета – разработки лобов.

В Олсо ярл настоял, чтобы меня и Ману тоже облачили в аксамитовые доспехи.

Не успел я согласиться, как стройная златовласая унголка

взяла меня за руку и увела в темную комнату. Мягкие ладони сунулись мне под мышки.

«Давай. Сними плащ, Волшебник»

Я обернулся к двери, но три белокурых головы заслонили падавший из коридора луч света. Девушки улыбнулись – ослепительные зубы вспыхнули в черноте.

«Мы преодолеем это вместе, Волшебник».

Унголка, с которой я пришел, забралась сзади под плащ, под кофту и там заелозила по мне, по голому мне. Мамочки! Другие девушки обхватили меня с трех сторон. Мои глаза привыкли к темноте и увидели изящные линии гибких тел. Мои руки затряслись в ласковых тисках, как дизельный мотор на холостом ходу.

Девушки сами расстегнули застежку моего помпезного плаща. Стянули кофту. Потом штаны. Потом белье. В шесть рук унголки подняли меня над полом, раздвинули колени. С ног исчезли сапоги вместе с носками. Бедер коснулись кончики ледяных пальцев. Я зажмурился. Под кожу набились миллионы ужасно-приятных игл. Разум понесся в лазурные дали. Глубокое чистое небо проглотило меня.

Очнулся я один на полу – закованный в твердый белый аксамит. Литая броня целиком спрятала меня от окружающего мира. Конусный глухой шлем с прочным воротником скрипел при повороте головы. Округлые снежные щитки защищали соединения на суставах рук и ног. Цельноаксамитовая юбка закрыла тело от поясницы до колен.

Несмотря на толстый слой брони, панцирь был не тяжелее зимней телячьей дохи из подмосковного детства. Двигался я в нем свободно. Когда организм ареопов выделял вместе с аксамитом цемент-клей, волокнистые клетки затвердевали и саморазрушались только спустя месяцы. Я испугался, что мой доспех по-другому и не снять. Как назло, мочевого пузыря тут же попросил облегчиться.

Ища застежки на броне, я вылез в коридор и с грохотом врезался в Ману. Бразильянку заковали в точно такие же алебастровые доспехи. Шлем Мана как-то сняла, конусная кастрюля с поднятым забралом лежала в изгибе ее локтя. Мана вспыхнула и тыкнула закованным указательным пальцем мне в нагрудник.

– Хоть раз вспомнишь об этом – и ты труп.

– О чем?

Пунцовые почти зажившие щеки Маны совсем накалились. Даже сырой подземный воздух вокруг нас будто высох.

– О том, как нас запихнули в это! О чем еще!

Мои глаза невольно уставились на юбку Маны.

– Тебя там тоже трогали?

Мана сморгнула слезы.

– Ты – чудовищный извращенец, ты сотни раз это делал.

А у меня все не так должно быть. *Errado*, не так!

Я вспотел под доспехом. Я тучка, тучка, тучка, я вовсе не пропустил самый важный момент в пубертатном возрасте. Второй раз не пропустил.

– Что не так? – сглотнул я.

Мана дернула руками, показывая на всю себя.

– Ходить голой на людях! Что еще? Голой! Полностью!

Без трусиков!

Она двинулась прочь, а я вытягивал вслед ей шею – пытался углядеть блеск новой розовой кожи между белыми пластинами сочленений. Жалко, юбку слепили длинной, почти до колен.

Туннель раздался в стороны и оборвался, как треснутый раструб валторны. Лес окружил нас разнообразием цветов. Под землей все серое с белым. Не хотелось отрывать взгляд от ясного голубого неба.

Карсы рванули по свежим грунтовым дорогам – их в лесу прорубали дорожные команды все три ночи. Трясло на пропущенной поросли и ухабах. Скалистые отроги Серых гор таяли в утренней дымке за нашими спинами.

Разбитая на сотни рукавов, унгольская армия выныривала из-под земли с южной стороны Серых гор. На поверхности белые ареопы поворачивали на запад. Ревели моторы, стонали резиновые покрышки, стучали корпуса зенитных ракетных установок о сталь кузовов. Грохот армии заглушил лесные звуки.

Наша колонна взбиралась по склону огромного холма. Темно-зеленые кроны внизу уходили к далеким красно-черным вспышкам. Царство боли.

– Ярл!

Овако молча смотрел вперед.

Сняв шлем, я приник лицом к смотровой щели над креслом. В восточном небе, почти у самого солнца, сверкали маленькие сиреневые крылья. Воздушные звенья ананси.

– Ярл! На другие отряды напали.

Далекие флаеры выпустили тысячи ракет. Навстречу им гаркнули унгольские мортиры. Небо разорвало взрывами встретившихся снарядов. Почти сразу взрывы, как дождевые капли на окне, стекли в лес, к унгольским колоннам.

Я заорал:

– Кретин, ты оглох? Твои унголы умирают!».

Не поворачиваясь, Овако кивнул.

«Да, это заслон».

Тысячи жизней затухали как свечи. Рвались бозонные снаряды, тряслась земля. По всей равнине пушистые кроны испарялись во взрывных вихрях. Все живое распалось на атомы. Разрасталось черное пятно пустыря. Блестели на солнце лужи – прах леса, жидкие трупы.

– Что? – не понял я.

«Заслон, – повторил ярл. – Наша тактика. Отдельные части примут на себя атаку с воздуха, чтобы остальные прошли дальше».

Черное облако в красных всполохах повисло над исчезающими, словно призраки, деревьями. Это кричали ауры умирающих. Кричали как им больно. Видел облако только я. Но

знали о нем минимум еще двое. Ярл и...

– Тара для хнарядов? – повернулся я к убийце.

Ассасин пожал плечами.

– Скорее наоборот – мишени для них.

– Ты ховрал мне!

– А для чего еще ты потащил массового убийцу с собой? Чтобы принимать неподъёмные для тебя решения. Так я принимаю.

Кроваво-черное облако тянуло кровавые щупальца в узкие окна нашей карсы. Все тише и тише грохотали мортиры обреченных. Мы уносились прочь от бойни.

– Это необходимая жертва, – сказала Мана, глядя в колени.

– Это убийство, – сказал я и повторил на унгольском.

Овако приподнялся с кресла.

«Век унгола короткий, Волшебник. Смерть в бою ведет нас к бессмертию. Битве с врагом мы жизнь от колыбели посвящаем. В рубке голов отрада наша. Так и ты улыбнись за братьев наших».

Толстые пальцы ярла сжали уголки моих губ и натянули их вверх. Я ударил кулаком по гигантским ладоням. Аксамитовые рукавицы с грохотом отскочили друг от друга.

– Чушь полная! Я видел лицо Мишабы перед смертью. Ни черта она не радовалась.

Ярл рухнул обратно в кресло.

«Мишаба... кто это?»

«Моя невеста», – сказал Орпо, не отрывая взгляда от Дарсиса. Солнечные лучи играли золотом в соломенных волосах унгола.

На лице ассасина мускул не дрогнул, ресница не колыхнулась. Не услышал? Ярл поскреб пальцами аксамитовый нагрудник.

«А, ту, что Красный убил? Симпатичная была?»

Орпо словно застали врасплох. Воин завертел головой.

«Если бы я помнил... Ее лицо растаяло в моей голове как масло в печи. Почему? Мы ведь хотели пожениться в день летнего солнцестояния, еще до того как пригретая на груди красная змея уничтожила наш город».

Мана сжала в ладони руку убийцы. От Орпо не скрылось, воин впился взглядом в их соединённые руки.

«Ее лицо как пятно... Странно. Когда она погибла, я неделями не вылезал из Вихревого леса. Надеялся увидеть свою Мишабу еще раз. Увидеть мою девочку живой. Она не вышла ко мне. А ты, Красный? – Орпо вдруг подался к середине кабины. – Ты же часто пересекаешь Вихревой лес, чтобы исподтишка убивать нас? Видишь ее?»

Ассасин молчал. Орпо откинулся к стене кузова.

«В новом году ты сразишься со мной, Красный. Запомни».

Лиловые губы ассасина разомкнулись.

«Нет. Ты опоздал. Меня зарезервировали на два года».

Те двое мальчишек возле палаты Дарсиса. Его страшные

телохранители.

Перед самым нашим отъездом они подошли к убийце. Я видел, как старший мальчик поклонился ассасину и попросил его продержаться до зимнего солнцестояния – дня, когда боги раздумывают, не усыпить ли навечно грязный, подлый мир. В этот день, если миру дозволяется дальше мараться, можно просить богов пересмотреть и другие решения поменьше. Кровную месть, к примеру.

«Прошу, доживи год, Красный, – сказал мальчик. – Не хочу, чтоб моя мама умерла не отомщенной».

Второй мальчишка кивал в сторонке.

«Красный, а если вдруг братика убьешь в новом году, – сказал он. – То и до следующего года, – мальчик показал два маленьких пухлых пальца. – Два года, выходит. Два года проживи, Красный. А дальше как хочешь. У нас с братиком все равно нет больше никого. Ладно? Два?»

Тогда Дарсис сказал двум сиротам: «Ладно». Мальчишки сразу заулыбались.

Сейчас в сотрясаемой кочками карсе убийца унголов вдруг оскалился в хищной улыбке птеродактиля:

«Орпо из Монтехро, в своем желании ты не одинок. Но я не буду против, если ты поменяешься местами в очереди с парой сирот».

Рассветало, редел лес. Разбитые колеи оборвались у пустынного Западного шоссе, древней дороги ананси. Черное

гладкое полотно потянулось перед нами. В карсу заглядывали зеленые холмы и красивые стройные деревья.

Вдруг небо взвыло. Кругом загрохотало, снаряды засыпали деревья и лесные поляны. Дорогу словно накрыло крышей из стальных жердей. Бозонные ракеты вонзались в крыши карс, взрывались. В пробитых кабинах и кузовах воздух дрожал, шел волнами, отряды унголов внутри мигом падали на шипящие струи воды. Высокие воины таяли, как туман. Вскинутые руки исчезали вместе с белыми рукавицами, в бурые лужи падали топоры, каменные щиты, винтовки. Оставшиеся без водителей и пассажиров машины врезались в деревья, скатывались в канавы и замирали – пустые, почти целые, только крыши дырявые или лобовые стекла разбитые.

Колонна не останавливалась. Мы неслись по разрываемому огнем шоссе. В грузовик справа от нас воткнулся клюв ракеты, вихрь взрыва испарил отряд внутри. Машина резко вильнула, перевернулась прямо перед нами. Повреждённый мотор взорвался, волна пламени разбила лобовое стекло нашей карсы. Жар опалил мое лицо под шлемом. Я закрыл рукой глаза, другой стиснул плечо Маны. Она словно не заметила. Спина бразильянки развернулась к огню, закрывая Дарсиса. Ну конечно.

Водитель выровнял движение, мы обогнули останки машины. Вскоре увидели, что нас задело всего лишь отголосками битвы впереди.

Прямо из карсы я смотрел на сотни разбитых грузовиков,

развороченных танков, траншеи, следы взрывов.

Другие ярлы прибыли раньше и уперлись в крепость Гарнизона за дорогой. Их мортиры и зенитные ракетные установки без толку изрыгали ливень огня по лабиринту траншей. Дальше к лесу полчища воинов в белых панцирях прыгали на бетонные стены. Напрасная смелость! Очереди из гравиметов ананси расшвыривали их, словно сухие листья. Густая россыпь переломанных тел оставалась на черном асфальте и зеленой траве.

Чтобы не подпустить унголов к Западному филиалу, ананси воздвигли на высоком холме бетонные стены, выкопали траншеи, опутали их колючей проволокой. Стальные колпаки башен-турелей вертели толстыми стволами, изрыгая град бозонных бомб сверху на конусные шлемы воинов.

Кругом все горело, ревели, ломалось, гудело. Воины Овако выпрыгнули из карс. Мы вместе с ними. Небо перепоясывали туманные линии гравиволн. Сбоку взорвался танк. Кусок горячей брони отлетел и придавил троих воинов. Предсмертные крики чуть не разорвали мои барабанные перепонки.

Впереди, у дороги, унголы выгрызли ямы. Мы залегли туда. Коричневые гребни взрытой земли закрыли нас от черных, в горелой саже, колпаков турелей.

Я выглянул из ямы. На колючей проволоке у траншеи висели грязно-белые клочья доспехов. Или, может, костей — они тоже белые. В лиловом вереске чернели разломанные

винтовки.

Поодаль пехота унголов, словно армия белых призраков, рванула на штурм. Турели открыли по ним навесной огонь. Бозонные ракеты накрыли холм. Минуты три грохотали сапогами по склону сотни воинов, еще через две минуты – несколько десятков, прошла еще минута – только пустая голая земля зияла черной воронкой. Ни тел, ни частей тел. Ни упавшего аксамитового шлема, ни оброненной рукавицы. Ни травинки. Только винтовки и топоры валялись в сырой мертвой земле.

«На штурм!» – взревел Овако своим вассалам.

– Нет! – заорал я. – Хтойте на мехте.

Никто меня не слушал. Белые полки поднялись из укрытий. Я взмахнул ладонями. Сотни страхпулей обрушились на вассалов ярла. Унголы рухнули обратно в ямы. Из закрытых шлемов раздались глухие рыдания.

– На мехто, олухи, – повторил я. И прицелился к турелям. Ауры солдат Гарнизона едва светились. Слишком далеко. Я обернулся к Мане и Дарсису:

– Охтавайтехь тут.

Затем выпрыгнул из ямы. Большое мертвое поле тянулось передо мной. Мои сапоги захлюпали по лужам. Брызги растаявших унголов летели мне в глаза сквозь прорези шлема.

Турели с вздернутыми толстыми стволами нависли как гигантские черепа со свистелками в зубах. Я обрушил лавину страхпуль на толстую сталь башен и бетонные ограды по бо-

кам.

Сзади бабахнуло. Меня ударили, я упал и покатился по склону. Забрало полностью залепило брызгами грязи. Темно. Встав на колени, я стянул шлем.

Все вокруг окутали тучи дыма. Распластанная Мана тяжело дышала рядом.

– Раскомандовался он, – выдохнула бразильянка. – Вот догнала и врезала, в следующий раз будешь знать.

В ушах звенело. Выше, где я только что стоял, землю изгрызли глубокие воронки от снарядов мортиры. Дрожь пробрала меня.

– Бей меня, пожалуйста, почаще, – попросил я, икнув.

– Мазохист, – хмыкнула Мана.

Мы поползли обратно в ямы. Над нашими головами свистели снаряды. Унголы продолжали бомбить по турелям, даже не подозревая, что только что чуть не укокошили своего мессию.

Уже у подножия холма мимо нас прогрохотали воины Овако. Дарсис махал бозпушкой унголам в сторону крепости.

– Куда Овако? – спросил я.

Ассасин косо глянул на меня.

– Турели затихли, я сказал ему наступать.

Наверху белые ареопы прорвались сквозь колючие проволоки. Тысячи воинов хлынули за стены. Солдаты Гарнизона ползали в траншеях без сил. Мой страх поверг немногочис-

ленных врагов. Сейчас унгольские винтовки методично расстреливали беспомощных, распростертых на земле ананси. Черно-красное облако боли развевалось над полем боя.

Без слов я отошел к дороге и забрался в нашу карсу с разбитыми стеклами. Закрыл глаза. Зажал ладонями уши.

Далекие выстрелы все равно гремели в тишине.

Глава 27

К вечеру армии ярлов продвинулись к Западному филиалу. Лес исчез, и посреди равнины выросла огромная крепость. В фундаменте бетонных стен торчали пупки из монолита – доты. Из их узких амбразур орудийные стволы сметали все живое шквальной гравиволной. Навесной огонь артиллерии лился на все подступы. Головы не поднять.

Прибывшие до нас унголы не только головы подняли. Белые воины с воплями, с именами богов на устах выскочили на поле перед стеной, презирая смерть. Из-под белоснежных сапог взмыла птица, дергая раздавленным крылом. Россыпь снарядов запачкала голубые небеса, и тень птицы растаяла в красных разрывах. Сквозь клубы дыма и песка штурмовики неслись на врага. Мир сжался до прицела винтовки, сузился до лезвия топора.

Бежали недолго: гравиволны скосили плотные полки, как сено. То тут, то там вырастали грязно-белые курганы из тел, меж которых черными ужами ползали санитары-кумо в поисках раненых. Визжали над трупами бомбы.

Мы остановились за укреплениями и траншеями других ярлов. Унголы высыпали из грузовиков и копали землю. В вырытые ямы стаскивали ящики со снарядами. В нескольких метрах от покрышек нашей карсы гудел в облаках пыли поток машин с повозками. Об их борта стучали громад-

ные стволы перевозимых мортир. Позади тянулся полк черносипинных танков.

В самой дальней от крепости траншее собрали совет ярлов. Дарсис сказал, что до завтра нужно захватить филиал. Иначе утром нас возьмут в тиски с двух сторон и раздавят. Подмога Гарнизона из Адастры уже должна быть где-то у Вихревого леса.

Ярлы заспорили друг с другом, кто поведет пехоту, и кто возглавит артиллерийский обстрел. День догорал, прохладная тень накрыла окопы, а ярлы вскипали только еще больше. Разумные доводы уступили место грязной брани, засверкали лезвия топоров.

Я выпустил страхпули, предводители попадали на колени.
– Похтер Халка! – закричал я. Дикари в ужасе прижались к стенам траншеи.

Негромким голосом Дарсис посоветовал под прикрытием артиллерии отправить танки в атаку. К воротам филиала.

«Гравиметы сотрут их за полчаса», – проворчал Овако, вставая на ноги.

«За двадцать минут, – кивнул Дарсис. – Хватит, чтобы пять карс с умником подобралась вплотную к северной стене».

И танки поползли на неприступные стены. Снова загрохотало. Как только позади очередного гусеничного зверя оставалась невидимая граница, его поднимало и отбрасывало назад. Глыба черного металла катилась по полю, сминаясь,

словно картон, втыкались в землю оторванные хоботы-пушки. Пока танк летел, открывался люк, наружу выпрыгивали унголы – их тут же раздавливали чудовищные гравиволны.

Из карсы я смотрел на самоубийственную атаку. Под защитой деревьев мы объезжали по кругу крепость. Меж стволами иногда белели неподвижные тела на покрытом воронками поле. Унголы гибли и гибли.

Как только угол крепостных стен остался позади, пятерка быстроходных карс рванула через травяное поле. Наш вездеход прикрывали спереди две машины, по бокам – еще две. Оборонительная стена ананси выростала над полем. Серыми холмами поднимались доты. Длинные стволы гравиметов уставились прямо в лобовые стекла карс.

Трясаясь на ухабах, Овако сжал огромной ладонью сигнальную ракетницу.

«Волшебник?»

Я уставился в черные амбразуры дотов и попытался нащупать врагов.

– Еще ближе.

Бетонные колпаки дотов нависли как горы. Мы почти вплотную подобралась к заборам из колючей проволоки. Водитель нервно оглянулся на меня. Мана, Дарсис, Овако, воины ярла схватились за кресла.

Я ощутил солдат Гарнизона, очередь страхпуль тут же выстрелила из моих рук.

Стволы гравиметов вдруг шевельнулись. Прозрачные как

туман линии изукрасили синеву неба. Ярл заорал:

«Волшебник!»

Страхпули соскользнули с аур солдат, бессильные, как брызги дождя. Меня прошиб пот.

– Не работало! – я почему-то заорал на Дарсиса, вцепившись в аксамитовые пластины на его куртке. В медово-желтых глаза ассасина не отразилось никаких эмоций.

Туманные линии ударили по карсам впереди. Машины взорвались. Два ярких костра вспыхнули перед нами. Водитель дернул руль в сторону. Меня швырнуло на пол, затем на ярла и на Ману.

На полном ходу Дарсис резко дернул ручку двери.

– Выпрыгивайте все!

Свистящий ветер ворвался в салон. Пока все бросались наружу, я бил бесполезными страхупулями по дотам. Вокруг туманные трассы гравиволн взрывали землю, вырывали с корнем траву, чахлые деревья. Водитель вцепился в руль, пытаясь совладать с машиной. Внутри остались только он, Дарсис и я.

– Я погубил нах, – вырвалось из моего рта.

– Прыгай, дурак, – ассасин пнул меня ботинком в грудь. Я кубарем вылетел из машины.

Завыло небо. Гребень огромной, словно вулканической, воронки ударил меня по зубам. Призрачно-туманный занавес накрыл травы над головой. Взрывные вихри обрушились на поле. Комья земли полетели в лицо. Мои глаза сами собой

зажмурились.

Разум унесся прочь от бойни. В крошечной темноте что-то заблестело. Будто в ночи замигали фары дальнего света. Чистые белые звезды подхватили меня и тут же окрасились в красный цвет. Из их кровавых лучей соткался крик:

«Где ты?»

Ветер бил по ушам, гремел воздух. Она неслась среди звезд, словно была одной из них.

«Где ты?»

Золотые глаза вонзили взгляд в самую душу. Она требовала, она вопрошала. А я молчал. Здесь опасно. Здесь смерть. Не лети сюда.

«Это решать не глупому питомцу!»

Да иди ты! Сама сказала, у тебя давно больше нет питомца.

«Какой же ты равнодушный человек!»

Сказала амебная пришелка!

«Хватит! Я знаю об атаке унголов. Где ты?»

Сама догадайся. А лучше сиди дома.

Огромное расстояние между нами поглотила горячая пена страстей и слов.

«Эгоист».

Овца на закланье!

«Мерзавец».

Стерва!

Резкий гул ворвался в усыпанную звездами темноту. Я от-

крыл глаза. Кругом вились клубы пыли и песка. Вдали грохотали взрывающиеся танки. Возле меня лежал без сознания Овако. Беспомощного ярла охраняли два воина во главе с Орпо. Мана и Дарсис сидели тут же, в глубокой воронке. От пушек крепости нас черным горбом заслонял перевернутый взорвавшийся вездеход. Скрюченное тело водителя торчало из разбитого окна.

В который раз, не вставая, я выстрелил страхпулями, и они стекли с аур невидимых ананси, как слезы по щеке.

– Моя хила не работает. Но почему?

– Психостимуляторы, видимо, – Дарсис снял каску и вытер ладонью взмокшие волосы. – Солдаты Гарнизона принимают их, чтобы повисить выносливость. И притупить чувства.

«Атакуем стены!» – Орпо вдруг вскочил, вскинув винтовку. Дарсис бросил каску в унгола.

«Не высовывайся, дурак».

Глухо стукнуло, каска попала по шлему. Орпо развернулся, дуло винтовки уставилось в лицо ассасина.

«Красный, тебе конец!»

Резко унгола отбросило назад и долбануло шлемом о смятый кузов карсы. Мана опустила гравипушку и взглянула на других унголов.

«Тащите его в укрытие».

Воины переглянулись и поползли за упавшим в траву Орпо. На другой стороне поля все тише гремели танки – наш

отвлекающий маневр. Я снял шлем, затем стянул рукавицы с ладоней.

– Что-то задумал? – спросила Мана.

– Есть шанс, что, чем ближе я ударю, тем сильнее подействует.

Мана нацелила гравипушку мне в лицо.

– Никуда не пушу. Или тебя снова ударить?

Я ухмыльнулся и протянул ей левую руку.

– Конечно. Как скажешь. В любом случае, сначала вывихни мне палец.

– Что?

– Постарайся хорошо.

– Постараться вывихнуть тебе палец? Ты снова спятил?

– Ладно, сам справлюсь.

Я резко дернул мизинец. И тут же, заорал, согнувшись пополам и прижав левую руку к груди. Слезы накатили на глаза.

– А-а-а... найдите... а-а.. ракетницу, – закричал я и бросился из воронки. Нельзя попусту терять драгоценную боль.

Впереди выросли неприступные холмы дотов. Перед ними щетинились зубьями ряды колючей проволоки. Землю вокруг словно всковыряли гигантскими вилами. А наверху солнце катилось к краю безмятежно-безоблачного неба. На бегу я вывихнул еще и безымянный палец, едва не потеряв сознание. Больпули наполняли невидимый магазин.

Сзади хлопнуло. Толчок в спину подбросил меня в воздух. Я рухнул за первым рядом колючей проволоки, почти

у самой крепостной стены. Левая рука кровоточила. Распухшие, вывернутые в сторону пальцы скрылись под красным потоком.

Я отполз в рытвину, вжался в землю. Вверху стихло. Голова раскалывалась, что добавило патронов в заготавливаемую ударную волну. И я ударил.

Ауры ананси прогнулись под моим нажимом. Поток боли вонзился в солдат на стене, парализуя на время.

– Хигна-а-а-ал! – заорал я. Какая-то сила вздернула меня на ноги, побежал вдоль колючей проволоки. Красно-черный град извергался из меня по амбразурам крепости. Длинные стволы гравиметов молчали. Темнеющее небо пронзил зеленый огонек, с шипением оставляя след из дыма.

Тут же над моей головой заревели бомбы. Мортиры унголов обрушили море огня на доты.

Хлестали мины в паре сотен шагов. Неся смерть, снаряды кувыркались в воздухе, а я застыл под ними. В голове опустело. Словно контузило.

Очнулся в какой-то яме. Дарсис держал меня за плечи, а Мана мертвой хваткой вцепилась мне в опухшие пальцы, резко дернула их. Мой вопль разнесся над равниной.

Убийца отпустил меня. Я осторожно пошевелил пальцами, затем согнул, разогнул их и выдохнул:

– Удачно вправила.

– Сиди, – приказала Мана, и я неподвижно ждал, пока она обматывала рану на руке.

Совсем близко визжали покрывками карсы наступающей армии. Над разбитыми стенами крепости реяли разноцветные знамена ярлов. Похоже, осада закончилась.

Мы попали в филиал через трещину, пробитую бомбами в стене. Внутри унголы уже захватили все здания. Отряды воинов в белых доспехах расхаживали по мощеным плиткой дворам, оглядывали с низких крыш окрестности, занимали позиции за гравиметами в дотах.

Очнувшийся Овако сидел посреди большого двора на кожаном кресле, вынесенном из какого-то кабинета. Я спросил ярла:

– Куда вы дели пленных солдат?

Канареечные глаза у громилы стали на пол-лица.

«Какие пленные?»

– Унголы не берут пленных, – сказал ассасин и указал на черный дым в небе за постройками. – Захваченных врагов они сжигают заживо.

Я уставился на черные клубы, ничего не понимая. Зачем столько смертей?

Резко дымную завесу разорвали сиреневые крылья. Закатные лучи сверкнули алым на металле.

«Где ты?»

Юля все же нашла меня.

Дарсис тоже увидел флаер.

«В укрытие! Бомбардировщик».

«Невозможно, – Овако уставился в небо, – мы устроили

их звеньям десятки заслонов. Тысячи унголов умерло...»

«Все же один здесь, – бросил Дарсис, – быстро командуй ракетным командам...»

– Это не Гарнизон, – прервал я ассасина, – ярл, прикажи не стрелять.

Овако послушался и разослал гонцов по артиллерийским полкам. Флаер навис над двором огромной птицей.

Бахнуло. Одинокий снаряд прочертил огненную полосу от северной стены до сиреневого крыла. Мое сердце замерло.

«Кретины, – закричал Овако на гонцов. – Кто своевольничал?»

Флаер загорелся и понесся по наклонной вниз, к лесу. Я бросился к открытым воротам. Позади что-то кричали Мана и Дарсис, но в моей голове вновь и вновь, и вновь гремел только один вопрос:

«Где ты?»

«Где ты?»

«Где ты?»

И я уже не понимал, ее это вопрос или мой собственный.

Солнце осталось за лесом. Деревья тонули в густом полумраке, я брел сквозь него, спотыкаясь на каждом шагу. Моей щеки вдруг коснулись.

– Стас.

Ее тонкие руки почти не ощущались, словно туман. Я схватил Юлю и прижался к ней. Она тоже обняла меня, теперь ее ладони были мягкими и теплыми. Настоящими. Ее

длинные волосы рассыпались по моим плечам и лицу.

– Хказал же: хиди дома, – выдохнул я. – Я хам бы пришел за тобой, когда победил бы Гарнихон.

– Что с твоим горлом?

– Так, прохтуда.

– Врешь.

Юля всхлипнула.

– Твоя рыбка...прости. Я кормила ее постоянно, но она все равно умерла, – я молчал – Ты злишься? Я, правда, не знаю, почему...

– Ихдеваешься? – не выдержал я. – Плевать на чертову рыбку. Тут каждый день мрут как мухи унголы с ананхи. Зачем ты примчалахь?

Юля ударила меня ладонью по лицу. Щеку обожгло.

– Ай! За что?

– От тебя пахнет женщинами.

– Что за бред!

– Что на тебе надето? – спросила Юля. – Такое гладкое, скользкое. Это ведь аксамит? – она принялась ощупывать руками мое тело. – Везде, он везде! Это аксамит, это секреты не одной женщины.

Она хлюпнула носом, я сказал:

– Это для защиты...

Мою щеку снова обожгла пощечина. Голова дернулась вбок. И вдруг я ощутил горячие губы на лице.

– Как же сильно ты вырос без меня.

Юля нашла мои губы и поцеловала их. Ух!

Спотыкаясь, мы побрели сквозь темноту. Мои руки обхватывали ее плечи. Перед нами открылась поляна, залитая лунами. Уже наступила ночь.

Тело Юли обтягивал плотный серый комбинезон, который в лунном свете выглядел как обнаженная бледная кожа. Тонкие губы опухли от поцелуя. Тень от ресниц чернела на щеках.

Я повернул Юлю к себе и поцеловал. Мы одновременно упали на колени и обнялись.

Ее шея, ее руки были такими мягкими и ослабшими.

– Раньше я хотел, чтобы ты умерла, – признался я. Юля не удивилась, только кивнула и спросила:

– Потому что ненавидел заботиться обо мне?

Мои губы горели от соли Юлиных слез.

– Наоборот, потому что обожал заботиться о тебе. Всю тебя обожал. Эта завихимость убивала меня.

Юля глянула на мой аксамитовый доспех.

– Все изменилось?

– Да, – я рывком поднялся на ноги. – Больше я тебя не обожаю. Прохто люблю.

Юля вложила руку в мою протянутую ладонь.

Глава 28

Вслед за Адалой, я, Мана, Юля, спускались в подвалы филиала. Покрытые серым ребристым кафелем ступени стучали под ногами. Двое громадных унголов Овако сопровождали нас на почтительном расстоянии. Наверху остались чистые белые коридоры корпуса для содержания эмпаатов.

– Почему сюда поместили только Динь-Динь? – спросила Мана. Сенсорные светильники на потолке включались за шаг до того, как мы ступали под них. Словно стена тьмы пятилась перед нами.

Когда унголы освободили из камер тридцать шесть эмпаатов, мы не нашли среди них француза. Тогда зеленоглазая немка Адала вызвалась отвести нас в особые камеры внизу.

– Там на Рауле тестировали препараты, – Адала вскинула подбородок, дернулись короткие каштановые волосы. – От них он *верукт геворден*, лишился рассудка. После этого Рауля куда-то увозили на несколько дней. Возвращался он снова здоровым, в разуме. Но все повторялось сначала. Его сводили с ума, где-то излечивали, снова сводили с ума. Бесконечный кошмар.

Юля повернулась, и ее золотые глаза сказали: «Поэтому я не мешала тебе уйти к унголам». Просто жизнь в сказке никого не делает сказочным принцем. Как только Юля улетела бы на орбиту, меня закрыли бы в Западном филиале вместе

с другими эмпатами.

– Динь-Динь увохили лечить в инкубаторий в Адахтре, – сказал я. – В одну их таких «командировок» он и нацарапал ребух в палате.

Бросил взгляд на Юлю. «Я больше никуда не уйду».

Ее губы дрогнули. «Как же Лена?»

«Мы отправимся к ней вместе, согласна?»

«Ты хочешь?..».

«Хочу».

Теперь мы с Юлей могли говорить без слов, это происходило все чаще. Я уже не замечал, что произносил вслух, а что нет. Нас соединил свой собственный непостижимо огромный мир. В нем ничего нельзя было скрыть.

За стеклянной дверью пахло лекарствами и хлоркой. На койке лежал Динь-Динь. Холодный свет люминесцентных ламп выставлял напоказ все морщины на его страдающем лице. Исхудалый, обмотанный проводами француз посмотрел на меня с Маной и не узнал. На экране над его головой линия сердцебиения резко ныряла и вздымалась острыми пиками.

Кошмары раздирали Динь-Динь. Его страх наполнял палату серым туманом. Я схватился за корень этого гадства в голове друга и потянул наружу. Пока порожденный галлюцинациями ужас вылезал из Динь-Динь, я и тонул, и задыхался, и горел, и падал с огромной высоты. Пучина мнимых переживаний хлынула сквозь мое тело, как через узкую воронку,

во внешний мир и растаяла в воздухе. Я пошатнулся, Мана и Юля подхватили меня за плечи с двух сторон и опустили на табуретку возле койки. Лицо Динь-Динь вдруг дернулось – Стас... скажи, – прошептал француз. – Ты все еще стесняешься любви больше, чем голого зада?

Я положил дрожащую руку на его тонкое плечо.

– Вовхе нет.

Мана хмыкнула.

– Ага, теперь он совсем не стесняется ходить без штанов.

Я вспомнил, как шел к Мане от инкубатория в больничной рубашке, открытой сзади. И тут же послал ответочку.

– А Мана оказалахь хладкоежкой, предхставляешь?

– Да ну? – удивился Динь-Динь, – Почему тогда тебя всегда заставляла есть пресную кашу?

– Хотел бы хнать, – сказал я. Новая розоватая кожа на щеках Маны покраснела.

Динь-Динь вдруг уставился в белый потолок.

– Стас, Мана, вы позаботитесь о Зерель?

– Конечно, вызволим ее вместе...

– Ты обещал, – Динь-Динь закрыл глаза. – Теперь я могу поспать.

Я и Мана переглянулись. Адала в ужасе закрыла рот руками.

– Не хмей умирать, – заорал я.

– Так устал... – пробормотал Динь-Динь. – Наконец покой.

– Не хмей!

– Зерель...ты пообещал...

– Он соврал, – Мана схватила Динь-Динь за воротник белой больничной рубашки и затрясла его. – К дьяволу твою Зерель! Тебе надо – ты и заботься! Слышишь? Твоя полудохлая *мусе* никому не нужна, кроме тебя!

– Поздно, Шахерезада, – улыбнулся одними губами Динь-Динь. Улыбка застыла на его измученном остром лице.

Мана уткнулась лицом в грудь Динь-Динь. Адала заплакала в голос, я отвернулся к стене. За открытой дверью унголы молча ожидали приказов.

В тишине Юля прошла к изголовью койки и вгляделась в экран кардиомонитора.

– Частота сердечных сокращений замедлилась, – сказала Юля.

– Что? Не исчезла? – вскочил я.

– Замедлилась, – повторила Юля, – как у спящего человека.

– Ах ты, лягушатник! – Мана схватила Динь-Динь обеими руками за горло. Француз распахнул глаза и забился, как куропатка в когтях ястреба.

– Отпусти, бешеная! Я же сказал, что хочу поспать.

– Вот я тебя сейчас и усыплю *пуре симпч*, навсегда.

Я вытер слезу умиления и улыбнулся растерянной Адале.

– Хорошо, что мы не ухпели его похоронить.

Немка почему-то зарделась и переступила с ноги на ноги.

– *Данке*, спасибо тебе, что спас всех нас.

Я до боли прикусил нижнюю губу.

– Еще нет. Еще не хпах.

Луны освещали захваченный анклав Анансии. Ветер усилился и раздул унгольские знамена до звезд. Выше всех реял рыжий дьяволк Овако на главной башне филиала. Поблекший зверь скалился на восток – туда, откуда завтра придут основные силы Анансии.

Унголы спешно чинили стены. Дарсис учил артиллеристов палить из гравиметов и бозонных гаубиц ананси. Часть сил ярлов отступила в лесные дебри далеко за стенами – чтоб ударить в тыл врагу, когда начнется осада.

На мои плечи легла подготовка основной огневой мощи. Я собрал эмпатов на подстриженной лужайке в самом сердце паутины асфальтовых тропинок. Мана ушла проведать ассасина. В сторонке на траве сидела Юля, прямая как молодая сосенка на планете, на которой она никогда не была, и глядела на нас.

Эмпаты были разных возрастов: от семнадцати до сорока лет. Кого-то продержали взаперти десятки лет после того, как якобы отправили домой из Центра в Адастре. Один мужчина с залысынами поначалу срывался и плакал: Это кончилось, Господи, это, правда, кончилось? Динь-Динь похлопывал его по плечу. *Ами*, дружище, все позади, скоро мы вернем тебя к твоей голубокожей старушке.

Почти все они владели силами намного лучше меня. И немудрено: ежедневно ананси тестировали их способности, проводили опыты, словно над мышами. Но сами способности эмпатов и по дистанции воздействия, и по его радиусу, и по поражающей силе уступали моим.

Испробовав мои страхпули, Адала упала на колени и всплакнула.

– Ты *стак*, сильный.

Пробные выстрелы унголов рассекали туманными трассами звездное небо. Я помог немке встать.

– Это потому что я большой трух.

До середины ночи я учил их смещать суставы пальцев, чтобы самостоятельно лепить больпули. У многих долго не получалось. Боялись. После того, как у Динь-Динь наконец вышло, француз согнулся пополам и прижался лицом к коленям.

– А-а-а-а! *Дьябло*, дьявол, как ты это делаешь? Это же адски больно.

– Привыкнешь, – пожал я плечами, и хотел еще раз вывихнуть себе палец, чтобы показать, как вправлять. Хотя уже у самого слезы висели на ресницах, так все это доконало.

Юля поднялась с земли. «Подожди».

Она пересекла лужайку тремя шагами. Затем резко ударила себя по руке и, даже не моргнув, показала мне вывернутый палец. «Вот. Я могу делать это за тебя».

Все вокруг застыли, глядя на нас.

Я отодвинул руку Юли. «Не можешь. Для оружия походит только человеческая боль».

– Почему они смотрят на другу друга и молчат? – тихо спросила Адала.

– Они не молчат, – улыбнулся мужик с залысынами.

– Кто-нибудь вправит мне долбаный палец? – орал Динь-Динь.

Уголки губ Юли опустились, она отошла и села на прежнее место. На ее левой руке так и торчал мизинец в сторону, пока я не подошел и не вправил его.

– Эй, а мне? – вопил Динь-Динь. – Я жду дольше.

– А ты хам. Кому я только что показывал?

– Думаешь, мне щас до мастер-классов? Я же помру от болевого шока.

– Хейчас выверну тебе второй палец и еще раз покажу на нем.

– Ладно-ладно, сам так сам, – попятился Динь-Динь.

Я погладил пострадавший мизинец Юли, согнул и разогнул его. Все вроде в порядке.

«Спасибо, что показала вместо меня».

Юля отвернулась. Я смотрел на ее черные с алым проблеском локоны, наслаждаясь словом-посланием: «Счастлива».

Сзади раздался вопль на километры. Динь-Динь удалось вправить себе палец.

Когда я взобрался по лестнице в дот возле восточных во-

рот, Дарсис опирался плечом на станину гравимета и смотрел в широкую амбразуру.

Не поворачиваясь, ассасин сказал:

– Стены починены, дозорные на своих местах. С трудом, но унголы приспособились к оружию Гарнизона.

Я вздрогнул.

– Хпиной что ли видишь?

– Если б не видел, не разговаривал сейчас с тобой.

– Где Мана? – я оглядел узкую пыльную комнату.

– Ищет тебя, – Дарсис одернул куртку с красными пластинами.

– Не хказала, зачем?

– Она и не говорила.

– Тогда почему ты решил?

– С чего ты взял, что в том флаере была Юлирель?

– Ну... я же чудик-эмпат, забыл?

– Все мы иногда эмпаты, умник.

Я посмотрел в амбразуру. Завтра через эту прямоугольную дыру с грохотом польется огонь и смерть. Сейчас в нее заглядывали тихие мирные звезды. Вдалеке чернела кромка леса.

– Не помню, чтобы в Адахтре Ману хоть рах хапирали в карцере.

Дарсис резко сдернул чехол со ствола гравимета:

– Не запирали, ведь ее партнер по гешвистеру – лучший убийца.

Я отшатнулся от прицельной панорамы железного монстра.

– Ты убивал унголов ради нее? Если бы Монтехро не пал, что бы с ней хделали?

Ладонь Дарсиса погладила гладкое железное «подбрюшьё» чудовищного оружия.

– Страшное, – ассасин замер. – Знаешь, когда Юлирель позвала меня на танцы, я решил попробовать.... Попробовать жить без Мануэлы.

Вдруг Дарсис отдёргнул руку от гравимета и потянулся к кобуре подмышкой.

– Прости, что разочарую тебя, умник.

Дарсис опустил глаза, рука застыла над распахнутой кобурой. Серая рукоятка бозпушки словно просилась в ладонь к убийце.

– Переживаешь из-за тех маленьких мальчуганов в Олхо? – спросил я. – Ни за что не поверю, что у тебя рука на них подниметхя. Наверняка ты уже придумал какую-нибудь уловку, как охвободить их от дурацкого кровного долга?

– Что б ты понимал! – заорал вдруг Дарсис. Резким движением ассасин захлопнул кобуру и зашагал к лестнице. Обручи экзоскелета на его правой ноге скрипнули, застыв, и Дарсис рухнул на пыльный пол. Я кинулся к ассасину, подхватил за плечо, помог встать.

Дарсис оттолкнул меня на гравимет. Мои руки ошпарил холодом железный толстый ствол.

– Не прикасайся ко мне, человек!

Дарсис отвернулся к лестнице, снова пошел. И снова рухнул. Заевший экзоскелет скрипел при каждой попытке ассасина подняться.

Я снова помог ассасину встать и дойти до лестницы. Больше он не сопротивлялся, только молча сверлил меня взглядом.

Когда мы спускались, держась за перила, он сказал в сторону:

– Передай меня унголам на стене. Они донесут быстрее и вызовут техника.

– Может, у парней-ананхи тоже бывают эти хамые дни, ну как у земных девчонок? – выдохнул я, держа ассасина за плечи и спину.

– Мы не гермафродиты, – буркнул Дарсис.

– Точно?

– Заткнись и тащи, иначе только к утру выберемся.

Я брел по серым тропинкам, словно в тумане. Тяжелый день, тяжелый год, тяжелая жизнь. Динь-Динь и другие эмпапы наверняка уже спали. Юля, судя по ее спокойным мыслям тоже.

На некоторое время я потерял с ней связь из-за того, что ее погрузили в долгий медикаментозный сон. Еще одна дурацкая попытка-испытание перед нулусом. Затем, когда она проснулась и узнала о войне с унголами, тут же угнала флаер

с орбитальной станции.

Возможно, я больше не ощущал Лену по той же причине. Кома или искусственный сон – это чертовски плохо, но немного лучше, чем смерть.

Быстрая рука схватила и втянула меня в темную подворотню между подсобными пристройками.

– Мана, чего творишь? Инфаркта моего хочешь?

Ее остриженная голова высунулась из подворотни и оглядела пустую тропу и газон.

– Ты еще не ходил к Дарсису?

– Ходил.

– Значит, дуракам везет.

– Чего? Почему?

– Потому что ты еще жив.

Мана вернулась и схватила мои плечи. Под напором ее ладоней, казалось, аксамитовые надплечники даже затрещали.

– Что будет делать принцесса-инопланетянка?

– В хмыхле?

– Она не вернется в Адастру?

– Хачем? Чтобы умереть? Нет, конечно.

Щека Маны дернулась.

– Во время штурма филиала в погребке прятался один из местных ученых. Дарсис успел допросить этого ананси, прежде чем ярлы и его сожгли.

Под моими доспехами стало мокро.

– Почему Дархих не хказал мне? Я бы охтановил ярлов.

– Не про это речь, – отмахнулась Мана от чужой жизни, как от какой-то мухи. – Ученый сказал, что в филиал никогда не отправляли людей-неэмпатов.

– И?

– Я – не эмпат.

– Не может быть, – хмыкнул я.

– Совсем тупой? Ничего не понимаешь? – Мана прижала меня к стене. – Возомнил себя непобедимым из-за своей дурацкой силы?

– При чем тут она?

– Попробуй ее на мне! – Локоть Маны уперся мне в горло. – Давай же.

В темных глазах Маны сверкнули отражения звезд. Страшно сверкнули.

– Ты хегодня не ела грибов из мешочка Овако? – выдавил я. – Пены изо рта только не хватает.

Я не смог не то что защититься, даже заметить удара по руке. Завизжав, я бы упал на землю, если Мана не вдавливала бы меня в стену.

– Хдурела-а-а?

Мой мизинец торчал перпендикулярно ладони. Подножкой Мана свалила меня дальше в подворотню, мой аксамитовый панцирь звякнул об асфальт, как тарелки ударного барабана. Бразильянка запрыгнула мне на нагрудник, сдавив бедрами с двух сторон.

Ее розовое лицо нависло близко к моему. Из-за кровавого

тумана в глазах я почти не видел ее зажившие полные губы.

– Я больше не *прет*, черная, так что смотри, сколько влезет, – сказала она. – Покажите все, на что вы способны, великий Волшебник!

И она сдавила мой опухший палец в кулаке.

Наверное, я еще никогда так не вопил. Чтобы прекратить муку, я ударил большулями по Мане. Она дернулась, но удержалась на мне. Лицо ее сморщилось в гримасу, глаза намокли.

– Ух...и это все? – спросила она, сжимая кулак, сжимая в кулаке мой мизинец. – Не такой уж вы и великий.

Я орал и бил по ней волной за волной. Бестолку. В один миг Мана резко дернула мою руку и сползла с меня. Мое тело без сил распласталось на асфальте.

– Пошевели пальцем, – сказала Ману. Я послушался. Мизинец шевелился, опухоль спадала.

Бразильянка прислонилась спиной к стене, опустила руки между колен и выдохнула.

– Ты валишь толпы ананси просто потому что они никогда не испытывали сильных человеческих переживаний. Но что собрался делать, если архонты выпустят против тебя людей, что на Земле прошли через все страхи и боли? – она взяла свой мизинец и с хрустом дернула его. – Если ты столкнешься с такой, как я?

Я подтянулся к ней на локте и глянул снизу вверх. Черно-красные векторы нашей боли заполнили подворотню.

– Тогда ты сможешь, рахва нет?

Мана отвернулась.

– Если Красный убийца сотен прикажет.

Я осторожно взял ее руку в ладони и вставил сустав мизинца в пазл. Мана вздрогнула, не поворачиваясь.

– Кончено, прикажет! Он изменился.

– Разве настолько? Его мучают кошмары во сне и наяву, но он все так же спускает курок. Поговори с Юлирель, Стас, пока ты не стал его мишенью.

Я аж выронил ее руку.

– Боже! Да как такое может быть?

– Дарсис ввязался в эту войну, только потому что думал: я в опасности. Но я не эмпат, я не нужна архонтам. Теперь это ясно. А Юлирель им точно нужна. Поговори с ней...

– Я не отдам ее Гертену! – я схватил Ману за плечи. – Я тоже прошел все страхи и боли – хдехь, на Люмене, вместе с тобой. Забыла? Если Дархих вдруг почему-то хбрендит, ты сможешь мне ухмирить его, яхно? Никто из нас ни за что не умрет!

Мана натянуто улыбнулась.

– Какой же ты *беби*, ребенок!

– Вот видишь.... Подожди, что?

Она прижалась к моей груди и уткнулась мокрой пыльной щекой мне в щеку. Минута за минутой я слушал ее плач, и упорно отгонял мысль, что это прощальная панихида по мне.

Солнце заглянуло сквозь тканевые жалюзи и разбудило меня. Легкие покрывала прекрасно держали тепло, с которым не хотелось расставаться.

Просторная комната наполнялась светом. Ночью мне снились кошмары: дым, пожарища, человек без лица. Может, потому что я занял спальню бывшего директора филиала – вместе с другими ананси вчера его сожгли.

А меньше месяца назад мои руки были чистыми, не замаранными лиловой кровью. Мирное время – всего-навсего прибрежный гребень, за которым кипит море войны и отчаяния.

Вдруг кто-то выдохнул мне в лицо. Я не один?

Закинув ногу поверх покрывал, Юля сопела мне в щеку. Ее волосы рассыпались по подушке. В моей груди словно вспыхнули угли. Как она пробралась? Так вчера упарился, что забыл запереть дверь комнаты?

Я опустил глаза и чуть не ослеп. Жар ударил в лицо. Сразу зажмурился. Черт, Юля лежала полностью нагой!

От ее кожи пахло теплыми солнечными зайчиками, скачущими в уютной детской комнате. Как она близко!

«Сыворотки» давно нет, а внутри меня все так же горячо от одного взгляда на ее кожу. Так, нужно успокоиться и погрузиться в сад безмятежных одуванчиков. Или стать безмозглой тучкой... Бред! Когда эта медитативная чушь помогала?

Я тихонько выполз из-под покрывал. На тумбе рядом с ре-

зиновым комбинезоном Юли блестели красные аксамитовые доспехи. На конусном шлеме прямо над забралом выступала выпуклая голова осьминога с шестью маленькими щупальцами вокруг нее.

– Это тебе, – услышал я сзади. – Хватит носить запахи других женщин.

Изнутри доспехи местами сверкали белым: у Юли не хватило времени или аксамита на полный доспех. Поэтому она только покрыла унгольскую броню с двух сторон толстым слоем своих клеток.

Зевнув, Юля села и натянула простыню к подбородку. Я не поверил глазам. «Почему ты сейчас это сделала?»

– Что это? – она сонно посмотрела на меня.

– Это? – указал я на простыню.

Юля пожалала плечами, которые слегка высунулись из-под простыни. «Ты всегда стеснялся моего тела».

«Когда тебя волновало?».

«Сейчас волнует, – тонкая морщинка выступила на ее лбу. – Я скучала без Стаса, и кое-что поняла».

– Что же? – вслух прохрипел я.

Придерживая простыню на груди, она подалась к тумбе и взяла расческу, которую я сначала не заметил. Юля замерла, в ее глазах застыло ожидание. Вот оно что. Конечно же, по чему еще ей было скучать? Только по услугам раба. Я потянулся к расческе.

Вдруг Юля перехватила мою руку за локоть и усадила ме-

ня на кровать. Скользнув мне за спину, она сама начала расчесывать мою почти лысую розоватую голову. Неуклюже, но осторожно, почти не касаясь новой кожи.

Ее пальцы скользнули мне под подбородок и развернули мое лицо вбок. У меня перехватило дыхание. Полностью голая, Юля нависла надо мной. Сброшенная простыня подминала ее острые колени.

Я попытался отшатнуться, но ее тонкие пальцы крепче стиснули мой подбородок.

«Хватит убегать. Мы больше не гешвистер»

Обнаженная талия согнулась, бывшая хозяйка рухнула на меня. Тукнулась носом мне в щеку. Ее сухие губы зашарили по моему лицу, словно ища глоток воды. «Мы больше не брат и сестра».

Наши рты впились друг в друга.

Глава 29

Чтобы потом не пожалеть, я попросил Овако приставить двух унголов к Дарсису. Ассасину сказали: на случай новой внезапной поломки экзоскелета. Дарсис принял это без эмоций, лишь бросил взгляд на Ману. Бразильянка сразу отвернулась и убежала. Все утро она избегала ассасина.

В то время Гарнизон взял филиал в осаду. Разведчики доложили, как ананси рыли новые траншеи возле брошенных унгольских, окружали их лигами проволоки. Лес срубали, место многовековых деревьев занимали собранные из их стволов и камней дзоты, сотни гаубиц и гравиметов. К свежим огневым точкам вез солдат нескончаемый поток грузовиков. Вся сила Гарнизона сосредотачивалась вокруг отбранного у Анансии анклава.

К полудню по радиосвязи Гарнизон потребовал от ярлов переговоров. Овако почесал светлые космы, мол, прежде за красными такого не водилось.

«Это из-за нее, – Дарсис кивнул на Юлю. – Если случайный снаряд убьет Юлирель, генералов Гарнизона казнят».

Переговорщики от Гарнизона даже согласились сами явиться в филиал. Довольный Овако чесал руки. Буйный ярл точно не отпустит врагов живыми, что бы им ни наобещал.

Собрались в зале для совещаний в главном корпусе. Юля не отходила от меня ни на шаг, маяча за спиной как тень.

Я уловил ее запах и потряс головой. Глаза никак не могли забыть нежную как персик кожу. Блин, вот нужен мне такой стресс перед решающим сражением!

Два высоких унгола грохотали доспехами следом за Дарсисом. Мана держалась от ассасина в другом конце зала. От эмпатов пришел Динь-Динь, от ярлов – конечно, Овако. Все, кроме Юли, надели аксамитовую броню без шлемов. Даже Динь-Динь нарядили. На мой вопрос француз зарделся и промолчал. Неужели завел интрижку с кем-то из унголов?

Завидев меня в красном аксамите, Овако рассмеялся.

«М-м-м... Волшебник, облачился в сок своей женщины? Молодчина!»

Мне захотелось спрятать под шлемом горевшие щеки.

Двери зала распахнулись. Четыре стражника ввели внутрь троих: двух молодых ананси в черных обтягивающих, как у ниндзя, костюмах, и самого Гертена. Старый архонт убрал руку с винного аксамитового пояса и вперил в меня взгляд древнего как смерть существа.

– Станислав.

У меня челюсть отвисла.

– Ого, – сказал Динь-Динь. – Главный босс. Уже последний уровень?

– Не каркай, – выдавил я. – А то никогда не дождемся “гейм овер”.

Юля сжала мою ладонь и вышла вперед.

– Архонт.

Дарсис отодвинул плечом своих сторожей.

– Архонт.

Гертен кивнул.

– Юлирель, Дарсис. Рад, что хоть вы не забыли манеры в гостях у варваров.

Один из «ниндзя» шагнул к Дарсису и прошипел ему в лицо.

– Сблизился с белыми, еще и натянул их безделушку, – «ниндзя» сплюнул на обруч экзоскелета, – Как низко ты пал, бывший капитан.

Дарсис поднял правую бровь.

– Архонт, меня разжаловали, пока я отсутствовал?

Гертен расправил складки на красном, со «змеиной» фактурой платье.

– Нет, Дарсис, ты все еще капитан штурмотряда.

Едва слова прозвучали, Дарсис схватил «ниндзя» и с размаху врезал лбом в лицо. Лиловая кровь закапала на плиты пола. Голова «ниндзя» мотнулась назад.

– Соблюдай субординацию, солдат, – проронил ассасин и отпустил «ниндзя». Дергающийся переговорщик отшатнулся, держась за разбитый нос. – Иначе накажу прямо здесь.

Сейчас я увидел, что у «ниндзя» на груди приколоты значки в форме красных мишеней – несколько кругов друг в друге и точка посередине. Эти двое ананси – «меченые», тренированные убийцы унголов. И Дарсис, лучший из убийц, их капитан.

Стало тихо. Ни звука, только кровь капала из носа «меченого». Никто не садился, хоть посреди зала торчал большой овальный стол цвета ольхи, с креслами.

Овако звонко хлопнул себя по нагруднику.

«Секира Хрора вас раздери, о чем этот старый коршун базарит? Пусть выкладывает, зачем явился, и быстрее прикончим его».

– Я мог бы говорить на унгольском, – хмыкнул Гертен. – Но нет смысла вести диалоги с варварами. Тем более что сегодня победит Гарнизон. Семьдесят семь процентов вероятности, что унголы падут во время штурма.

– Ну а переговоры тогда зачем? – я было поднял руки к глазам: типа решил поизучать ногти. Только, блин, забыл, что надел аксамитовые рукавицы. – Идите обратно и побеждайте на здоровье.

– Нам нежелательны некоторые смерти, – процедил архонт сквозь зубы, – в том числе твоя, Станислав. Если ты и Юлирель сдадитесь, Анансия готова идти на уступки. Мы пощадим унголов и людей-эмпатов.

– Всего-то? Слишком мелко *моти*, врете, – сказал Динь-Динь. – Раньше вы обещали нас вернуть на Землю. Теперь только сохраняете жизни? Теряете хватку. Хочу как минимум виллу в Ницце или Сен-Тропе.

Гертен поднял руки.

– Мы не врали, Рауль. Пробыв в Адастре семь лет, люди отправляются на Землю в родные края. Все, кроме эмпатов.

– Это называется «не вдали»? – француз скрестил руки на груди.

Гертен вздохнул.

– Станислав, Мануэла, вы ведь видели Зерель? Видели, в каком она состоянии?

– Что ты сделал с Зерель, рептилоид? – Динь-Динь бросился на архонта, но Мана перехватила француз за плечи.

– Не надо, Рауль, – впервые за долгое время бразильянка назвала Динь-Динь по имени. Он напрягся, голубые глаза чуть не вылезали из орбит.

– Что с ней?

– Зерель сильно похудела и работает до истощения, – опустила глаза Мана. – Она словно обезумела.

– Анорексия, синдром хронической усталости, апатия и психоз – лишь симптомы. У Зерель распадаются мыслительные процессы и эмоциональные реакции, – сказал Гертен. – И это не моя вина, а твоя, Рауль Авен.

Динь-Динь снова рванулся. Мана удержала его захватом локтевым сгибом за шею.

– Тише, тише, – шептала бразильянка в белокурый загровок Динь-Динь. – Будь мужественным.

Динь-Динь сжал зубы и опустил лицо ей на плечо.

– Почему это его вина, архонт? – спросила Мана, разжимая хватку.

– Мы привлекаем людей, чтобы ананси могли пережить пубертатный период. На Земле это называют пет-терапией –

когда менее разумные существа благотворно влияют на организмы более развитых, – шафрановые глаза архонта уставились на меня. – Но среди людей иногда попадаются эмпаты. Тогда все усложняется. При терапевтическом контакте с партнером по гештвистеру, эмпаты осознанно и неосознанно создают нестандартные колебания мозговых волн. От такого лечения положительный результат в десятки раз был бы лучше. Если бы не побочный эффект: организм ананси привыкает к мозговым импульсам эмпата-партнера по гештвистеру. Даже после завершения половой зрелости в семнадцать лет психика ананси сразу распадается, как только ее прекращает подпитывать партнер.

Уголки губ архонта поднялись вверх. Эту гримасу сложно было назвать улыбкой.

– Данное состояние люди называют любовью? Когда одно существо психически зависит от другого настолько сильно, что умирает без него. По медицинским справочникам ананси, это просто психическая форма паразитизма. Подобную матрицу поведения мы заложили в формуле «сыворотки», которую дают людям в Центре. Ее эффект вы тоже называете любовью?

Я вздрогнул. Пальцы Юли на моей руке ослабли, веки полузакрылись.

Ясно. Дело во власти. Над чужой жизнью, над чужим наслаждением, над чужими мыслями. Получишь такую власть над кем-то – и получишь его любовь, всего его целиком по-

лучишь. «Сыворотка» и ее последствия дали Юле власть надо мной. Сила эмпата и ежедневные сеансы «пет-терапии» дали мне власть над Юлей.

Мы с Юлей взаимозависимые паразиты? Нам нужно питаться друг другом? Для нас нет другой жизни?

– В корне неверно, – вдруг сказал я. – Когда любишь, ты не просто жрешь нервы любимого, чтобы прожить подольше, как блоха. Если нужно, ты сам готов умереть, лишь бы любимые люди жили, – я стиснул пальцы Юли. – Добавьте это в свои медицинские справочники, архонт.

Юля обернулась и коснулась плечом моего плеча. Гертен сощурился.

– Как бы то ни было, если Рауль умрет, следом от истощения умрет и Зерель. Если умрет Станислав, следом умрет и Юлирель, – синие руки архонта обвели зал. – Поэтому мы построили Западный филиал – найти лекарство от побочных эффектов эмпатии.

– Вы ставили на нас опыты, как на кроликах! – выкрикнул Динь-Динь.

– Людей больше шести миллиардов. Разве несколько сотен эмпатов – хоть сколько-то значительная потеря? – Гертен закатил глаза. – Позволь продемонстрировать примеры настоящих жертв, Рауль Авен. Ананси сократили численность собственной расы с тридцати миллионов до четырёмсот тысяч особей. Мы перестроили наш мир, и тем самым уничтожили десятки видов ареопов. Это сотни миллионов жизней.

Тысячи видов животных и растений исчезли, когда мы зажгли Свет. Наше общество изменилось и подчинилось целиком одной цели – спасти Вселенную. Все нерациональные отношения, как дружественные связи, семейные ценности, традиции и обычаи, мы отрезали и выбросили. С младенчества мы расходуем все силы на то, чтобы опровергнуть истину, которую открыли сотни лет назад, – Вселенная сжимается.

Овако зевнул.

«Волшебник, чего этот старик все еще бормочет? Можно наконец его прихлопнуть?»

– Обожди, – велел я и повернулся к Гертену.

– Переживаете о Вхеленной, значит? Круто, очень круто. Только не понимаю, как галактические бредни могут затмить заботу о дочери. Как можно оправдывать хловом «Вхеленная» миллионы убийств? Уничтожить родной мир, родной дом? Мне понятно одно, архонт. Плевать мне на Вхеленную, ехли я больше не увижу хехтру.

– Станислав, – сказал Гертен, – но у тебя ведь нет сестры.

Я застыл. Все уставились на меня, только не понимающий ни слова Овако плюхнулся в кресло и подпер ладонью подбородок.

– Что... что вы такое говорите? Она не умерла, нет, нет, нет.

– Не умерла, – кивнул архонт. – Ее никогда и не было. Ты сирота, Станислав. Беспризорный, без сестер и братьев.

Родителей ты никогда не видел и не знаешь, кто они.

– Зачем врать? Моя мама... умерла в больнице, я видел ее до того, как вы забрали...

– Тебя забрали из приюта, где ты жил почти с рождения.

– Врете! Я же помню...

Архонт молчал. Я рухнул на колени и схватился за голову.

– Стас! – крикнула Мана. Овако привстал с кресла.

В голове мелькали картинки. Тенистый парк, вафельные стаканчики с клубничным мороженым. Лена со мной смеется на «американских горках». И меня почему-то не тошнит.

Почему? Меня же всегда тошнит на аттракционах...

Я вдруг засмеялся как псих.

– Все дети без ума от аттракционов с мороженым, да, архонт?

Настоящие кролики любят капусту, а Багз Банни обожает морковку.

– Вы подменили мою память, подделали мое детство, – я не мог остановить смех. – Подделали Лену. И маму тоже. Всего меня подделали.

Все мое прошлое – не мое. А Стаса *Банни*.

– Архонт, а где же хот-доги? Дети их тоже любят.

Юля взяла меня за плечи. «Стас?»

Я смеялся в ее чистые золотые глаза. «Он все подделал, понимаешь? Лены никогда не было. Я чуть не бросил тебя, чуть не убил ради ничего. Ради пустоты».

– Но я ведь ее ощущал! – закричал я. – Как она мерзла,

как ее били, как хвзяывали...

– Твои воспоминания не вымышленные, – сказал Гертен. – Они принадлежат другому человеку. Он вернулся на Землю три года назад.

Я поднялся и почти вплотную подошел к Гертену так, что он поднял голову.

– Тогда хехтра... та девочка Лена...

– Существует на самом деле, – сказал архонт, – но даже не знает тебя. Все это время ты проникал в сознание чужого человека.

Мана и Динь-Динь обступили нас с двух сторон.

– Наши родные тоже?.. – сказал Динь-Динь.

– Нам не родные? – Мана погладила доспехи на руках в тех местах, где раньше старую кожу рассекали белесые шрамы.

– Нет, – ответил Гертен. – Воспоминания подменили только Станиславу.

– Зачем? – прохрипел я.

Гертен обошел меня и сел в кресло. Костлявые синие руки легли на подлокотники.

– Потому что ты самый сильный эмпат, Станислав. И ты нам нужен.

– Рассказывайте уже все, – буркнул Динь-Динь.

– Все так все, – Гертен откинулся в кресле. – В далеком прошлом наши ученые выяснили, что неизвестная сила пытается сжать Вселенную обратно в сингулярную точку, из ко-

торой произошел Большой взрыв. Это значило: всей материи грозит исчезновение.

– Э-э... Может, все же не надо погружаться в такую древность? – пробормотал Динь-Динь.

Гертен пожал плечами.

– Пусть рассказывает, – вдруг сказал Дарсис. – Прошу продолжайте, архонт.

Гертен повернулся в кресле.

– Правители Анансии разработали план, как предотвратить смерть материи. Ученые выяснили, что управлять сужением и расширением Вселенной возможно только из нулуса – нуль-измерения, изнанки нашей реальности. Чтобы войти в нулус, ананси прошлого стянули в узел часть гравитационного вихря, испускаемого черной дырой Гиоло. Так появился Свет, наш пульт от гравитации. После этого пространственно-временная ткань Люмена непоправимо изменилась. Свет же позволил ананси изменять массу тел и перемещаться через световые годы.

– Скоро уже часть про Стаса? – не выдержал Динь-Динь. Мана тут же на него шикнула.

– Главное, с помощью Света мы могли теперь входить в нулус, – продолжал Гертен, – но вот вернуться на Люмен никто до сих пор не смог. Когда мы нашли на Земле Станислава с его огромным потенциалом эмпата, я задумал экспедицию Юлирель в нулус.

– Вы задумали убить дочь, – сказал я. Юля опустила го-

лову.

– Миссия Юлирель вовсе не исчезнуть в нулусе, – возразил Гертен. – Юлирель, как ты нашла Станислава после того, когда угнала флаер?

Юля закрыла глаза.

– Мы ощущаем друг друга, архонт. А еще мы разговариваем без слов, – она вдруг распахнула глаза и посмотрела на Ману. – А еще мы провели сегодняшнюю ночь вместе.

– Это-то тут причем? – закричал я.

– Вот так, значит, ты готовился к решающей битве? – прорычала Мана.

– Да не слушай ее, – замахал я руками.

– То есть, это неправда? – хмыкнула Мана.

– Ага, ночью я хпал. Юля пришла под утро.

– Да что это меняет? – взъядрилась бразильянка.

– То, что я выхпался. Ты же об этом переживаешь?

– Вовсе не об этом!

– Замолкните оба, – бросил Дарсис.

– В нулусе нет величин измерений, нет координат, – сказал Гертен. – Это точка без характеристик. Поэтому ушедшие в нулус ананси не возвращались. Они просто-напросто потерялись и растворились в нулусе. Но Юлирель не нужно знать координаты – ей достаточно только постоянно ощущать Станислава. Тогда она сможет вернуться к нему.

– Но зачем подменять мою память? – сказал я.

– Чтобы миссия Юлирель успешно завершилась, связан-

ный с ней эмпат должен соответствовать двум условиям. Первое, ты должен был привязаться к Юлирель, чтобы постоянно направлять к ней, как сигнал маяка, свои мозговые импульсы.

– Для этого вы вкалывали мне «хыворотку». А память при чем?

– Второе, твои способности должны максимально развиться. Для этого мы внушили, что у тебя есть сестра. Это был единственный выход, ведь ты сирота, и у тебя никого не осталось на Земле. С новыми воспоминаниями ты тянулся мыслями на Землю и искал ее, тем самым тренируя силу эмпата. Только мы не учли, что твои переживания о ненастоящей сестре встанут между тобой и Юлирель. Чувство вины перед сестрой едва не разрушило ваш союз. Вплоть до сегодняшнего дня я переживал, что вы так и не вступите в половую связь.

– Как же не вступят, – сказала Мана в сторону. Юля посмотрела на бразильянку.

– Мы обязательно повторим.

Черные молнии полетели из глаз Маны.

– Хватит об этом, – сказал я. – Архонт, помните, вы говорили мне: «Свет угасает»?

– На жаргоне ученых-ананси это значит то, что я только что описал: гибель Вселенной.

Я хмыкнул.

– Все равно, это бред хобачий. Юля не уйдет ни в какой

нулух-хулух...

Гертен посмотрел на Юлю.

– Итак, согласно декретам Совета, эмпат Станислав Волвин должен был сидеть пожизненно в камере Западного филиала, – архонт повернул голову к Дарсису. – Через год человек Мануэла Габриэла Орейро Алмейда должна была вернуться на Землю. Больше капитан Дарсис никогда не увидел бы ее.

Я не выдержал.

– К чему это...

– Но для капитана Дарсиса и Юлирель Совет Правления Анансией готов сделать исключение, – Гертен говорил поверх моих слов. – За заслуги капитана Совет разрешает Мануэле оставаться на Люмене столько времени, сколько пожелает капитан, вплоть до бессрочно.

«Чего старик все не уймется?» – зевнул Овако.

– Рептилоид хочет их купить, – сказал Динь-Динь.

– Из-за сверхважности миссии Юлирель нам необходима ее лояльность, – продолжал Гертен. – Поэтому я лично обещаю отправить Станислава на Землю сразу после того, как Юлирель войдет в нулус.

– Иди к черту, гад! – заорал я. – Я не отдам тебе Юлю...

– Единственное требование: Юлирель отправится в нулус, ее же партнер по гешвистеру пребудет до этого времени в Адастре в состоянии искусственного сна. Приемлемо это для вас?

Зал накрыла тишина. Юля, Мана и Дарсис уставились в пол.

– Ребята, – прошептал я, – это же бред какой-то.

Никто не ответил, только Динь-Динь поддержал: Конечно, бред, ами.

Дарсис наконец разомкнул губы.

– Мануэла, взять умника.

Ассасин молниеносно выхватил бозпушку из кобуры и выстрелил в двух углов рядом. Несколько ударов сердца – и могучие воины опали на плиты пола потоками грязной воды. Приторно-сладкий запах жжёного сахара ударил в ноздри. Мои роговицы обжег взгляд холодных медово-желтых глаз Дарсиса.

«...Я – лучший убийца».

Отбросив прочь кресло, Овако взревел:

«Красный!»

Резкой гравиволной великана отбросило на середину стола. Проломив толстое дерево, Овако застыл опрокинутой белой горой.

– Что ты творишь? – услышал я возглас Динь-Динь и обернулся. Мана нацелила гравипушку в лицо француза. Затем отвела ее в сторону и резко тыкнула аксамитовой рукавицей в его сонную артерию. Закатив глаза, Динь-Динь рухнул на пол.

«...Воля Дарсиса – закон для меня...»

Безоружные «меченые» набросились на четырех остав-

шихся стражников. Унголы махали топорами, но «меченые», как акробаты, ускользали от ударов и вились вокруг, задерживая и не позволяя побежать за подмогой. В то время бозонные пули Дарсиса и гравиволны Маны настигали стражников.

Безумие! Мы все обезумели!

Я сбросил расстегнутую рукавицу и схватился за мизинец другой рукой. Неожиданно голубые руки взяли мои аксамитовые пальцы и разжали их.

Кровь отхлынула от моего лица. «Только не ты».

– Нет, Юля, прошу. Нет.

Она приблизилась. Запахло солнечными зайчиками в уютной детской. Раньше она пахла только мылом, но теперь это ее запах. «Посмотри на меня».

Я выдернул руку, но она тут же схватила ее снова. Смогу вырваться только, если ударю ее.

– Юля, пожалуйста.

«Посмотри».

Я поднял голову. Ее губы дрожали.

– Раньше я просто любила тебя, – всхлипнула она. – Теперь обожаю.

– Не надо...

Меня резко ударили сзади. В ушах зазвенело, я повалился грудью на плиты пола. Попытался подняться – голова закружилась, не вышло. Проклятый звон в ушах.

Видал только пол и краем глаза Гертена. Архонт только

сейчас поднялся с кресла и вынул откуда-то из «змеиной» одежды маленькую рацию.

– Забирайте нас, – сказал гад в рацию. – Координаты: P54B63400ИНВЕНТ1258.

Нависла Мана, связывая мне руки за спиной.

– А ведь предупреждала, – проронила бразильянка. – Что ты слишком добрый.

Все вокруг предатели. Все паразиты.

Я раз моргнул и перестал понимать, где нахожусь. Плиты пола подо мной покрылись сплошным слоем серой стали. Широкий зал сузился. Воздух задышал свежестью, как после дождя.

Надо мной возникло круглое окно. В нем сияли звезды. Ни земли, ни облаков, только звезды и чернота.

Только открытый космос.

Глава 30

За окном сиял столп рукотворного Света, белые лучи заливали маленькую комнату инкубатория. Слепящие блики плясали в поднятой стеклянной крышке криокапсулы и били прямо в глаза.

Я очнулся от холодного сна. Кипящие ледяные пары сжиженного азота стекали с бортов криокапсулы и обжигали мою новую бледную, как лист офисной бумаги, кожу.

– Сколько дней я спал? – исцеленное горло больше не хрипело. Голос звенел, словно лился из лиры.

Усталый Динь-Динь в щетине, с грязными серыми кудрями протянул руку.

– Почти три недели.

В голове еще витали неясные рваные образы из снов: человек без лица, поцарапанное обручальное кольцо на вытянутой ладони мамы. Ладно, не мамы – какой-то женщины.

Шатаясь, я прошлепал по бетонному полу к окну. Тело знобило. Орпо снял со сверкающих наплечников зеленый плащ и укутал меня.

– Хоть этот верни.

Теперь я понимал его и без Барбары в ухе. Всего несколько дней среди унголов, но столько всего нас объединило. Враги. Потери. Предательство.

– Ты вспомнил меня?

– Еще при первой встрече. Но ты пришел вместе с Красным. И я предпочел забыть, как спас его друга.

Я повернулся к окну. Мы с убийцей не друзья.

Только названные братья.

Доспехи часовых унголов белели в каждом переулке Центра, у каждого крыльца. Вдалеке синеву неба прорезал черный дым, снизу весь в багровых отблесках. Адастра полыхала.

У меня внутри похолодело еще больше.

– Где Овако? Если хоть один гешвистер пострадал, ему не жить.

– Я так и сказал ярлу. Гешвистеры в порядке, успокойся, – сказал Динь-Динь, – После того, как мы выбрались из котла в Западном филиале, великан зауважал меня. Гешвистеров заперли в столовой с кучей еды, – его потухшие голубые глаза поднялись к дыму. – Но жителей Адастры я не смог спасти. После ада на Западе унголы жаждали проливать кровь сильнее, чем есть и пить.

– Зерель в Адастре...

– Уже нет. Теперь со мной. Хотя я и не любимчик Гертена, но в пределах десяти километров любимую почувствую, – с гримасой боли Динь-Динь сжал и разжал кулак.

– Пригодился мой урок? – заметил я.

– Пальцы вертятся как на шарнирах. Сбился со счета, сколько раз я выворачивал суставы в филиале.

– Волшебник Рауль и другие Волшебники спасли войско

ярлов, – сказал Орпо. – Благодаря им мы вырвались на Западе из тисков Гарнизона. И, прежде чем красные развернули резервы, мы пробились к их сердцу. К Адастре.

– При подсчете семидесяти пяти процентов старый рептилоид явно не учел месяцы испытаний наших способностей в казематах филиала, – хмыкнул Динь-Динь и помолчал. – Ну, что с Юлирель? Еще не поздно?

Я прислушался к звездам внутри себя. Тихо. Пусто. Одиноко. Как в глубоководной бездне.

Стоило вообще надеяться? В мире, где каждый день гибнут тысячи, нельзя спасти главного агнца на заклание.

Все вокруг не сказка. Не Дисней. Не страшилка Нила Геймана со счастливым концом. Мы на страницах жизни.

Здесь Потерянные Мальчики не возвращаются домой. Вместо этого их запирают в лабораториях. Впереди их ждут только годы бесчеловечных опытов.

В настоящем мире Шахерезада не перевоспитывает кровожадного султана. Наоборот, заражается его свирепостью и осваивает ремесло убийцы. Морали в помине нет, зато нуарно.

Зачем в реальной жизни Золушке злая мачеха? Ее отец устроит козни намного эпичнее. Сбросит дочь за изнанку мира и делу конец.

– Мне нужен Овако, – сказал я. – И, наверное, одеться.

Из хранилища инкубатория унголы принесли мои красные доспехи. Подарок Юли до ее предательства. До ее смер-

ти.

Так же, как Динь-Динь, я одел всю броню, кроме шлема и рукавиц.

Ярл ждал нас в главном корпусе в кабинете Гертена. Битва с Гарнизонам забрала у великана правый глаз и левую руку.

– Слава Хрору, что не наоборот, – хохотнул ярл. – Без правой мне только дрова колоть.

Он уселся в кресло архонта и закинул грязные сапоги на сверкающий белоснежный стол.

– Адастра наша, Волшебник. Что теперь? Полетим в небо? В небо зачем? Спасать Юлю? Три недели я пролежал в криогенном сне. Уже поздно кого-то спасать.

Нет у меня родной сестры. Нет у меня своих воспомина- ний о детстве.

Больше нет у меня возлюбленной.

У меня ничего не осталось.

Даже мои любимые комиксы я никогда не читал.

Я раздвинул рукой жалюзи на окне.

– Приведите на парковку гешвистер Герсен и Рудо.

К бледному куполу тянулись клубы сожженной Адастры. Звездного города без звезд.

– И захватите телескоп Рудо.

Бурый тридцатиместный аэроомнис вздымался над пустой парковкой, как Скала гордости из «Короля-Льва» над саванной. Внутри Орпо и его двадцать шесть унголов с гро-

хотом рассаживались, ломая подлокотники кресел и полки. Снаружи двое воинов втаскивали в багажный отсек сумки со взрывчаткой.

У дверей звездолета я и Динь-Динь то и дело поднимали глаза к кудрявящейся тьме на западе.

– Ты чувствуешь? – спросил француз, теребя расшатанные пальцы. – Как им больно?

– Поздно для этого, – я погладил ладонью лезвие топора, который взял у унголов, – В Адастре все мертвы.

– И правда, – Динь-Динь с хрустом два раза дернул палец, ни единый мускул не дрогнул на узком лице. – Когда заканчивается жизнь, заканчивается и боль.

От столовой Рудо и Герсен шли под конвоем, держась за руки, словно маленькие принц и принцесса со свитой рыцарей. Позади темнокожей девочки несли телескоп здоровее базуки. Складки лилового платяца Рудо трепыхались на ветру, как стебли цветущего вереска.

– Стас! Динь-Динь! И вас тоже куда-то тащат? – закричала девочка.

– Мы все летим на экскурсию на орбиту, – сказал я. – Скоро вы с Герсеном посмотрите на звезды.

Рудо застыла. Потом опустила взгляд на наши с Динь-Динь доспехи.

– Рудо, они с унголами, – сказал Герсен. Рудо тут же закрыла его плечом от меня. Пальцы девочки крепче стиснули руку ананси, смуглые костяшки побелели. Ну прямо как

Мана с Дарсисом.

– Герсен поведет аэроомнис на орбитальную станцию, – сказал я. – Когда подлетим к ней, по радиии он доложит, что сбежал вместе с частью гешвистеров из захваченного Центра. И что в салоне никого нет, кроме вас. Затем попросит убежища.

– Ничего не будет, – сказала Рудо. – Ты плохой.

– Откажется, – продолжал я. – И Рудо испытает боль.

Я забрал остаток ощущений Динь-Динь от вывихнутого пальца и ошпарил им ближайшего унгола. Взвыв, воин рухнул на асфальт и заколотил себя кулаками по нагруднику. Остальные трое конвоиров схватились за топоры. Взмахом ладони я ошпарил больпулями их всех.

Рудо вскрикнула. Вокруг нее высокие воины валились и теряли сознание. Грохотали доспехи по асфальту. Один упавший конвоир крича сжал телескоп в руках. Из раздавленной трубы посыпались винты и разбитые линзы.

Побледнев, Рудо и Герсен прижались друг к другу. Губы и колени девочки дрожали. В окнах аэроомниса застыли вытянутые лица унголов Орпо.

– Вот такую, – сказал я. – Прошу на борт.

Когда аэроомнис воспарил к черному смогу, конвоиров уже унесли на носилках. Только разломанный телескоп по-прежнему валялся на парковке.

Космическая бездна высоко над голубой планетой выгля-

дела как обугленная скорлупа моей жизни, черная и пустая.

Я уселся сразу за креслами пилотов. Сразу за Герсеном и Рудо. Позади гоготал и орал диверсионный отряд Орпо.

– Ты как архонты, – сказал Динь-Динь справа. – Использовал чувства ананси к любимому человеку, чтобы добиться своего.

– Способ, и правда, действенный.

– И говорить стал по-канцелярски, как они.

– Гертен многому меня научил. Прямо как отец, которого у меня никогда не было ни в одной из жизней.

– Звучит жутко.

– То, что Гертен мне отец? А мне нравится. Знаешь почему?

– Ну и?

– Дети обычно переживают своих отцов.

Обычно, но не в случае Юли.

Тысячи маленьких огоньков мигали в окне поверх моего отражения, прежде чем остаться позади и раствориться в прошлом.

– Там нас ждет пекло, – сказал Динь-Динь. – Ты хоть ее чувствуешь?

– Нет, но мы все равно летим.

Юля, Юля, пускай уже поздно, но черта с два я сдамся.

Примерно через полчаса на дисплее перед Герсеном всплыл конструктор из сотен модулей и блоков – станция. Загорелась лампочка радиоприемника. Герсен отпустил

штурвал и нажал кнопку рации.

– Назовитесь, – сказал динамик.

– Герсен из гешвистера Герсен-Рудо, – сказал ананси. – Мы и еще четыре гешвистера бежим от захватчиков Научно-испытательного центра в Адастре.

– Ваша цель?

Я встал и положил руку на спинку кресла Рудо. Прямо над завитками ее шоколадных волос.

– Поиск убежища, – сказал Герсен в микрофон.

Минутная пауза.

– Доступ открыт в транспортный модуль «номер шестнадцать».

Лампочка потухла. На дисплее станция медленно увеличивалась, заполняя черный фон нагромождениями модулей.

– Кстати, там могут быть хмурый ассасин и Шахерезада с кудряшками, – сказал Динь-Динь. – За две недели мы не встретились.

– Отлично, очень по ним соскучился.

Шлюзовая шахта в шестнадцатом модуле распахнулась, словно огромная трещина, и поглотила аэроомнис. Герсен посадил машину в конце посадочной площадки.

– Открой двери, – сказал я и вывихнул мизинец.

Снаружи ждало около сорока солдат. Ошпаренные моими больгулями, все они вмиг потеряли сознание.

Я спустился по трапу и встал посреди распластанных тел в красных доспехах.

Просторный ангар был набит флаерами. Спустивший следом Орпо осмотрел оружие вырубленных ананси. Все пушки имели треугольные стволы.

– Только бозпушки, – сказал Орпо.

– Гравипушки могут повредить обшивку и разгерметизировать модуль, – сказал Динь-Динь.

– «Стартрека» насмотрелся? – спросил я, вправляя сустав пальца. – Но все же... Орпо, оставьте ружья, взамен хватайте бозпушки. Пули тоже дырявят стены.

Рудо глядела на нас из салона аэроомниса через открытую дверь.

– Стас, зачем вы это делаете?

– Чтобы спасти Юлю, – сказал я. – Ну или понять, что это невозможно.

– Юлю?

– Рудо, если выживу, все-все расскажу. Обещаю. А если нет – прости меня. И ты, Герсен тоже прости. Это так далеко зашло, я не хотел, простите...

Вдруг Рудо спустилась из салона и хлопнула меня по руке, сжимающей топор.

– Прекрати просить прощения – ты же пока не погиб, – сказала девочка. – Когда все закончится, я буду ждать тебя живого с объяснениями. Понятно?

– Ну, раз будешь ждать, – улыбнулся я.

Орпо оставил в аэроомнисе вместе с Герсеном и Рудо четверых воинов. Остальные полезли между флаерами к выхо-

ду из ангара. Двое унголов несли за спинами сумки с взрывчаткой.

Цилиндрические коридоры тянулись и тянулись. Кондиционеры на потолках дышали жужжа, как огромные пчелы. Сквозь иллюминаторы на отполированную сталь внутренней обшивки глядели обреченный космос, сжимающаяся Вселенная, умирающая материя. Великие зрители обыденной драмы. Отец решает за дочь. Парень дочери идет набить лицо ее отцу. В сухом остатке все так мелко, понятно, просто. Незначительно.

Если жизнь одного существа незначительна, почему нечто, по сути состоящее из множества множеств множеств незначительных жизней, является значимым? Где граница «значимости»? Сколько миллионов жизней можно угробить прежде чем сказать: парни, закругляемся, дальше будет значимо?

Я остановился на развилке двух коридоров.

– Направо через три поворота ждет засада.

– Сворачиваем налево? – сказал Динь-Динь.

– Только я. Постарайтесь отвлечь на себя как можно больше солдат. Шумите погромче. Орите. Удачи!

– Что? – закричал француз. – Бросаешь меня?

– Тебе ли бояться? – я прочистил пальцем заложенное ухо. – Пару раз дернешь палец и положишь сотню солдат.

– Я не солдат боюсь, – буркнул Динь-Динь. – А сам знаешь кого.

– А! – сказал я. – Так они идут сюда как раз по левому коридору.

– Шахерзада? – выкрикнул Динь-Динь. – Она же тебя плевком расшибет.

– Ну спасибо за веру в друга, – я слегка стукнул француза обухом топора по броне. – У меня все схвачено. Больше не попадусь ей в захват.

Динь-Динь был мрачнее тучи:

– Скажи, на самом деле ты сюда помереть прилетел, да? Без Юли не живется?

– Вот умеют же лягушатники бред сморозить!

Я отвернулся и зашагал по левому коридору.

– Увидимся на том конце.

За спиной раздалось:

– Где? На том свете? Друг, *ами*, не надо умирать.

– На том конце станции, кретин! – заорал я и ускорился.

Их шагов я не слышал. Через три поворота оба словно со-
ткнулись передо мной из воздуха. Красные пластинчатые до-
спехи облегали их стройные тела. Лица полностью закрыва-
ли глухие округлые шлемы. Стояли они рядом, слегка каса-
ясь друг друга аксамитовыми рукавицами.

На груди каждого темнела багровая мишень «меченых». Знак убийцы.

Я оглядел плотный доспех на бедрах Маны.

– Дарсис постарался? Похоже, он касался тебя в самых нескромных местах. Похоже, вас двоих можно поздравить.

– Похоже, это не твое дело, – сказал Дарсис. Его плечи и грудь обматывали красные ленты. В расстегнутых кобурах под мышками как штыри торчали рукоятки пистолетов.

Мана сняла шлем. Ее восстановленные в инкубаторе кудряшки колыхнулись под мощным дыханием кондиционеров. Темные глаза сияли на гладком бледном лице, как нагретые угли.

– Железяка тебе не поможет, – кивнула бразильянка на мой топор.

– Не поможет, – я отбросил оружие в сторону. – Ведь я обещал, что ни один нож не коснется твоей кожи.

Дарсис сжал пальцы в кулак, внутри гибкой брони запрыгали блики.

– Это топор, умник.

Я пожал плечами: один фиг.

– Стас, поздно бунтовать, – сказала Мана. – Юлирель ушла в Свет.

– Знаю. Вы убили ее.

– Тогда почему?

– Потому что у сказки должен быть счастливый конец, – я поднял левую руку. Из свежего глубокого пореза на ладони сочилась кровь. – Кстати, вот для чего прихватил топор.

Как всегда молниеносно Дарсиса рванул бозпушку из кобуры. Прежде чем щелкнул спуск, я обрушил на ассасина болтули, сбив его с ног. С воплем Дарсис выронил оружие. Уткнулся лицом в плитус, судорожно хватая ртом воздух.

Кулаки Маны вспороли пространство. Я отклонился назад, сделал выпад, ударил. Мана тоже. Ее костяшки и мой локоть поцеловались сквозь толщу аксамита и отскочили. Из разреза на моей ладони брызнула струя крови. В то же время я накрыл градом больпуль кудри бразильянки.

– Как летний дождь, – хмыкнула Мана. – Освежает.

Она атаковала, свет едва поспевал за ней. Обманное движение плечом, резкий удар снизу. Я отпрыгнул, пнув валькирию по бедру. Рык вырвался из ее плотно сжатых губ.

Пытаясь перевести дух, я отступил и стряхнул пот с лица. Каждый вдох и выдох – словно нож входит и выходит из груди.

Мана прижала меня к окну, и мы сошлись вплотную. Попытались пробить защиту другого. Пересилить бывшего друга. Наша связь разорвана, но память о слабых местах осталась.

– Баста! – победный клич Маны отдался от стальных стен.

Кулак в чехле из аксамитовой брони проскочил мимо моего блока. И влетел прямо мне в лицо. Вслед за головой все тело отбросило назад, затылок обжегся об ледяное стекло.

Новый удар достал печень. Все мои мышцы разом ослабли, словно от электрического импульса. Я ощутил металлический вкус крови в горле. А потом осознал, что лежу на полу.

– Зачем даже сейчас? – взревела Мана и пнула меня носком в ребра. – Зачем, раз Юлирель мертва, ты все равно раз-

рушаешь нашу дружбу, мое счастье. Зачем так упорно губить себя? Ты мстишь?

Краем заплывшего глаза я видел круглый кусок черного космоса в стене. Отражение моего избитого лица и слипшихся от пота волос закрывало все звезды. Мана замолчала. Дарсис хрипел у противоположной стены, пытаясь подняться. Размывалась граница между плотью и болью. Болью не только от ран.

– Ты не хочешь...знать, – я сплюнул кровь.– На самом деле, не хочешь. Но все равно узнаешь.

И я отдал Мане все, что чувствовал. Эпицентр урагана моих терзаний сместился в ее мозг.

Бразильянка застыла. Ее губы задрожали. Выступившие слезы повисли на ресницах как бусинки росы.

– Как же сильно... Как же сильно ты ее любишь, – всхлинула она, сверкающие бусинки потекли по ее щекам. А затем над кудрявой головой полыхнули, словно молнии, черные векторы. Страшная гримаса исказила лицо бразильянки. – Я убью тебя!

Железные пальцы впились мне в горло. Я заколотил руками по полу. Мой язык выпал изо рта и запрыгал на подбородке.

Горящие глаза Маны затмили мир. Всю гибнущую Вселенную. Откуда-то издалека донесся слабый голос Дарсиса:

– Ты хотел успокоить ревнующую девушку, показав чувства к другой? В самом деле, тот еще умник.

Успокоить? Нет, не так.

Наоборот. Ведь добрым и сомневающимся мне ни за что не победить.

По моей команде губка внутри ожила и бросилась поглощать черные векторы Маны.

Чужая мрачная аура впитывалась в меня, накрывала мысли черным зонтом. Пока Мана выдавливала из меня жизнь, она отдавала взамен что-то новое.

Теперь я прекрасно понимаю Ману. Теперь я тоже хочу прикончить ее. Растоптать ее предательское лицо с бразильскими пухлыми губами, выдавить воздух из ее легких, а затем взять ее опустошенное мертвое тело и, как мешок, набить камнями. Блеск жизни в ее глазах – яд для меня, а чудесная Мана – мертвая Мана.

Задыхаясь в тисках, умирая, я ощутил, как гнев извне наполнил мои резервы. В моем сердце загрохотал гром, ослабленные руки развязались и ударили.

Кто-то закричал. Знакомым ненавистным голосом. Я перекатился на ноги и бросился на него.

Пелена застелила мои глаза. Я видел лишь размытую красную тень на фоне серых коридоров. Ее взмахи, ее удары я опережал. Мои руки и ноги били и били. Костяшки мои расшиблись в кровь о ее толстую броню, я не останавливался.

Другая тень на полу попыталась встать. Я ошпарил ее болтулями из своего сдавленного горла. Тень взвыла и опала.

Первая тень поймала в захват мою руку, мы рухнули, я зашарил свободной ладонью по полу. Что-то тяжелое скользнуло в нее. Блеснула острая сталь на другом конце предмета. Сталь блестела до тех пор, пока не погрузилась в тело тени.

Тогда тень закричала. А я улыбнулся в ее размазанное лицо.

Когда кровавый туман растаял и мир обрел прежние серые краски в моих глазах, кто-то слабо прошептал:

– С возвращением.

Где я?

Что-то липкое налипло мне на руки. Я опустил взгляд и закричал.

Мана лежала в луже крови у моих ног. Из разбитого доспеха на ее животе торчало лезвие топора. Мокрую рваную рану окружила рамка из мелких трещин на забрызганном кровью аксамите.

Мои глаза словно вспыхнули огнем от увиденного. Столько соли было в слезах.

Кровь на моих руках сливалась цветом с аксамитом. Мана коснулась дрожащей рукой рукоятки топора и поморщилась.

– Не коснется кожи... Ты соврал.

Ее лицо словно осело, она откинула голову и больше не шевелилась.

Я кинулся к обездвиженному Дарсису и сжал замаранными красными ладонями его шлем. Все больпули, что ассасин поймал, я рывком вынул из него и уничтожил.

Резкий удар в скулу повалил меня. В следующий миг треугольное дуло уставилось в мое лицо. Бозпушку держал Дарсис.

– Мана ранена, – закричал я, понимаясь с пола. – Здесь ей никто не поможет. Унголы уже должны были захватить станцию. Ты знаешь: пленных они не берут. Ее спасет только инкубаторий Центра.

Дарсис быстро посмотрел медово-желтыми глазами на Ману.

– Она потеряла много крови. Может умереть в любую секунду, – сказал я. – Хватай Ману и лети в Центр!

– Сразу как застрелю тебя, – сказал Дарсис.

Меня зашатало. Дуло уставилось мне в грудь. Даже если швырну больпулей, Дарсиса хватит спустить курок один раз. Раз он убьет меня, то и стрелять больпулей я не имею права. Потому что иначе Дарсиса вырубит, и Ману уже никто не спасет.

Значит, вот так я умру. Рядом с истекающей кровью названной сестрой от рук названного брата. Другой семьи у меня уже не будет.

– Мне теперь тоже снятся кошмары, Дарсис, – я зажмурился. – Теперь я тоже убийца женщин и детей.

Тишина. Пока выстрел не грянул, я взмолился в последний раз:

– Дарсис, пожалуйста...

Звук удаляющихся шагов.

– Чтоб ты сдох во сне.

Я открыл глаза. Дарсис наклонился к Мане и всунул два пальца под аксамитовый воротник на ее шее.

– Дышит, – выдохнул ассасин. – Пока.

– Я помогу отнести ее в ангар.

– Сначала забинтуем рану, – Дарсис вынул топор из живота Маны и дернул защелки на ее нагруднике. – Иначе до инкубатория она не дотянет. Помоги ее раздеть.

Затопали по стальному полу тяжелые сапоги. Из-за поворота вылетел десяток унголов во главе с Динь-Динь.

– *Ироземан*, слава богу, тебя не пришибли! – француз в шоке уставился на разбитую Ману. – Дьябло!

Я оттягивал сочленения наплечников Маны, мешавшие Дарсису снять нагрудник.

– Надо отнести ее в аэроомнис, – сказал я. – Полетим в инкубаторий.

Динь-Динь не сдвинулся с места.

– Если хочешь, да, окей, мы отвезем ее вместе с ассасином. Но не ты.

Дарсис наконец отцепил нагрудник и отбросил броню в сторону. Аксамит зазвенел об сталь пола.

– Что? – не отрываясь, я смотрел как ассасин перевязывал аксамитовыми лентами рану Маны. – Кто это натворил, потвоему? Я!

Динь-Динь вдруг схватил меня пальцами за подбородок и дернул к себе.

– Остатки Гарнизона в любой миг вторгнутся и отобьют обратно станцию, – некогда небесно-голубые глаза француза выглядели уставшими и серыми. – Больше мы сюда вряд ли сможем вернуться. К тому же прямо сейчас Орпо обкладывает взрывчаткой двери порталной рубки. Гертен закрылся внутри. Если ты не поторопишься, Орпо ворвется к рептилоиду и зарубит его. Кто тогда заберет Юлю из того проклятого измерения?

Я вздрогнул.

– Он прав, – сказал Дарсис, затягивая повязки. – Спасай свою женщину, умник, а я буду спасать свою.

– Прямо по коридору, ами, – Динь-Динь хлопнул меня по плечам. – Как только отвезем Шахерезаду, сразу рвану назад. Вы меня с Юлей дождитесь только, за всю эту нервотрепку твоя красотка должна мне как минимум поцелуй. Ну, топай же.

Не успел я слова сказать, Динь-Динь развернулся к неловко стоящим унголам.

– Чего встали, олухи? Помогайте, сейчас понесем.

Воины тут же бросились выполнять приказ грозного Волшебника. Широкие спины в белой броне закрыли поникшее тело Маны. Ее замотанный красными повязками живот. Ее бледное, без единой кровинки лицо. Слипшуюся от пота черную гриву.

На негнущихся ногах я двинулся прямо по коридору.

Орпо нажал детонатор.

Бахнуло. Прямоугольник стальной двери разлетелся на горящие клочья по всему проходу. Меня обдало волной горячего воздуха. Часто моргая опаленными веками, я вышел из-за угла коридора, протопал по сожженному черному полу и нырнул в клубы дыма в порталльной рубке. Унголы громыхали следом, с любовью поглаживая лезвия топоров.

В традициях «Стартрека» порталльная рубка состояла из стеклянной камеры на высокой круглой платформе и пультов управления напротив. За пультами управления сгрудились десятков ананси во главе с Гертенем. Все синекожие были без оружия и доспехов. Значит, не солдаты – рабочий персонал станции.

– Никого не трогать, – велел я Орпо, целившемуся из бопушки в лысину одного из ананси. Воин недовольно щелкнул языком, но дуло опустил, и разрешил отряду привал.

Гертен сделал два шага ко мне, на его неизменном одеянии в красной «змеиной чешуе» мерцали синие блики от дисплеев пульта.

– Станислав, твое безрассудство дорого обойдется Юлирель.

– Если бы. Ваш бестолковый план не сработал, – сказал я. – Больше я не ощущаю Юлю...рель, нет, Юлю. Значит, Юля не ощущает меня. Значит, она не вернется.

В ответ на чудовищное для любого отца откровение старый архонт лишь пару раз мигнул шафрановыми амбразура-

ми.

– Что ж очень жаль. На Юлирель Совет возлагал большие надежды. Шестнадцать лет я лично готовил ее, превратил дитя с хорошими врожденными рефлексами в совершенный образец развития ананси. Она выдерживала практически любые физические и психические нагрузки. И все равно миссия Юлирель – всего только одна из бессчётных попыток постичь нулус. Были и будут другие.

Чего еще ожидать от зацикленного на космохрени маразматика?

– Серьезно? Вы не видите? Не будет больше никаких попыток, – сказал я. – И мне очень хочется, чтобы вас тоже больше не было. Вообще.

Гертен покачал головой.

– Станислав, убив меня, ты уничтожишь результаты исследований нулуса за сотни лет. Все жертвы гравитационного катаклизма на Люмене будут напрасны. Уход Юлирель тоже. Вселенная сжимается и...

– Задолбали! – взревел я. – Оглянитесь: вы на острие, а что несете? Думаете, их заботит ваша гребаная Вселенная? – я кивнул на унголов. Воины разбрелись по рубке и расслабились, сняв шлемы. Кто-то разлегся прямо на полу и спал, кто-то скучаяще свистел, кто-то подбрасывал в воздухе бозпушку и ловил ее, даже не поставив оружие на предохранитель, кто-то достал точильный камень и водил им по топору, поглядывая на ананси с многообещающей улыбкой. – Боль-

шинство унголов до сих пор думают, что Люмен плоский! Сейчас этих здоровяков сдерживаю только я. А что сдерживает меня, вы знаете?

– Нет, – признал архонт, – я никогда не мог понять людей. Сколько ни пытался.

– Тогда подсоблю, – я сосредоточился и бросил в Гертена серо-лиловую градину. Снаряд горечи. Крупника боли от потери.

В следующий миг ноги Гертена резко выпрямились, как от судорог. Носки вытянулись. Архонт вцепился руками себе волосы и застыл, таращась на кондиционер на потолке. Синий подбородок выпятился вперед.

– Помогло понять? – участливо спросил я.

– А-а-а-а-а, – стонал бездушный старик. Растерянные ананси окружили своего предводителя. Кто-то крикнул.

– Что ты сделал с архонтом, человек?

– Всего-навсего поделился чувством вины перед Юлей, – ответил я. – Просто в его обмороженном сердце оно отдается сильнее в разы. С непривычки, видимо. Но, по-моему, так даже справедливо, – я смотрел, как закатываются глаза архонта. Наконец в этих шафрановых шарах есть эмоции, есть боль. – Ведь он, как отец, как наставник, как убийца Юли, виноват намного больше.

Архонт рухнул на пол, ананси перевернули его на спину. Вены набухли на шее и лбу Гертена, лицо налилось жаром и кровью.

Я наклонился над тяжело дышащим стариком.

– Вы у нас математику любите, архонт. Так подсчитайте, на сколько процентов ваше чувство вины должно превосходить мое. На двести процентов? На пятьсот процентов? Может, на миллион процентов? Или на дециллион?

– Прекрати это, человек, – закричал ананси над моим ухом. – Сколько он должен мучиться тебе в удовольствие?

Сколько времени должен страдать отец после того, как отправил на тот свет собственную дочь?

Я ответил словами База Лайтера из «Истории игрушек»:

– Бесконечность – не предел.

Спустя время, к сожалению, очень далекое от бесконечности, я успокоил Гертена. Сжимал его виски в руках и вытягивал обратно расщепленную в сознании архонта горечью-пулю. Горькая капля высосалась и испарилась в безэмоциональном вакууме, созданном моей волей.

Хлюпая носом, Гертен оглядел пустую комнату. Слезы стекали по его впалым щекам.

– Где твои варвары? И мои работники?

Я отпустил голову архонта и брезгливо поплевал на руки. Растер друг о друга ладони.

– Унголам велел лететь назад в Центр. Перед этим запелить ваших служак в кладовке. А то они ором своим чуть меня не довели до ручки. Если понадобятся помощники, ключ от кладовки на пульте.

Архонт шатаясь поднялся с пола.

– Для чего понадобятся?

– С самого начала вы готовили для нулуса не того. Меньше надо людей презирать. Расизм давно устарел.

И я двинулся к стеклянной камере напротив пульта.

– Нет, ты психически не сбалансирован, – услышал за спиной. – К тому же ты не натренирован, как Юлирель. Тебе не выдержать транспортировочной нагрузки.

Резко обернулся.

– До сих пор не дошло? – рявкнул я, не сдерживаясь, и уже спокойнее, – Главный теперь не вы. Откажетесь – вам точно конец. Всей вашей стране конец.

Гертен вытер рукавом мокрое лицо.

– Что ж тогда поднимайтесь на платформу, господин Главный.

Больше не глядя на меня, архонт встал за пульт. Хмыкнув, я распахнул дверь в камеру и залез на рисунок желтого кружка в центре платформы.

– Пускайте катушку, – скомандовал я. Но Гертен медлил.

– Я обещал Юлирель, что верну тебя на Землю, – сказал старик.

– Совесть начала просыпаться? – скрипнул я зубами и топнул по платформе. – Попробуйте только. И обещаю: сколько контролеров на Земле мне ни пришлось бы найти и пытаться, я раздобуду способ снова заглянуть к вам в гости. На месте того, что вы сможете восстановить, я создам новый хаос. Хоть

раз пожалейте свою планету.

Угрозы не проняли архонта.

– У тебя нет маяка вне нулуса, – сказал Гертен. – У Юлирель был ты, у тебя никого. Даже пережив переход, ты не вернешься.

Его спокойный тон охлаждал лучше купания в проруби.

– Это не самоубийство, – сказал я. – Поверьте.

Мы с Гертенем молча смотрели друг на друга сквозь стеклянную перегородку: на тех нас, кем мы никогда не были. Брат и отец. Как оказалось, мне не для кого играть свою роль, а Гертен позволил древней крезе ананси диктовать, кто он есть.

Сказки врут. Прочитанные в детстве истории закладывают в нас ложные надежды, что мы принцы и принцессы, супергерои и волшебники. На Земле верят, что в настенном календаре прячется день, когда они вдруг обретут паучью суперсилу и спортивную внешность. Или ждут, что однажды их, спящих на поеденном молью диване, разбудят поцелуями прекрасные принцы-мультимиллионеры. Ананси же вместе с молоком матерью впитывают историю о гибнущей Вселенной, которую им предназначено спасти. Наше детство, наше прошлое, пропитанное лживыми сказками, решает наше будущее.

Но у меня больше нет прошлого. Подделка разоблачена. Тем легче мне решать самому. Каноны утратили власть над моими решениями. Узкие рамки никакой истории больше не

заставят меня ненавидеть себя или другого. Раньше я ненавидел Юлю, потому что ненавидел самого себя. Чужие условности вонзали гвозди в мою жизнь. Навешивали на эти гвозди ярлыки. Брошенный сын и бросивший брат.

Теперь я не хочу умирать, потому что полюбил Юлю.

Теперь я сам хочу написать свою историю.

Гертен кивнул и взялся обеими руками за тяжелый рычаг.

– Тогда спаси мою дочь.

Аппаратура под платформой загудела. Желтый кружок на ней стал мерцать ярким светом. По моему телу забегали маленькие огоньки. Слегка защекотало под доспехами. Пока я весь светился, словно звездное небо, мир в глазах стал затухать. Накрыла темнота.

Услышал голос архонта:

– Один за другим органы чувств прекратят функционировать. Первым зрение, вторым...

Голос стих. Уши заложило вакуумом. Больше нет сомнений, что «вторым».

Я ощутил, что уже не стою. И не лежу, и не сижу. А голову вертит как юлу. Затошнило. Значит, ориентировка в пространстве – третий предатель. А она разве относится к органам чувств?

Утопая в темноте, ощутил, как заложило нос. Минус нюх. Что осталось?

А потом меня дернуло. Из невидимого тела полилась кровь. В сквозных ранах затрепетали лоскуты кожи и плоти.

Я не видел, но знал. Потому что болевые рецепторы отключились самыми последними.

Глава 31

Влажный легкий ветер погладил мое лицо, колыхнул ресницы. Разогнал белый хаос в разуме. Где-то рядом шелестели волны, скрипели тонкие ветви. Далекая птица разрывалась воплем.

Бриз и деревья? Море и чайки?

Ах, конечно. Вечные звуки подле.

Я открыл глаза и встал, отряхивая золотой песок с футболки и шорт. Огляделся. Бесконечная лазурная гладь тянулась вдаль, к туманной дымке. Горланило белое пятно чайки на необъятном синем небе. Обыденная красота привычных пейзажей. Позади от моих кожаных сандалий по песчаным дюнам пляжа скакали свежие следы, пока не исчезали в зеленой тени леса. В кривой цепочке ямок в песке крылась причина моего забвения. Я – странник, а вся моя жизнь – поиск. Ищу, всегда ищу.

Мне брызнуло на ноги. Морская волна. Обрызгало еще волной – прямо в лицо. Еще десятки, сотни раз. Сотни ударов по мне. И еще больше по сияющему пляжу. Воды лагуны взметнулись к небу. Земля затряслась, невысокие дюны посыпались в ложбины между ними. Кричала чайка, все кричало. Кровь и соленая вода текли с меня. Гремя, за спиной валились деревья.

Вместе с песком смыло следы моих сандалий. Следы мо-

его поиска. Моей жизни.

И вот кипящая лагуна выпустила пленницу в простом белом платье. Сверкнули мягким золотом глаза, взметнулись голубые руки. Ограда из пенящихся гребней встала между нами.

Мы никогда не встречались с девушкой, но я знаю, что ищу именно ЕЕ. Всегда – ЕЕ.

Вздрогнув, словно в последних родильных судорогах, лагуна утихла и гигантские волны опали. Вытряхивая воду из ушей, девушка шагнула на разбитый пляж. Опрокинутый, раздавленный, я смотрел, как с ее полупрозрачного платья стекала вода. Мокрые волосы ее сделались черно-непроходимыми, как морская пучина, из которой она вышла.

Девушка взглянула на меня. Впервые.

И протянула бледно-голубую ладонь. Мои раны и кровь на коже вдруг исчезли, я исцелился, поднялся выше страха, выше боли, выше рассуждения. Я каким-то образом оказался на ногах. Мятая одежда выпрямилась, очистилась от песка и крови. Осталось только шагнуть, только взять голубую руку. И тогда конец поискам.

Остался только один шаг.

Девушка протянула руку ближе ко мне.

Полшага.

Чайка вопила в небе.

Я целиком окунулся в золото нечеловеческих глаз и неожиданно спросил девушку:

– Почему я не слышу твоих мыслей?

Чайка резко смолкла. Утих бриз, застыла рябь на воде. Вопрос повис в воздухе, встал между нами подобно недавним гигантским гребням. Первый настоящий вопрос в мире-подделке. Он подтолкнул меня дальше, в застывшем сознании с трудом начали рождаться мысли. Со скрипом, с болью, прямо как у закаменелой мумии. Перед моими глазами пронесся поток образов, сравнений, связей. Мумия, фильмы ужасов, вымышленные истории, комиксы, сказки, поиск счастливого конца... Разум ужалила память прошлого. Юля. Юлирель. Агония во время скачка в нулус.

Пальцы на протянутой голубой ладони приглашающе согнулись. Знакомое лицо улыбалось, под полупрозрачным платьем мерно вздымалась грудь, на которую очень долго я боялся просто взглянуть. На гладкой коже собирались капельки пота. Реалистичная графика и только. Нет тихих чувств, нет тяжелых мыслей. Ничего родного нет под пустой оболочкой.

– Зря стараешься, – сказал я. – Не твои скулы порезали меня по сердцу.

Подделка не шелохнулась. Ее рука так же тянулась ко мне. Запрограммированная моим воображением кукла не умела сдаваться. Даже завидую.

Я оглядел застывший призрак мира. В этом месте, где нет материи, правит сознание, а осмысление идет об руку со знанием. Если проще: мыслишь – значит знаешь. Словно во-

сточные монахи, медитирующие под деревьями, здесь я мог впитывать информацию без зубрежки учебников.

Лжеюля качнула бедрами, восхитительная на фоне песка и моря. Нет, опасность не исчезла. Стоит поддаться соблазну, купиться на ее голые острые коленки и ждущий взгляд, и я пропал. Я снова заиклюсь на одной бесконечной мысли. На одном слове. На одном действии. На «ищу».

На всякий случай попятился от Лжеюли на пару шагов. Оттолкнулся и воспарил в синеву неба. Лагуна внизу быстро уменьшилась и растворилась в необозримом океане.

Синий простор вокруг стал переливаться яркими картинками моих глупых желаний, как калейдоскоп. Мимо проплыл кадр, где Человек-паук, сидя на факеле Статуи Свободы, приглашающе мне машет двумя сэндвичами. В другой фантазии в автобусе сидела вся моя семья, которая вовсе не моя, – Лена, ее мать и даже отец в синем мундире с орденами. Картинки поднимались спиралью и пропадали. А я несся дальше сквозь мысленный поток. Принимал информацию Абсолюта.

Итак, скачок в нулус убил меня. Потому что мое сознание замерло в одной точке, заиклилось на самом себе. Влипло намертво в цемент одного бесконечного действия – «ищу, ищу, ищу, ищу...». Материи в нулусе нет, как и времени, как и энергии. Нет здесь распада и разложения. Смерть в «точке без характеристик» – всего лишь остановка. Когда умираешь, разум застывает, и я чуть не застыл, вечно следуя за ре-

алистичным видением Юли, что сам же и создал. Только одной детали не хватило для полного безвозвратного погружения: шепота Юлиных мыслей. Но подделка не умела думать.

Мертвецам не дано мыслить. Если бы Лжеюля, творение моего «мертвого» сознания, породила бы мысль, это значило, что я породил бы мысль. Мыслю – значит существую. И тут же воскрес, очнулся бы от миража.

А облегченный вариант не сработал. Из-за нехватки одной мелочи тень Юли не заманила меня в вечную рефлекссию сознания. Даже заторможенный я не поверил, что передо мной Юля. Искать же вечно Не-Юлю не входило в мои планы, когда я нырял в нулус.

Не останавливаясь, я пересекал холодные залы Крепости Одиночества, захламленные ангары Особняка Мстителей, полутьму Бет-пещеры. На выходе из последней вихрь летучих мышей вдруг взметнулся к невидимым сводам, чуть не оцарапав мне лицо. Фансервис вокруг не удивлял. Нулус – бесконечная масса, сплюснутая в одну точку. Представить такой мегапарадокс под силу разве что Доктору Манхеттену. Обычный же человек на непостижимое всегда натягивает маску знакомого.

Наконец всплыла нужная ячейка в бесконечных сотах Истока Вселенной. Незастеленная кровать. Фабрикоид, застывший на зарядке. Аквариум с рыбкой на тумбе. Сотни аквариумов с рыбками. Стены Юлиной комнаты раздвинулись, и лабиринт аквариумов уходил вдаль, где ламинат словно бы

перетекал в пустоту.

Я услышал топот босых ног – ее босых ног. Среди лабиринта металась от одной стеклянной коробки к другой единственная девочка, мысли которой я мог слышать.

Нашел.

Я рванулся к ней и обнял. Мои пальцы задрожали от прикосновения к ее коже. Но Юлия выскользнула из моих рук. Золотые глаза смотрели только на аквариумы, а разум поглотила одна-единственная мысль. «Спаси, спаси, спаси, спаси...».

Душу мою чуть не разорвало.

Дурацкий нулус. Гребаное киллер-измерение.

Войдя сюда, никто не выживает.

Юлия подбежала к аквариуму, раскинув руки. Едва она приблизилась, рыбка вздрогнула и всплыла к поверхности брюхом кверху. Круглые глаза выпучились, пухлые губы застыли.

Вскричав, Юлия забила кулаками по тумбе. Слезы стекали с ее подбородка и падали в воду, на торчавшее из воды брюхо рыбки. Затем взгляд ее упал на рыбку, плавающую в другом аквариуме, и Юлия бросилась к нему.

За спиной Юли плавали сотни мертвых рыбок.

Прежде чем Юлия достигла нового аквариума и познала новую смерть, я схватил девушку-ананси за руки. Она брыкалась и рвалась, я прижал ее к себе. Одна мысль звенела в ее мертвом сознании. Одно желание, с которым она нырнула

в нулус и с которым погибла.

«Спасти...»

Когда я переходил между измерениями, думал только о том, как найти Юлю. Поэтому меня встретил ее мираж. Юлю же терзала ее миссия. Сомнения, страхи, что никого она не спасет, что подведет архонтов и отца. Она – надежда Вселенной? Но почему? Она не уберегла даже рыбку! И теперь сознание ее захлебнулось в попытках предотвратить то, что она допустила. Маленькую смерть, предзнаменующую великий провал.

Не отпуская голубые руки, я телепатировал Юле. Создавал зачатки мыслей в ее застывшем сознании. Возрождал в угасшем разуме жизнь.

При переходе в нулус нельзя выжить. Зато здесь легко воскреснуть.

Юля перестала биться и осела на пол. Я больше не держал ее, и она завертелась из стороны в сторону, оглядывая мертвых рыбок. Лицо ее потемнело от грусти, а вместе с ним вся бесконечная комната.

«Их всех убила я...если бы я только стояла на месте».

– Нет, это нас убил нулус. Рыбки – всего лишь мираж петли, в которую замкнулось твое сознание.

Приятно было говорить вслух. Так казалось, что мы правда разговариваем, правда оба существуем вместе с гортанями, зубами, языками. Губами, которыми я жаждал соединиться.

Глаза Юли блеснули в темноте, как золотые монеты.

– Но ты воскресил меня.

Я засмеялся и обнял ее. Мы крепко прижались друг к другу в этом мрачном призраке ее комнаты, окруженные плеском плавников в темноте.

Юля вдруг отвернула лицо, все еще прижимаясь ко мне телом.

– Ты даже бросился в это опасное место ради меня. А все, что я тебе дала – убила твою любимую рыбку.

– Легко исправить, – сказал я. – Просто, когда вернемся, подари новую.

– А так разве можно?

– Можно даже круче, – я сделал паузу. – Выходи за меня.

По ее коже под моими пальцами словно прошла волна тока.

– Что? Выйти?

– Ага – при куче народа оденем друг другу на пальцы жутко неудобные кольца и пообещаем никогда не расставаться.

– Я поняла, что ты имеешь в виду. Я же читаю твои мысли. Но не вижу смысла носить всю жизнь жутко неудобные кольца.

– Ах вот как, – я стал искать взглядом ближайший аквариум, чтобы всунуть в него голову и захлебнуться.

– Давай подберем по размеру, удобные, – сказала она.

После этих слов мне снова захотелось жить.

– С каких пор мы ищем легкие пути?

Юля пожалала плечами.

– Хочешь – носи оба кольца сам, а я только пообещаю никогда не расставаться.

Она подставила губы под мой поцелуй.

– Похоже, нам предстоит непростая супружеская жизнь, – сказал я, наклоняясь к ней.

Взявшись за руки, мы летели сквозь игру видений и миражей. Наши сознания преобразовывали непрерывный поток информации в знакомые образы, в портреты близких людей, в то, что нам под силу представить. Нулус – это Все, превращенное в Ничто. Он включает в себя каждое событие, каждый вздох, каждую мимолётную мысль из нашего измерения.

Мы видели, что творилось на Люмене без нас.

Видели, как Динь-Динь вместе с Герсеном и Рудо возвращались на станцию, пересекая в аэроомнисе космическую бездну. В ангаре их ждал Орпо со своим отрядом.

Видели, как Мана восстанавливалась в инкубаторной капсуле. Ее рана затянулась без единого шрама, и теперь бразильянка плавала в облаке добрых снов. Тихая улыбка играла на ее бледном лице. А снаружи жестокий мир уже бросал ей новые вызовы.

Видели, как Дарсис лежал избитый в карцере Центра. Овако не поддавался на уговоры Динь-Динь пощадить ассасина, и гулкий стук топоров раздавался среди зеленых лужаек. Под тенью золотого купола «Диснейленда» унголы ставили сруб, чтобы на восходе сжечь его с Красным убийцей сотен

внутри.

Видели мы и как побежденный, но не разбитый Гарнизон стягивал войска в Адастру. Как унголы пристреливались из мортир, готовя орудия к отпору штурма. Как запертые в столовой гешвистеры дрожа прислушивались к редкому грохоту снарядов снаружи. Бедные дети, мы видели, вскоре падут жертвами очередной глупой бойни.

Только Лену мы не могли увидеть, как будто ее стерли из бытия.

Бессилие помочь друзьям бросало нас с Юлей друг другу в объятия. Я удивлялся, какой влажной стала кожа Юли. Словно плакала каждая частица ее тела.

Стыдно, но в то же время мы радовались. Наши тревоги показывали, что мы живы. Живы, мать вашу! Потому что страдать, понимать, насколько ты бессилен, одинок, потерян – и есть жизнь. Страдание побуждает действовать. Только когда ты способен страдать, перед тобой прокладывается дорога к любви и счастью. И вот мы любили. Чёрт, сейчас мы любили как никогда! Страдание прожгло в наших душах отверстия, в которых сейчас плескалось счастье. Крепко держась за руки и за наш святой Грааль, мы не боялись нового раунда. В любой кромешной тьме всегда найдутся звезды.

Из плотной пустоты вокруг резко соткались горящие стены каменной комнаты, словно раскрылся гигантский бутон рыже-алого цветка. Трещало пламя на раскаленном камне. С потолочных балок свисали дымящиеся языки.

Шагая среди пожаров и дымов, мы двигались в центр комнаты. Фонтаны искр то и дело перегораживали нам путь. Целя нам в головы, бухал откалывавшийся от стен камень. Так чья-то воля пыталась остановить нас.

Еще издалека засверкала отблесками огня в чешуйках длинная змея, кусающая себе хвост. Дымящиеся обломки закрывали часть согнутого колесом туловища, и только подойдя вплотную, мы увидели, что змею мучают.

Двое людей терзали несчастную. Один двуручными железными клещами оттягивал нижнюю челюсть змеи вниз. Второй таким же клещами вцепился ей в туловище возле хвоста и толкал его в раскрытую пасть бедной.

При звуке наших шагов живодеры подняли головы. Я вскрикнул и сжал пальцы Юли.

У обоих людей не было лиц.

Два живых кошмара выпрямились. В полтора раза выше человека, чудовища возвышались над горящим адом вокруг. И над нами.

«Как жалкая ананси смогла пробудиться в Истоке, брат?»

«С ней Чувствующий, брат».

Хриплые голоса трещали в пламени, отдавались в треснутом от жара камне. Гудели в костях моего метафизического скелета. От чудовищ разило древним злым разумом.

Тяжелые клещи в вытянутых руках отпустили змею и смотрели в нашу с Юлей сторону.

«Почему вы не бежите, жалкие?»

И я был готов уже драпать, утаскивая за собой Юлю. Но пустота обожгла мою ладонь.

Юля отпустила меня.

– Уходи, – сказала она, глаза ее сверкали в красных отблесках, как расплавленное золото. – Моя миссия – спасти ее.

Все мысли Юли сейчас были только об истерзанной змее у ног безлицых тварей. Вдруг я ощутил, насколько чужеродно нам это измерение. Мы забрались слишком далеко. Мы даже умерли и воскресли.

– Уже выгоняешь? – хмыкнул я. – А кто обещал пообещать никогда не расставаться?

Быстрый свет вспыхнул и облачил меня в красные аксамитовые доспехи.

– Нет уж, теперь не отделаешься, – я протянул руку и выхватил из воздуха унгольский топор.

Юля улыбнулась краем губ. Из каменного пола вырос длинный рычаг и уткнулся резиновой ручкой ей в ладонь.

– Я проверяла твердость твоих намерений. И, знаешь, ты засомневался.

Чудовища медленно двинулись на нас.

«Когда Очищение...»

Я принял стойку, которой учил Овако.

– Неужели?

– Ты шагнул назад.

«...настигнет нечестивый Отголосок...»

Плиты пола разрезали алые языки. Огненное кольцо взметнулось и окружило нас с чудовищами.

Я поднял бровь.

– Да ну? Неправда!

– Шагнул-шагнул.

Со всех сторон шипело и трещало пламя. Враги шли, дымный занавес между ними и нами уменьшался.

«...извращения жизни прекратятся и...»

–Э-э...соскользнула пятка просто: здесь пол неровный. Лучше смотри как я понесусь вперед без страха и сомнений.

«...грешить грехи не смогут больше жалкие...»

Юля прижала свободную руку к груди.

– Мой рыцарь!

«...как и дышать...»

Второй рукой она дернула рычаг.

Полыхающий потолок раздвинулся и, прорезав черные клубы, на одну из тварей рухнул водопад ослепительного белого света. Сначала голова без лица запылала как свеча, затем весь силуэт великана скорчился внутри чистых бушующих волн.

От страшного вопля ухнула каменная кладка.

«Бра-а-т!»

Второе чудовище замахнулось на Юлю клещами как дубиной. Я пересек твари дорогу и отбил топором тяжелый удар. Отдача свела судорогой мою руку, из эфирных легких вышло весь воздух, и все-таки я завертелся вокруг великана, де-

лая ложные выпады. Каждый взмах, каждый уклон был точен. Пропитанная знаниями пустота щедро делилась со мной техниками великих воинов.

Древний враг живого не отступил и даже не шелохнулся. Клещи свистели, вспарывая дым и горячий воздух, создавая неприступный щит перед тварью. Железо грохотало, сталкиваясь, но это была битва не стали, не физических мускул, а сознаний. Схватка обозленной воли и неопытного разума.

Я глядел на тварь – и видел ее прошлое.

Эти существа продирались сквозь века, постигали сущее, ликовали от глотка нового знания – пока не настал их предел. Вселенная разрасталась, истина усложнялась, и древний разум уже не поспевал за ней. Тогда озлобленные твари прокляли мир, решив уничтожить его, а затем возродить чистым и юным, чтобы начать пир заново.

Чудовище с силой взмахнуло клещами, отколов от моего топора лезвие.

«Все, что наполняет тебя, – это гниль, жалкий».

Я отступил только на шаг. За моей спиной Юля сдерживала столпом света другое чудовище.

Враг бросился вплотную. Огромная тень накрыла меня, и ненасытный пожар за ее пределами померк.

«Все знания, все влечения, все терзания...».

Я сжал обеими руками покалеченное оружие. Сколько жизней исчезнет, если я проиграю? Скольких друзей подведу? Скольких уже подвел?

В зазубринах на топоре выступили алые сгустки. Человеческая кровь. Кровь Маны. Муки моей совести всплывали на обколоте железом яркими каплями.

Тварь хрипела.

«В самом рождении тебя окунули в кривизну Отголоска»

Капли скапливались на выступе обуха над древком, сверкая во всполохах пожара.

«Даже в Истоке ты болен опытом нечестивого»

Тварь замахнулась клещами над моей головой.

«А мы с братом лечим...»

Первая капля упала на пол. Из лоснящегося пятнышка на камне выстрелил шипастый стебель пышной алой розы и обвил плоскую безглазую голову твари.

Длинные руки взметнулись. Загрохотали упавшие клещи.

– Сам жуй свои пилюли, доктор, – я тряхнул топором, обильная кровь брызнула с обуха.

Из обгаренного камня вырвались новые румяные цветки. Зелено-алые оковы оплели руки и ноги твари. А она мычала и пыталась оттянуть с плоскости на месте лица упругий стебель. Под большими вытянутыми пальцами между шипов пылали роскошные бутоны. Венок, который в пору сказочным принцессам или королевам школьных балов.

Запахло ароматной смесью пряностей, мха и меда. Сейчас в горячей комнате как раз стояла жаркая сухая погода.

– Значит, цветы ты даришь не только мне, – упрекнула меня Юля, без перерыва дергая тянущиеся из пола рычаги и

поливая второго великанами волнами света.

– Тебе, только тебе, – сказал я. – Вот собираю новый букет.

Кровь текла с топора, цветки возникали и накидывались на врага, спутывая его. Чудовище почти скрылось под пестрым шипастым покровом. Посреди огня валялись смятые лепестки и разорванные в клочья листья.

«Кто...»

Тень внутри потоков света загорелась черно-рыжим пламенем. Ослепительные белые струи треснули и распались на тонкие волокна.

Юля вздрогнула и пошатнулась. Я подхватил ее под руку.

«...Кто остановит Очищение?»

Обручи роз на втором чудовище вспыхнули и опали горящими обломками.

«...Кто обуздает Истину?»

Источая дым и запах жареного мяса, два чудовища вышли из сброшенных оков. Валы огня поднялись за их плечами. Из-за бьющего в лицо жара я едва мог смотреть на врагов.

«Нельзя помешать Замыслу, но вы поплатитесь за дерзость».

Огромные огненные ладони позади тварей хлопали друг о друга и раздувались еще больше.

«Армии наших рабов обрушатся на Люмен».

– Не смей трогать их! – проорал я. Мою гортань обжег раскаленный дым ада, я закашлялся. – Не смей.

«Ваш мир в огне... Это последний шанс, жалкие».

Черные обожженные твари застыли. Слепые головы качались, уставившись на нас.

Вздрогнув всем телом, Юля заплакала.

– На самом деле, я хочу носить неудобное кольцо, – сказала она. – Очень хочу.

Со всех сторон трещал огонь, наши глаза слезились и видели смутно.

Теперь мы знали, что нас ждет. Вечная борьба, вечное пламя. В нулусе сознание не может потухнуть, пока не сдаться. Заканчивались последние секунды отдыха перед вечным испытанием.

– Почему бы и нет, – улыбнулся я.

Я коснулся пальцев Юли и вокруг одного из них обвился золотой сверкающий ободок.

Юля подняла руку с кольцом близко к лицу.

– И вовсе не неудобное... – она спохватилась и сказала. – Ты уверен? Тебя ждут друзья.

Я покачал головой.

– Нас жду друзья.

Помедлив мгновение, Юля схватила мою руку и поцеловала безымянный палец. Вокруг него вспыхнул такой же золотой обруч, как у нее. Кроме того, что на моем кольце две царапины пересекались на ободке.

– Когда-нибудь, – сказала она, распрямляясь.

Я бросил под ноги поломанный топор и выхватил из пу-

стоты новый. Позади нас хрипела змея, пытаясь выплюнуть хвост. Помочь несчастной мы не могли, только бороться за то, чтобы никто не мешал ей бороться с собой. У всех, у каждого своя борьба.

– Когда-нибудь, – сказал я.

Мы бросились на чудовищ. Взревели твари – первобытные демоны, – и огненные водопады рухнули с потолка. Нас отбросило на каменный пол, мы покатались, окутанные красным пламенем. Стены рухнули, сокрушенные адским жаром.

Белым светом Юля разбросала обломки, мы поднялись из руин и напали на чудовищных врагов. Теперь твари отступали, отбиваясь.

Грохотали наши удары, ревели твари. Земля под ногами проламывалась до самого ядра. По швам трещали небеса. Между белых линий качались далекие светила. Иногда посреди ударов мы успевали поднять головы и убедиться, что точно такие же звезды еще горят над Люменом.

Динь-Динь, Мана, Дарсис, Орпо, Овако, Рудо, Герсен, Лила ...

Простите, ребята. Простите, что задержусь.

Эпилог

Они не вернулись.

Весь вечер и полночи мы прождали Стаса и Юлирель в порталной рубке. В итоге мы с Рудо уснули прямо на полу. В одной половине рубки развалились унголы, в другой архонт с рабочими станции. Динь-Динь, Рудо и я сидели между ними. Голова Рудо лежала на моих коленях, а сам я оперся спиной на пульт управления.

Задолго до утра Динь-Динь и архонт начали поднимать всех.

– Мы возвращаемся немедленно, – сказал Динь-Динь. – Нужно успеть остановить войну.

Архонт Гертен согласно кивнул. Рудо запротестовала. Стас придет, говорила моя «сестренка», он обещал мне все объяснить.

– Они явились в моем сне, – сказал Динь-Динь, коснулся пальцами своих губ и тут же смутился. Но архонт сказал:

– Они снились нам обоим. У Юлирель и Станислава своя долгая битва, а нас ждет своя.

– На Люмен мчится страшный враг. Стас взял с меня слово, что я объединю ананси и унголов против новой угрозы, – объяснил Динь-Динь.

– А я обещал помочь, – вторил архонт.

В аэроомнисе я одной рукой держал штурвал, второй мол-

ча гладил руки моей Рудо, успокаивая «сестренку». Оба мы поглядывали на Динь-Динь, который держал палец на губах и не отрывал взгляда от звездной бездны.

– Юлирель поцеловала меня, – сказал француз. – На прощание она улыбнулась и спросила: «Теперь красотка расплатилась?». Никогда не видел ее такой озорной и живой, – его лицо помрачнело. – Надеюсь, Зерель сможет снова стать такой же.

Когда мы вернулись, Динь-Динь и Гертен сразу посадили уцелевших архонтов и ярлов за стол переговоров. Сказать просто, что у них получилось, значит опустить все убийства, все ножи в спину, всю кровь, пролитую во время «обсуждений условий мира». Не раз унголы пытались устроить засаду архонтам, и тогда отряд эмпатов Динь-Динь без жалости наказывал мятежников. Около четверти ярлов казнили за сговоры. Только жестокой демонстрацией силы Динь-Динь мог подчинить своевольных белых ареопов.

Но невозможно в один миг сдружиться со старым врагом. Каждый день сотни унголов бунтовали против навязанного мира. Усмиряя их, погибла зеленоглазая Адала, лучший друг Динь-Динь после Стаса. Если бы в то же время Зерель не выздоровела благодаря близости любимого, не знаю, выдержал бы Динь-Динь насилие, что он видел и творил сам каждый день. Даже Овако Веселый чуть не развернул свою армию против Волшебников, которых всегда восхвалял.

Но однажды однорукий ярл пришел на очередные перего-

воры и вонзил топор в стол перед носом Гертена.

– Ладно, Волшебник Стас, ладно, – заорал великан. – Твоя взяла.

Мощные желтые пальцы отпустили стертую рукоять топора.

– Забирай, красный старик, – кивнул белокудрый великан Гертену на оружие. – Этой ночью Волшебник Стас влез в мои сны и пообещал, что в обмен на мой топор ты отдашь нашим детям волшебный эликсир долгожителей.

Стол с треском разломился на две половины, и топор застучал по полу.

– Когда мои дети получат эликсир?

– Ярл, ты уже сам вручил его нашим отпрыскам, – сказал архонт, – называется этот эликсир «мир».

Овако недоверчиво смотрел на старого ананси.

– Мои дети будут жить дольше тридцати пяти лет?

– Намного дольше.

Мир наконец наступил на Люмене. Ананси делились с унголами, лобами, кумо, арахнами раздобытыми у далеких цивилизаций технологиями. Вместе они экспериментировали с семенами культурных растений и особями сельскохозяйственных животных с других планет, пытаясь прижить их на Люмене. Постепенно на травяных равнинах, среди густых лесов и сыпучих песков поднимались пашни, покосы, огороды. Тучные стада наполняли высокогорные пастбища Серых гор, и теперь уже унголы поставляли выращенное мя-

со пустынным-арахам. Медицина также не стояла на месте. Через три года ананси построили на островах кумо новый тысячакапсульный инкубаторий, куда принимали по записи со всего Люмена. Скоростные трассы опоясывали планету, протягивались железные дороги и паромные маршруты. Разрозненные народы соединялись.

Далеко не все смогли забыть кровные обиды. Среди них был и Орпо из Монтехро. Его отряд поднял мятеж, и многие эмбаты пали от руки бывшего друга. Динь-Динь запер Орпо в карцере, в той же камере, из которой высвободили Дарсиса.

Но однажды Орпо заявил, что отказывается от мести.

– Ночью Волшебник Стас явился мне, – сказал воин. – Он показал мне орды тварей, что летят на Люмен. Ковчег, полные чудовищных роев. Волшебник Стас спросил меня, важнее ли мечь жизни.

Динь-Динь выпустил Орпо, и воинственный унгол снова взялся за топор. Но уже для защиты нового мира. С Дарсисом воин старался не встречаться.

Рудо и Мануэла злились, что Стас не посещает их сны. Я притворялся, что мне все равно, но тоже хотел увидеть снова наших ангелов-хранителей, как называла их Рудо.

И вот в жаркий день лета Мануэла вошла в столовую на завтрак, и слезы радости сияли на ее загоревшем лице. Толпа гешвистеров сразу окружила ее.

– Стас вручил мне *скурлат*, алую розу. Сказал, что благодаря мне выдержал первую битву. Первую из множеств, – из

глаз бразильской девушки снова потекли слезы, она не пыталась их сдержать или вытереть. – Впервые он подарил розу *мэ*, мне.

Смуглые кулаки ее сжались.

– И, конечно, эта золотоглазка Юлирель не могла не встать, что у нее самой цветов от Стаса уже вагонов сорок. Смотрела на меня с таким сочувствием, что... rrr! Еще и в щеку меня поцеловала! *Эрругант*, наглая гади!..

Она заметила, что вместе с детьми ее внимательно слушает архонт Гертен, отец Юлирель. Мануэла подуспокилась, и добавила, что где-то на заднем фоне маячили змея, жующая свой хвост, и два черных великана без лиц.

Гертен бесстрастным тоном сказал, что в древних человеческих культурах змея, кусающая себя за хвост, символизировала вселенную и цикл жизни и смерти. На мой вопрос, что значат люди без лиц, архонт пожал плечами и ушел. Уже спустя годы, сидя в библиотеке одного из наших контролеров на Земле, я прочитаю в одном потрепанном соннике, что человек без лица снится к финансовым потерям, в другом любовном толкователе, что – к измене, в третьем, что – к проблемам со здоровьем или смерти родственника. В общем, ничего хорошего люди без лиц не сулят.

Как-то я заметил Рудо, что Дарсис избегает Мануэлу. Рудо сказала, что это по той же причине, почему Орпо избегает Дарсиса.

– Дарсис тоже боится при встрече с ней не выдержать и

подраться? – удивился я.

– Нет, – хихикнула Рудо и сразу насупила черные щечки. – Боится, что, увидев ее, испытает боль.

Ранним утром я проснулся от гудения мотора под окном. Дарсис грузил сумки в багажник карсы. Встревоженная, Рудо спустилась на улицу, а следом я.

Не глядя на нас, Дарсис загрузил последнюю сумку и захлопнул багажник.

– Сегодня они приходили ко мне, – вдруг сказал капитан Гарнизона. – Умник спросил, не забыл ли я, что меня ждет пара сирот. Я хмыкнул и сказал, что мальчишки ждут смерти от моей руки. Нет, улыбнулся умник. Сироты ждут именно тебя, Дарсис Красный папуля.

Рудо улыбнулась, я тоже, глядя на нее. Дарсис открыл дверь карсы и застыл. Медово-желтые глаза смотрели в окно его и Мануэлы квартиры.

– Я принес дикие розы в ее комнату, – признался капитан. – Похоже, тоже превращаюсь в глупого умника.

Затопали ноги, дверь в общежитие распахнулась и наружу выскочила растрепанная Мануэла, в белой пижаме, босая. Она тяжело дышала, но не задыхалась. По ее правой руке стекала кровь со смуглых пальцев.

Воздух между девушкой и Дарсисом стал душным, как перед дождем, и мы с Рудо тоже тяжело задышали.

– Ты не обрезал шипы, – с упреком сказала бразильянка, подняв поцарапанную руку.

Дарсис ухмыльнулся.

– Без них розы уже не розы.

И Мануэла бросилась капитану на шею.

Когда Мануэла и Дарсис уехали в Седые равнины, мы с Рудо долго стояли у дороги и махали им вслед. Какой Дарсис романтичный, вздыхала моя Рудо, вдобавок еще и ответственный. А как иначе, поддакивал я. Ведь отец же!

Вскоре дождалась и моя черненькая белозубая Рудо. Все утро после необыкновенной ночи Рудо кружилась и пела сладким голосом: «Как ангелочки, Герсен! Они сверкали, как ангелочки!». От радости за мою любимую «сестренку» я смеялся и хлопал в ладоши.

Вдруг Рудо остановилась, и вздыбленные полы ее лилового платица опали. Круглое лицо ее вмиг посерьезнело.

– Кстати, Герсен, – сказала моя «сестренка». – Стас передал тебе просьбу. Он хочет, чтобы ты нашел на Земле его неродную сестру Лену.

– Но почему я?

Меня расстроило, что Стас не захотел попросить сам.

Рудо пожалала плечами: причина казалась ей само собой разумеющейся.

– Потому что ты любишь звездное небо, глупенький, – сказала Рудо. – А на Земле самые красивые звезды.

Теперь мы с Рудо живем в Трюсиле, в Норвегии. Небо над спрятанным среди хвойных лесов особняком одного из наших земных контролеров настолько чистое, что на звезды

можно смотреть как на шарики мороженого в рожке – все светила как на ладони. Вот вам Галактика Андромеды, туманность Ориона, Арктур, Собачья Звезда Сириус. И все на фоне темных шапок елей, журчащих речек, гладких зеркал озер.

Временами Рудо выезжает в город. Возвращается она всегда в новых шляпках и платьицах. Мне же хватает книг и телескопа. Когда не руковожу сетью агентов по поиску сестры Стаса, или не люблюсь звездами, или не читаю забавных комиксов про криптонца Супермена, мы с Рудо выбираемся на склоны и катаемся на лыжах. Я полюбил мороз, лыжи и горячий кофе. Полюбил я и безделье. О таком море времени никто из детей-ананси и мечтать не смел. Да и далеко не только детей.

Недели и недели летят, а я по-прежнему ищу сестру Стаса. Иногда я устраиваю собрания с контролерами-людьми в каминном зале особняка, вот как с вами сейчас, и рассказываю о приключениях наших ангелов-хранителей на Люмене. Ну и заодно об их дружбе, ссорах, взрослении. Об их борьбе друг с другом. И друг за друга. И за всех нас.

И Рудо часто вспоминает их. Ангелы Стас и Юлирель. Они всегда с нами, всегда рядом – верит моя Рудо. А раз верит она, то и у меня нет выбора.

Почти все. Почти. Вчера, листая очередные отчеты о безрезультатных поисках Лены, я уснул за письменным столом,

и тут наконец они посетили и меня. Наши ангелы. Юлирель обнимала меня, Стас хлопал по плечам. Лица их улыбались, но глаза почти плакали. На пальцах у обоих сверкали золотые кольца. А за их спинами два черных обожжённых великана без лиц медленно плыли к нам сквозь облака сновидений.

– Спасибо, что ищешь Лену, Герсен, – сказал Стас.

– Почему вы сами не попросили меня?

– Мы не хотели тебя лишней раз беспокоить. До сих пор мы являлись только к тем, кто нуждался в нас, а не наоборот.

– Но сейчас вы здесь...

– Просто мы соскучились, – улыбнулась Юлирель. – Как ты вырос!

Они взялись за руки и повернулись к великанам.

– Тебе пора, Герсен. Сейчас здесь будет полыхать.

– Подождите... Вам больно? Вы страдаете там, в другом мире?

Сотни ярких светящихся огоньков покрыли их тела, и я подумал: Правда, как ангелочки!

А Стас, прежде чем исчезнуть вместе с Юлирель из моих снов и моей жизни, сказал:

– В другом мире? Герсен, это подписка на всю жизнь. Везде, в любом измерении, на любой планете, мы – все мы! – обязательно будем страдать. Страдать, чтобы иметь право на счастье.

Благодарности

В первую очередь хочу поблагодарить Марию Поцеюн за то, что была терпеливым бета-ридером и рецензентом. Она единственная прочитала все произведение на стадии черновика и высказала ценные замечания к каждой главе.

Также хочу поблагодарить свою мать за идею книги и отца за то, что привил мне любовь к книгам.

В оформлении обложки использован рисунок автора Полины Заводиной